

К.М. СТАНИУКОВИЧ

В МУТНОЙ ВОДЕ

•
жрецы

Константин Михайлович Станюкович

В мутной воде

В романе «В мутной воде» Станюкович прежде всего уделяет внимание разоблачению русской буржуазии и чиновничества, которые, прикрываясь фразами об «освободительной войне», наживали капиталы в то время, как солдаты и простые офицеры гибли на фронте из-за бездарного военного руководства и бессовестного грабежа интендантов. Эти разоблачения вполне соответствовали духу революционного подъема, приведшего к созданию революционной ситуации в России конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

**Константин Михайлович
Станюкович
В мутной воде**

В мутной воде

Оригинальный роман из последних событий

Глава первая

Брак не по любви

I

В феврале 1877 года, в конце девятого часа вечера, у почтамтской церкви был большой съезд. То и дело подъезжали кареты. В ярко освещенной церкви все было готово для парадной свадьбы; там собралась уже порядочная толпа блестящих, раздушенных дам в бальных нарядах и мужчин в мундирах и фраках, на которых в избытке мелькали звезды.

Ожидали жениха и невесту, а пока, разбившись на группы, тихо смеялись и болтали, взглядывая на двери. Болтали о войне[1], о последних телеграммах, сплетничали друг про друга, говорили о женихе и невесте, и все находили, что «маленькая» Елена Чепелева делает прекрасную партию, выходя замуж за

Василия Александровича Борского.

Достаточно было сказать имя Борского, чтобы порадоваться за Елену. Имя Борского начинало приобретать в Петербурге известность. О нем говорили, как о восходящем светиле в мире дельцов, как об умном, образованном и замечательно счастливом человеке. Тут же вы могли бы узнать, если бы раньше не знали, что он поправил расстроившиеся было дела известных братьев Позняковых, с тех пор как стал управлять делами, сделался недавно компаньоном Позняковых, имеет сам несколько предприятий, пользуется блестящею репутацией и связями и, несмотря на то что начал всего года три или четыре, очень богат. Одни говорили, что у него миллион, другие — что больше, но все соглашались на том, что не менее миллиона и что дела его блестящи.

«Дельный, солидный и основательный человек!» — говорили про него обыкновенно мужчины. Дамы к этому прибавляли, что Борский очень интересен.

— Елена должна быть очень счастлива! — тихо заметила молодая брюнетка, жена из-

вестного финансового туза, оканчивая рассказ о замечательных словах, сказанных будто бы известным дипломатом. — Борский такой прекрасный человек.

— Говорят, Елена не очень-то желала этой свадьбы... У нее был маленький роман... Она, кажется, любит другого... — отвечала соседка, бойкая барыня с подкрашенным лицом и подведенными бровями...

— Детская шалость?.. — проронила брюнетка.

— Вероятно... Я слышала, что свадьба эта — дело матери. Ведь вы знаете: мадам Чепелева умная женщина... У них ничего нет... Крохи какие-то остались... а долгов пропасть...

— А брат миллионер?

— Он не очень-то их балует... Разве оставит что после смерти... Говорят, он все завещал Елене, но теперь дает только пятьдесят тысяч.

— Только?

— И это еще слава богу! Он ведь такой взбалмошный старик... И эти деньги вымолила мать со слезами... Старик теперь без ума от

Бениславской. Эта женщина его совсем опутала...

— Ну, Борскому все равно. Он так богат... Я слышала, он влюблен, как мальчик?

— Говорят... Впрочем, он вообще близок к семейству Чепелевых. Вы, верно, знаете, что он когда-то был у них в доме учителем я что сама мадам Чепелева очень ему нравилась...

Разговор перешел в шепот.

Молоденькая брюнетка, с темными блестящими глазами, жадно слушала чудовищную сплетню, которую подкрашенная барыня рассказывала со всеми подробностями, укорительно покачивая головой...

— Это в ее жанре... Так дочь выходит за любовника матери?

— Что же, это не редкость! — засмеялась дама. — Это бывает!

«И у тебя ведь тоже есть любовник!» — подумала она, продолжая весело болтать с брюнеткой.

Певчие грянули концерт.

Разговоры стихли. В церковь вошел жених.

Это был красивый, плотный господин лет тридцати, с умным и выразительным смуг-

лым лицом. Он обходил группы знакомых, любезно пожимая руки и приятно улыбаясь. Не успел он еще обойти всех, как снова запели певчие и в церковь вошла, об руку с отцом, стариком генералом, невеста.

Стройная, грациозная, небольшого роста, она тихо шла, не оборачивая своей необыкновенно изящной головки. Ее прелестное, с тонкими чертами лицо было серьезно и торжественно. Бледная, она казалась еще бледней в белом подвенечном платье, а большие голубые кроткие глаза ее с каким-то детским испугом глядели вперед...

— Невеста имеет печальный вид! — заметили вокруг.

— Но зато как сияет мать!

И правда: мать сияла. Она весело кивала головой по сторонам, идя под руку с посаженным отцом, высоким седым генералом, хорошо известным в Петербурге и которому мужчины почтительно кланялись.

Несмотря на свои сорок лет и, пожалуй, с хвостиком, Чепелева была еще видная, полная брюнетка с блестящими подведенными глазами. Она весело улыбалась, открывая ряд

чудных белых зубов, и вся сияла торжеством и счастьем...

Дяди-миллионера не было в церкви, и все это заметили.

Начался обряд венчания.

Священник венчал долго и торжественно, так что, когда обряд был кончен и все присутствующие успели основательно познакомиться с биографией молодых и с разными пикантными подробностями насчет Чепелевых, невеста едва стояла на ногах. Борский взял молодую жену под руку и торопливо повел ее из церкви.

II

Из церкви все поехали на Английскую набережную к молодым. О роскоши нового жилища давно ходили толки, и действительно квартира была роскошная. Везде ковры, бронза, цветы, картины. Дамы с любопытством и завистью рассматривали будуар, отделка которого, как говорили, стоила до двадцати тысяч. Всем чувствовалось как-то особенно приятно среди этого комфорта и роскоши, и все с каким-то особенным уважением смотрели на Борского, умевшего так мило устроить уют-

ное гнездышко.

Лакеи разносили шампанское, фрукты и чай. Все поздравляли молодых и желали им счастья. Дамы целовали Елену и находили, что она прелестна. Елена успела уже оправиться и благодарила за эти фальшивые ласки и пожелания с улыбкой на устах. В гостиных шли разговоры, и главной темой, разумеется, была война. Молодежь находила, что война будет веселою прогулкой до Константинополя, и тут же кто-то рассказывал, как смешон был какой-то старый генерал, который доказывал, что нужна армия в триста тысяч. Все полагали, что война кончится очень скоро, в несколько недель. Дамы рассказывали, какие чудные вагоны устроены для раненых и как будет хорошо «нашим славным солдатам». Слушая, как им будет хорошо и как все эти милые дамы будут заботиться о них, оставалось только желать, чтобы было больше раненых. Все находили, что турки заслуживали урока и чем скорее дан будет им урок, тем лучше...

В маленькой гостиной около важного седого генерала сидело несколько генеральских

эполет и звезд на фраках. Ожидали, что генерал скажет какую-нибудь новость, но он никакой новости не сказал, а вспоминал с Чепелевым о службе на Кавказе. Все почтительно слушали и смеялись, когда улыбался седой генерал. Борский был тут же и умел выждать время, когда генерал заговорил с ним. Борский незаметно навел разговор о трудности продовольствия армии и говорил по этому поводу толково и основательно, так что генерал слушал его со вниманием.

— Вы, видно, изучали этот вопрос! — тихо проговорил он, вставая, и прибавил: — Если вздумаете иметь с нами дело — пожалуйста...

Вслед за тем он уехал, а за ним стали разъезжаться и другие гости. Только в одной группе шел оживленный разговор. Плотный, плечистый, с большими выпученными глазами адмирал рассказывал о том, как недавно один молодой мичман просился у него на простой шлюпке взорвать турецкий монитор на Дунае.

— Воодушевление у моряков необыкновенное... — закончил он, — и турецкому флоту несдобровать...

— А что будут делать поповки?..

Адмирал сулил им большие дела и стал тут же доказывать, что если бы были у нас одни поповки, то было бы лучше.

Однако надо было уезжать. Адмирал не успел закончить лекции о круглых судах и, круто повернувшись, пошел прощаться.

Высокий худой господин со звездой, прощаясь с Борским, спросил:

— Говорили с генералом?

— Говорил... Кажется, он будет согласен...

— Это хорошо, а все-таки вам лучше съездить к Наталье Кириловне и с ней еще переговорить... Она... ну, да вы сами знаете... На днях побывайте у меня.

Скоро все гости разъехались. Остались одни Чепелевы.

Старик отец нежно глядел на Елену, держал ее за руку и тихо с нею разговаривал.

Чепелева у окна говорила с Борским.

— Каков дядя?! И на свадьбу не мог приехать... Это просто срам... Я у него была сегодня утром: говорит, болен и никого не принимает... Дать своей наследнице каких-нибудь пятьдесят тысяч... Я этого не ожидала.

— Он серьезно болен?..

— Однако выезжает и целые дни проводит у Бениславской... Это становится скандальным... в его лета и с его болезнью!

— Я знал эту барыню. Это энергичная женщина... Вы, Александра Матвеевна, вместо того чтобы понапрасну бранить их, узнайте-ка завтра получше, как там дела... Дело может кончиться серьезнее, чем мы с вами думали...

— Не лишит же он Лену наследства. Ее-то он любит?

— Все это очень возможно. Но вы знаете старика, на него легко может повлиять такая женщина, как Бениславская. Она на все способна... Было бы очень полезно старика удалить от нее...

— Но ведь вы знаете, Basile, я пробовала... Чем же это кончилось?

— Надо умней попробовать. Вы тогда, тапан, слишком увлеклись... Старика ведь недолго жить, говорят, а?..

Борский помолчал и спросил:

— А Леля грустна... Она сегодня плакала?

— Плакала, но все эти глупости пройдут... С вами она забудет свою детскую любовь! —

отвечала она, кокетливо взглядывая на Борского. — Леля ведь еще так молода!..

— Вы думаете... забудет? — задумчиво проговорил Борский.

— Еще бы... Она такая мягкая... Вы только будьте нежней... Ну, да этому учить вас не к чему!..

Отец между тем прощался с дочерью.

Елена бросилась ему на шею и нервно зарыдала. Старик тихо плакал, прижимая к груди свою любимую «девочку».

— Ведь ты будешь счастлива? Да? Ведь будешь? — точно старался уверить себя старый генерал. — К чему же слезы? Ты не плачь!.. — шептал он, прижимая к себе ее голову.

— Буду... буду... папочка... Я так... Тебя жалко, а обо мне ты не беспокойся... Привыкну... — говорила она, утирая слезы. — Я к тебе буду часто приезжать. И ты не забывай свою девочку... слышишь?.. Приезжай ко мне чаще. Да смотри, папа, — краснея, шепнула она ему, — не забудь передать письмо Венецкому... Ты не беспокойся... я только прощаюсь с ним... Он ничего не знает... Скоро придет, верно... Ты прими его...

— Не забуду... Приму... моя крошка!.. — отвечал старик и стал поспешно крестить Елену. — Твой муж добрый человек, Леля... Он любит тебя... И ты люби его...

— Смотрите же, Василий Александрович, — проговорил он как-то торжественно, обращаясь к Борскому, — берегите Лелю... Она!.. она...

Он что-то хотел сказать, но не договорил и тихо побрел из гостиной...

Мать обняла Елену, назвала ее счастливицей, сказала, что все ей завидуют, перекрестила ее и торжественно заметила:

— Ну, милое дитя, счастье у тебя в руках... Будь же счастлива.

Прощание вышло несколько холодное.

Молодые остались одни.

Елена опустилась в кресло и рассеянно перебирала платок. Слезы текли по ее лицу. Борский подошел к ней, тихо взял ее за руку и промолвил:

— Елена! Вы устали. Вам нужно отдохнуть...

Елена покорно поднялась с кресла.

— Елена! — тихо прошептал Борский, под-

нося ее руку к своим губам. — Скажите, могу я рассчитывать, что вы меня со временем... полюбите?..

Она вздрогнула.

— Вы знаете... я... я... очень благодарна вам за все, что вы сделали для нас, и постараюсь быть хорошей женой...

Он тихо пожал ее маленькую руку и больше ни о чем не спрашивал, проводил ее из гостиной и сдал на руки горничной.

Уже был час ночи, а Борский не собирался спать. Он нервно ходил по роскошному кабинету, и мрачные мысли толпились в его голове. Он вспомнил прошлое, надежды юности, иных людей, иную обстановку. Он тогда был беден и никогда не рассчитывал быть богачом, а потом вдруг все изменилось... Он почувствовал какую-то страсть к наживе, точно игрок... Он был счастлив и скоро составил себе состояние. Удача шла за удачей, спекуляции удавались. Он был богат, а теперь?

Он усмехнулся. Все считали его миллионером, а между тем он был накануне полного разорения, и если бы ликвидировать дела, то остался бы громадный дефицит.

Но он снова надеялся... Один другого грандиознее планы зрели в его голове. Он мечтал о новых спекуляциях, рассчитывал будущие барыши... Если бы умер дядя и оставил Леле состояние, то каких бы чудес не наделал он с этими деньгами?.. У него в руках были бы миллионы.

Но он поправится... Война на носу, и умному человеку довольно дела. Еще кредит есть. Еще целый месяц впереди до срока огромных платежей, а в месяц чего не сделаешь? Быть может, дядя даст денег.

«Хоть пятьдесят тысяч и капля в море, но они все-таки помогут! — подумал Борский. — Пока это последний шанс».

И он снова мечтал о новых спекуляциях и сердито отгонял всякую мысль о разорении...

— Все меня считают богачом и должны считать! — проговорил он.

Он вспомнил об Елене, и что-то тяжелое шевельнулось в нем. Любит ли он ее?.. Да, он ее любит, но он откровенно сознался, что он не женился бы, если бы не ожидаемое наследство. Он дал себе слово беречь ее... любить, — и она будет счастлива.

Часы пробили два, Борский стал медленно раздеваться. Перед ним проносились картины его молодости, когда он был студентом и ходил пешком с Петербургской давать уроки и изучал философию...

— Как все это давно было! — проговорил Борский. Он окутался в атласный халат и вышел из кабинета.

Глава вторая

Ловкая женщина

I

На часах пробило девять, когда в полутемный будуар роскошного бельэтажа на Гагаринской набережной вошла, неслышно ступая по пушистому ковру, пожилая горничная, одетая в безукоризненно белый чепец и такой же передник. Торопливо приблизившись к окнам, она отдернула занавески и подняла шторы.

Снопы света ворвались в окна и осветили ярким блеском солнца изящный женский будуар с мягкой изысканною мебелью, с цветами, картинами игривого содержания по сте-

нам, обитым бледно-розовым кретоном, и множеством дорогих безделок.

— Варвара Николаевна! Извольте проснуться. Девять часов! — тихо проговорила горничная, приблизившись к алькову.

Не успела она договорить последних слов, как маленькие женские выхоленные руки развернули занавеску алькова и между складок бледно-розового кртона показалась красивая женская головка.

Темные *chatin* волосы обрамляли овал бледного, выразительного, серьезного лица с большими, глубоко сидящими, темными глазами сухого блеска, чуть-чуть приподнятым носом, тонкими, сжатыми в нитку губами и маленьким, заостренным книзу подбородком. Это лицо можно было бы назвать прелестным, если бы не сухой взгляд и какая-то едва заметная черточка около углов маленького рта, придававшая лицу неприятное, злое выражение. На вид ей было лет двадцать пять или шесть.

Она слегка прищурилась на свет и проговорила приятным, грудным контральтовым голосом:

— Я давно проснулась. Скорей, Параша, одеваться.

Варвара Николаевна быстро всунула босые ноги в крошечные, отороченные мехом туфли, накинула пеньюар на плечи и, вздрагивая плечами от охватившего ее тело свежего воздуха, скользнула в соседнюю комнату, где ожидала ее ванна.

Через полчаса она вернулась в спальную, и тут начался ее туалет. Этим делом она обыкновенно занималась особенно тщательно. Сидя перед зеркалом, она внимательно взглядывала на свое лицо, а Параша расчесывала ее чудные волосы.

В это время, осторожно ступая кошачьими шагами, вошла старая, некрасивая женщина с пронырливым, зорким взглядом маленьких воспаленных глаз. Она была вся в черном, в плисовой шапочке, из-под которой выбивались пряди седых волос.

Приблизившись к Варваре Николаевне, она перекрестила ее три раза, фамиллярно чмокнула в губы и, усаживаясь на мягкую табуретку у ног ее, спросила:

— Ну как ты, моя королевна, спала?

— Скверно, Макридушка... Сна нет...

— Будет и сон... Будет, — говорила эта странная женщина каким-то особенным полупшепотом. — Я тебе сегодня на зорьке гадала.

При этих словах Параша искоса взглянула на старуху, и тонкая усмешка пробежала по Парашиным губам.

«На зорьке-то ты спала!» — подумала она, но ни слова не сказала, зная, что Варвара Николаевна питала какую-то страсть к разным гадальщицам и странным старухам, которые постоянно переменялись в этом доме.

— И что же вышло?

— Хорошо вышло. Исполнение желания!

— Правда?

— Ты знаешь, Варвара Николаевна, я неправды не люблю. За твою за хлеб за соль я врать не стану...

И странно: эти произнесенные спокойно, уверенным тоном слова произвели на молодую женщину видимое впечатление. Она весело улыбнулась.

— И все мои желания исполнятся?

— Все, родная моя, все...

— Ах, если бы все...

Она весело болтала с Макридушкой, пока Параша убирала ее чудные волосы. Затем ей подали капот, и она, розовая, белая, с кольцами на пальцах, вошла в маленькую гостиную, где уже готов был кофе и лежала газета.

После кофе Варвара Николаевна села за маленький столик, заказала обед и стала писать письма.

В первом часу у Варвары Николаевны начался обычный прием... Но кто такая эта Бениславская? — быть может, спросит читатель.

Бениславская появилась в Петербурге года четыре тому назад, и скоро о ней заговорили, как об очень красивой, умной и образованной женщине, живущей очень открыто и роскошно. Говорили, что она вдова, дочь какого-то бедного генерала, но подробностей ее биографии не знали, да и не вдавались в нее, точно так, как не интересовались знать, откуда у нее средства. Знали, что у нее обширные связи и знакомства, что у нее бывают сановники и дельцы, указывали то на одного, то на другого любовника, но ничего верного никто

не знал. В последнее время говорили, как о счастливице, о старике Орефьеве, богаче, родном брате Чепелевой, но и эти слухи были не более как слухами, которые, впрочем, Бениславская и не старалась опровергать. Дамы встречали ее косыми взглядами и не посещали ее. Мужчины, напротив, очень охотно посещали ее салон по вечерам и играли в карты.

К ней ездили за советами, ездили по делам и знали, что она сумеет дать совет и сумеет пустить в ход дела. Как ловкая женщина, она смело эксплуатировала своими связями и умела проникать в такие кабинеты, куда обыкновенному смертному проникнуть было трудно. Она пускала в ход все средства, и когда раз спросили ее, чем она живет, то она не без веселости сказала, что живет своим умом и молодостью.

Лакей во фраке и белом галстуке подал ей карточку.

— Просите сюда! — проговорила она, поправляя волосы.

Через минуту в гостиную вошел маленький черненький господин во фраке, с физио-

номией, сразу обличавшей его еврейское происхождение. Низко кланяясь, нерешительно подходил он к Варваре Николаевне.

— Садитесь... сюда, поближе! — сказала она, указывая на стул. — Очень рада с вами познакомиться. Мне о вас говорили... Вы недавно приехали?..

— Четыре дня тому назад! — ответил господин с заметным еврейским акцентом в произношении.

— Сколько мне известно, господин Гольдблюм, вы имеете намерение получить подряд в действующую армию?

— Точно так... Я очень желаю... Я подавал докладную записку.

— Она с вами?

— Вот-с она... Не угодно ли?

Господин Гольдблюм подал бумагу.

Варвара Николаевна прочла ее и, подавая ему назад, проговорила:

— Я думаю, это можно устроить.

— Можно? — обрадовался Гольдблюм.

— Я полагаю.

— Я был бы так благодарен вашему... вашему превосходительству... Я бедный человек...

— Ну, о бедности, господин Гольдблум, вы напрасно... Будемте говорить о деле. Оно будет стоить денег. Вы знаете, что все эти хлопоты без денег не делаются...

— А сколько? — каким-то шепотом проговорил Гольдблум.

— Пятнадцать тысяч! Я думаю, это не дорого...

Гольдблум чуть было не вскочил от испуга, услышав такую цифру.

— Но ведь подряд такой маленький... самый крошечный.

И он даже показал свой мизинец, чтобы объяснить, какой это крошечный подряд.

Бениславская улыбнулась и весело заметила:

— Ведь и деньги маленькие. Подряд вам может дать до пятидесяти тысяч чистого дохода...

— Ай нет... А на месте сколько платить!..

— Я рассчитывала все расходы... Смотрите.

И с этими словами она подала листок почтовой бумаги, на котором основательно был сделан расчет всех расходов.

Гольдблум с каким-то особенным уваже-

нием посмотрел на хозяйку.

— Если бы десять тысяч...

— Ах, мой дорогой Гольдблум... я не торгуюсь...

— Двенадцать.

— Ну бог с вами... Вам говорили условия?..

— Как же... как же... я привез и задаток и вексель...

Дело было слажено. Гольдблум дал три тысячи задатка (Варвара Николаевна довольно аккуратно пересчитала деньги) и затем на остальную сумму выдал вексель, взамен чего Бениславская выдала ему расписку.

— Уж вы, пожалуйста!.. — проговорил он несколько развязнее, после того как отдал деньги.

— Будьте покойны... Через неделю заезжайте ко мне...

Гольдблум встал и, почтительно пожав протянутую ему руку, вышел из гостиной.

Вскоре после ухода Гольдблума в маленькую гостиную вошел пожилой господин, чистенький, выхоленный, с гладко выбритым лицом, безукоризненно одетый во все черное.

При виде этого гостя Варвара Николаевна

привстала с маленького дивана и, протягивая вперед свою оголенную руку, весело проговорила:

— Здравствуйте, барон. Вы меня совсем забыли... И вам не стыдно?

Барон взял протянутую руку, сперва пожал ее, потом поцеловал несколько повыше кисти и, не выпуская руки из своей, заметил:

— Стыдно, Варвара Николаевна, очень стыдно, но я хворал...

— Хворали? Что с вами? — участливо спросила Бениславская. — Да садитесь сюда, поближе... на диван. Нам вдвоем будет место.

Барон начал рассказывать, что у него был грипп, и нежно посматривал на свою хорошенькую близкую соседку.

— Ну, слава богу, вы теперь поправились, и я очень рада...

— Уж будто и рады?

— А то как же?.. Ах, мой дорогой барон, вы, кажется, хотите перестать быть моим другом! — И Варвара Николаевна, в свою очередь, взяла барона за руку и крепко ее пожалла, а барон снова несколько дольше обыкновенного удержал хорошенькую ручку.

Барон рассказал, что он только что вернулся из заседания, где рассуждали о важных делах; заметил по этому поводу, что нынче основы очень шатки, и сообщил, что скоро будет новый процесс.

— Порядочные люди должны ужасаться при виде той разнузданности, в которой мы живем. Ах, Варвара Николаевна, — прибавил он с грустью, — я только что встретил на улице двух женщин... Боже мой, что у нас сделали с женщиной... Костюм уродливый, а манеры!!! Нет никакой женственности, нет того благоухания, которое так привлекает к себе... Нет...

Барон впал в идиллическое настроение, и разговор принял какой-то странный характер. Говоря о женственности и благоухании, барон как-то искоса посматривал на круглую шею своей собеседницы и, когда перешел к святости семейных основ и доказательствам, что без этого цивилизация немыслима, был красен как рак и стал говорить сладкие нежности.

Варвара Николаевна ловко отвечала в тон своему гостю, тоже, в свою очередь, заметила,

что нынче у женщин мало эстетического чувства, уверяла своего гостя в дружбе и как будто не замечала, что ее руки находятся в полном распоряжении у барона.

— Вы слышали новость?.. Борский женился...

— Как же, знаю... Невеста хорошенькая?

— Недурна, но очень молоденькая... знаете ли, совсем молоденькая...

— А вы, барон, разве таких не любите?..

— Нет...

— А каких же? — спрашивала она, наклоняясь к нему...

— Каких?.. Вы знаете. Варвара Николаевна, каких я люблю, — отвечал тихо барон.

— И полно... вам так кажется... — лукаво засмеялась она, отодвигаясь подальше и отнимая руку. — Вы со мной позавтракаете?

— Еще бы...

Она позвонила и приказала подавать завтрак.

Через несколько минут они прошли в столовую. Варвара Николаевна усердно подливала своему собеседнику вино и сама не отставала. Барон к концу завтрака совсем осовел и

умильно взглядывал на свою собеседницу. А она между тем спрашивала его:

— Могу я опять беспокоить вас, дорогой мой, просьбой...

— Еще бы...

— Видите ли... Мне писали об одном весьма порядочном господине, который хочет иметь подряд, но у него здесь нет никаких знакомых... Вы можете помочь мне?

— А вы, по обыкновению, готовы всем помочь?.. Добрая!..

— Что делать! Это моя слабость и, надеюсь, извинительная... Этот человек, барон, очень порядочный, он у меня сегодня был и...

— Ну, разумеется, я готов... Научите только, что делать...

— Поезжайте к министру и порекомендуйте ему этого господина... Вы ведь с министром хороши?

— Только-то?.. Ну, это с большим удовольствием.

Они снова перешли в гостиную, и Варвара Николаевна достала докладную записку, оставленную Гольдблумом, и передала ее барону.

— Спасибо вам, мой дорогой...

И она так ласково взглянула на барона, что барон как-то косо повел своими маленькими масляными глазками...

— Один холодный... мирный?.. — прошептал он.

Варвара Николаевна вдруг отступила назад и так обиженно взглянула на барона, что он даже оторопел.

— Барон... я, кажется, вам не дала повода... Вы оскорбляете порядочную женщину.

— Простите... простите меня... Но ведь я вас люблю... для вас я готов...

Барон совсем растерялся.

Варвара Николаевна спешила его успокоить; она усадила его около себя на диване и стала шептать слова утешения совсем раскисшему сановнику.

Уж и без того о ней бог знает что говорят, и без того ее оскорбляют, хоть она и выше оскорблений. Но неужели и он, ее лучший друг, мог хоть на минуту подумать?.. Она его уважает, любит как друга, могла бы полюбить и иначе, но он женатый человек, и, к сожалению, между ними может быть одна дружба...

И она продолжала шептать слова утешения, совсем наклонившись к нему, обдавая барона горячим дыханием, и совсем как будто не замечала горячих поцелуев, которыми осыпал ее шею и руки барон в порыве благоговейного восторга, вздрагивая, как молодой жеребенок.

Когда барон уходил от нее, то он еще более уверился, что Варвара Николаевна святая женщина, и был окончательно в нее влюблен, как кот.

В этот день у Варвары Николаевны перебывало несколько человек. Сперва заехал один известный старик генерал, рассказал несколько новостей из официального мира, сообщил новый анекдот, только что появившийся в обращении в высших сферах, говорил сальности на правах старика и несколько раз потрепал Варвару Николаевну дружески по спине и поцеловал ее руку повыше локтя, весело говоря, что он помнит Варвару Николаевну еще крошкой и что такому негодному во всех отношениях старику все позволительно.

Варвара Николаевна весело болтала, но на

этот раз не разыгрывала роли оскорбленной женщины, а попросила старика написать рекомендательное письмо одному «бедному и порядочному молодому человеку». Старик поморщился, но тут же написал, но за это опять-таки очень интересовался знать, такая ли маленькая ножка у Варвары Николаевны, как говорят об этом...

— Смотрите!..

И Варвара Николаевна протянула свою маленькую ножку в шелковом ажурном чулке и положила ее на кушетке.

— Хорошенькая... хорошенькая... — промямлил старик и стал ее целовать...

В двери из будуара тихо постучали. Это значило, что кто-то приехал.

Варвара Николаевна быстро отдернула ногу, погрозила пальцем старику и усадила его в кресло.

Когда он выходил, в гостиную входил новый посетитель, который при виде генерала почтительно поклонился, пропуская его в двери.

Новый посетитель был делец. Он приехал поговорить о деле, и Варвара Николаевна ос-

новательно переговорила с ним.

Затем Параша ей доложила, что в кабинете дожидается «вчерашний» господин, пришедший с черного хода, и она заперлась в кабинете — комнате, которая была совсем в стороне, — со «вчерашним» посетителем, какою-то темною личностью, принесшею ей какие-то векселя. Она пересмотрела их и оставила у себя, приказав «вчерашнему» господину принести еще таких же...

А в гостиной уже дожидалось несколько офицеров. Она скоро вышла к ним, поболтала о лошадях, о французенках, о производствах в чины и, когда молодые люди стали прощаться, просила не забывать ее вторников и суббот по вечерам.

Затем она позвонила и приказала никого более не принимать, исключая Башутина.

Лакей зажег лампу и пошел отдать приказание.

II

Плотный, статный, красивый господин лет тридцати пяти, с небольшими черными усиками, завитыми в нитку, с эспаньолкой, одетый по последней моде, вошел в гостиную и

небрежною, развалистою походкой, снимая на ходу перчатки и обнаруживая красивые руки в кольцах, приблизился к Варваре Николаевне, взял ее за руку, поднес к своим губам, опустился около нее и проговорил:

— Сейчас от Орефьева... старик взвинчен как следует... И хоть завтра готов под венец... Вот его любовное послание... Писал при мне, а сам плакал и умолял, чтобы ты позволила ему сегодня приехать...

Варвара Николаевна прочла письмо и проговорила:

— Он совсем сумасшедший... Это третье предложение...

— Ты два раза отказывала, и я тебя понял. Ты хотела разыграть бескорыстие и еще более раздражить его, а теперь...

Она взглянула на Башутина и спросила:

— Ты мне это советуешь?

— Полно сентиментальничать. Ты сама очень желала бы выйти за него замуж.

— Но еще можно подождать...

— Нельзя. Доктора говорят, что он плох. У него, во-первых, гниет спинной хребет, — старик весело жил, — а во-вторых, чего же еще

ждать? Разве того, чтобы ты выпустила его из рук, как, помнишь, Мальцевского?.. Иногда, моя милая, твои глубокомысленные соображения перескакивают цель. Ты умно сделала, что два раза отказала ему, еще умнее, что давала целовать только кончики пальцев и не брала у него ни гроша денег, хотя бы могла. Все это тысячу раз умно, но теперь откладывать нечего... Как финансы?

— Je suis a sec![2] Сегодня получила тысячи три, но надо платить...

— Вот видишь ли... И, признаюсь, вся твоя адвокатура — вещь очень шаткая... Пора тебе устроиться и как можно скорее... Борский женился и, конечно, захочет получить наследство своей жены. Ведь не на Чепелевой же он женился...

— Но он такой старый... скверный...

Башутин поднял на Варвару Николаевну свои голубые глаза и сказал:

— А положение?.. А состояние?.. Ты возьмешь старика в руки.

— А ты что будешь делать?

— Буду твоим негласным любовником, как и теперь. Обо мне ты не беспокойся... Да нако-

нец Орефьев стар... Он может недолго прожить! — тихо обронил Башутин.

Варвара Николаевна инстинктивно отодвинулась и испуганно взглянула на Башутина.

— Ты не пугайся... Я ничего страшного не предлагаю! — весело заговорил он. — Я не люблю скамьи подсудимых и предпочитаю мягкие кресла... Доктор мне говорил, что при болезни спинного мозга всякие излишества, особенно ласки женщины, могут быстро свести человека в гроб... А что такому старику обременять землю, а?

Варвара Николаевна слушала, опустив голову, и ничего не отвечала.

— Или ты хочешь разорения?.. Или, быть может, ты хочешь переменить образ жизни и жить в маленькой, но чистенькой квартирке, держать кухарку и поджидать чиновника-мужа из должности?.. Тогда я умолкаю...

— Знаешь ли что?.. Я удивляюсь, как я еще тебя принимаю и за что я тебя, такого гадкого, если не люблю, — это много, — то слушаю...

— Так не слушай! — проговорил Башутин,

целуя ее руку. — И прогони, если можешь... Ведь мы с тобою старинные приятели, а? Помнишь?.. Ведь все мое состояние я положил к твоим ногам вместе...

— Не говори... замолчи, ради бога!..

И Варвара Николаевна с суеверным страхом стала креститься.

— Верно, Макридушка плохо гадала сегодня? — засмеялся Башутин. — Эх, Варя, ты женщина умная... послушай меня... Воспользуйся счастьем как можно скорее... Пусть даже Орефьев и живет себе, я и за это не стою, но выходи замуж... Ты не забудь, что через месяц уплата по векселям, а ведь ты знаешь, какие бланки стоят на них... Ты бывала ведь в суде и видела суд присяжных...

Варвара Николаевна вздрогнула.

— Уедем за границу втроем, я в качестве друга, конечно... Заплатим долги... Купим виллу в Ницце, а если ты не можешь жить без деятельности... что ж, останемся здесь... При состоянии Орефьева ты еще лучше можешь вести дела... Ну, что же? Опять колеблешься?..

Варвара Николаевна давно лелеяла этот

план, но исполнение его отдаляла каждый раз, когда ей приходилось видеть Орефьева. Такой он был противный старик, как-то странно передвигавший ноги, с какими-то полоумными глазами, отвислою губой и страстным шепотом...

Ей сделалось жутко, но, с другой стороны, у старика громадное состояние. Она заберет его в руки... Она будет действительно богата... Она...

Она сидела, закрывши рукой глаза, и перед глазами ее пронеслась вдруг недавняя картина в окружном суде. Тоже порядочная женщина, молодая, искавшая наслаждений тоже имевшая связи, и вдруг...

«Виновна!» — прозвучало у нее в голове, и перед глазами тюрьма... Скверно там, бесприютно...

Она отдернула руки от лица и решительно произнесла:

— Привози Орефьева сегодня... Я выхожу за него замуж, и свадьба как можно скорей.

— All right![3] — проговорил Башутин и звонко чмокнул в щеку свою верную подругу.

Глава третья

Свадьба

I

В последнее воскресенье перед масленицей, в шестом часу вечера, в Каменноостровской церкви, в присутствии десятка приглашенных, торопливо венчали странную пару, пожелавшую соединиться брачными узами.

Рядом с красивой, стройною, изящною Варварой Николаевной, одетою в белое подвенечное платье, стоял маленький, худой, желтый старик с большими, выкатившимися вперед мутными глазами и отвислою губой. Он, видимо, старался твердо стоять на ногах, хотя по временам терял равновесие. Изможденное, бледное лицо его подергивалось нервной гримасой, и руки вздрагивали, как у эпилептика.

Взглянувши на этого жениха, вы бы ему дали по крайней мере лет семьдесят, но в брачной книге значилось, что жениху, отставному полковнику Василию Матвеевичу Орефьеву, пятьдесят пять лет.

Варвара Николаевна была серьезна и бледна. По временам она опускала взгляд на свое-

го соседа, и какая-то нервная дрожь физического отвращения пробежала по ее телу...

«Еще не поздно!.. Еще можно отказать-ся!» — подумала она, когда Орефьев, потерявший было равновесие, вдруг судорожно схватился за ее теплую руку и она почувствовала прикосновение холодной, влажной руки.

Священник в это время предлагал обычные вопросы о согласии. Она не слыхала вопроса и очнулась только тогда, когда Башутин шепнул ей, что надо отвечать.

«Разве сказать „нет“?» — мелькнула у нее мысль, и она повела глазами на старика.

«Ему жить недолго, а после...»

— Да! — произнесла она так решительно и громко, что священник взглянул на нее, несколько изумленный.

Присутствующих было очень мало — и все близкие знакомые Варвары Николаевны. Ни родных, ни знакомых Орефьева не было, так как по настоящему требованию невесты Орефьев тщательно скрывал о свадьбе, и даже любимый его камердинер не знал, зачем его барин оделся во фрак и вместе с Башутиным уехал в пять часов из дому, приказав ве-

чером прийти к Варваре Николаевне.

Орефьев был очень богат. О первых его подвигах на поприще наживы ходили скверные слухи; под конец он занимался только тем, что давал под большие проценты деньги, но теперь он давно бросил все дела и возился с докторами, так как разгульная жизнь, которую он вел, под конец дала о себе знать, и ему серьезно советовали беречься...

Год тому назад он познакомился с Варварой Николаевной (к ней привез его Башутин), и молодая женщина произвела на Орефьева сильное впечатление. Он стал у нее часто бывать, но постоянно встречал любезный, но холодный прием. С ним были приветливы, но на все его ухаживания не обращали никакого внимания. Привыкнув, что за деньги ему прощали все его физические недостатки, Орефьев был несколько удивлен таким отношением, тем более что до него доходили слухи о неразборчивости Варвары Николаевны, и он как-то намекнул, что мог бы дать Варваре Николаевне большие деньги, если бы она согласилась быть его любовницей... В ответ на это перед ним заперли двери дома, и Башутин,

часто навещавший Орефьева, рассказывал ему нередко, как была оскорблена таким предложением Варвара Николаевна. Тогда Орефьев просил Башутина как-нибудь вымолить прощение и позволить приехать к Варваре Николаевне. Прощение было вымолено; он приехал, выслушал горькие упреки и, разумеется, еще более влюбился в эту женщину. Его принимали, с ним были ласковы и, когда старик жаловался, что он одинок и что родные ждут его смерти, желая воспользоваться его наследством, ему замечали, что он напрасно забывает своих друзей; при этом Варвара Николаевна как-то нежно взглядывала на старика и говорила, что не все же ищут богатства и может найтись женщина, которая бы посвятила свою жизнь ему совершенно бескорыстно.

Старик с восторгом слушал эти слова и, как милости, просил позволения поцеловать руку. Ему позволяли, но быстро отдергивали. Он все более и более влюблялся в Варвару Николаевну и наконец сделал ей чрез Башутина предложение, обещая положить у ее ног все свое состояние.

Варвара Николаевна давно имела виды на старика, но она колебалась, хотя и не оставляла намерения взять его в свои руки и получить все его громадное состояние; слишком уж противен был этот старик, и она откладывала свое решение. Отказ еще более раздражал сластолюбивого старика, и он умолял Варвару Николаевну дать ему хоть какую-либо надежду... В это время он почти каждый день бывал у нее и совсем перестал бывать у Чепелевых. Сестры он не любил и не доверял ей. Чепелева хотела было как-нибудь отвлечь старика и для этого стала привозить к брату очень красивую гувернантку, но намерения ее не увенчались успехом. Старик сперва заинтересовался молоденькою женщиной, но скоро бросил, тем более что Башутин серьезно предостерегал его против замыслов на его жизнь...

Когда несколько дней тому назад Варвара Николаевна наконец дала свое согласие, то старик, обезумев от восторга и припав к ее руке, лепетал какие-то несвязные речи.

Еще обряд венчания не кончился, когда по

Каменноостровскому проспекту быстро нес-
лась тройка лошадей, потряхивая бубенцами.
В широких ямских санях, закутавшись в шу-
бы, сидели дама и двое мужчин.

— Пошел! — крикнул Борский, взглядывая
на часы. — Пошел! пять рублей на водку!

— Успеем ли мы? — спросила Чепелева.

— Я думаю, успеем! — ответил Борский.

— Ах, что они сделали с бедным братом!
Ведь это насилие... Ведь это наконец что та-
кое? — говорила взволнованным голосом Че-
пелева, обращаясь к молчаливо сидевшему
напротив полицейскому чиновнику. — Толь-
ко бы остановить!..

— Перестаньте, тамап, нить! — строго за-
метил по-французски Борский и снова стал
подгонять ямщика.

Но это было напрасно. Ямщик, заручив-
шись обещанием большой подачки, и без то-
го гнал лошадей что есть мочи.

Несмотря на тайну, охраняемую Орефье-
вым, Чепелева все-таки узнала о свадьбе.

В тот самый день она два раза заезжала к
брату, первый раз утром и во второй раз пе-
ред обедом, но оба раза швейцар сказал ей,

что Орефьев болен и никого не принимает. Она возвращалась уже домой, намереваясь в тот же вечер посоветоваться с зятем насчет старика, как вдруг на Семионовском мосту она увидела в карете брата вместе с Башутиным и заметила, как последний быстро откинулся назад.

У нее мелькнуло подозрение: зачем от нее скрыли, что брат уехал? С некоторых пор, особенно в последние дни, она замечала что-то неладное и слышала, что Башутин почти каждый день просиживает у брата. Сердце у нее сжалось от какого-то предчувствия. Она испугалась не за брата, конечно, а за его состояние.

Она приказала кучеру ехать тотчас же назад, остановилась на углу улицы, где жил Орефьев, и, приказав кучеру дожидаться, поспешно прошла к большому дому, миновала подъезд, прошла в ворота, поднялась по черной лестнице и позвонила у черного хода.

Ее встретила пожилая горничная, которая давно уже сообщала обо всем происходившем у Орефьева и за это получала подарки и деньги.

— Где брат? — быстро спросила Александра Матвеевна, входя в комнату. — Куда он уехал?

— Их нет дома... Только что уехали...

— Знаю, что нет дома... Но куда он уехал? Разве ты не могла узнать?

— Не могла... Старалась, но, видит бог, не могла. Приехал Башутин... Барин надели фрак...

— Фрак? зачем фрак? Он никогда не носит фрака.

— Я и сама дивилась, зачем, мол, барину нашему фрак. И белый галстук тоже им разгладила сегодня. Спрашивала Никифора, — говорит, что не знает... Мало ли зачем господа фраки одевают?

— Не болтай вздора!.. — вдруг крикнула Александра Матвеевна. — Чего ты мямлишь, дура этакая! Не могла ничего узнать. Никифор дома?

— Нет-с... Ушел.

— И прекрасно... Я пройду в кабинет.

— Ах, барыня, как бы того... на меня...

— Глупая! Чего ты боишься? — презрительно усмехнулась Чепелева. — Пойдем вме-

сте!

И быстро прошла через комнаты в кабинет и стала подозрительно шарить по столу, в надежде найти какое-нибудь письмо или записку, которая бы объяснила ей, куда уехали брат с Башутиным. Она торопливо прочитывала письма, лежавшие на столе, и уже собиралась уходить, как вдруг взгляд ее упал на пол, где лежал маленький клочок бумажки. Она торопливо подняла его, стала читать и вдруг замерла над следующими строками, писанными чьею-то рукой: «Завтра в шесть часов, в Каменноостровской церкви. Никого не будет. Никого не зовите. Она так этого желает. Вечером вы будете счастливейшим из смертных».

Чепелева несколько раз перечитала эти строчки и воскликнула:

— Неужели?.. Он женится... И ты этого не могла узнать! — крикнула она на горничную...

Она спрятала записку в карман, не велела говорить, что была в кабинете, и, несмотря на полноту, почти бегом спустилась с лестницы, добежала до саней и приказала кучеру как

можно скорее ехать к Борским.

Борский в это время сидел один в своем кабинете и был не в духе. Пятидесяти тысяч, которые он получил, давно уже не было. Некоторые платежи были на носу, а деньги во что бы то ни стало надо было достать. Он уже хлопотал о подряде, но дело еще не было кончено, обещания седого генерала, как ему и говорили, было недостаточно. И с молодой женой дело не клеилось. Елена была с ним любезна, ровна, но он очень хорошо замечал нелюбовь к нему, несмотря на все ее усилия подавить в себе это чувство... Все это его раздражало, и он мрачно поглядывал на свою счетную книгу и обдумывал, как бы хорошо было, если бы послать Елену к дяде, чтобы она попросила у него денег...

«Ей он не откажет, а меня старик недолюбливает!» — подумал Борский.

«Надо сегодня же сказать ей об этом, как только она вернется от отца. Сегодня же за обедом скажу!» — решил Борский, хотя и чувствовал всю трудность предстоящего объяснения с женой.

«Она такая непонятливая... непрактиче-

ская в делах!.. Такая сентиментальная! — по-морщился Борский. — Совсем не похожа на мать!»

В эту минуту в прихожей раздался такой сильный звонок, что Борский вздрогнул и обернулся к дверям.

Через секунду в кабинет шумно влетела Чепелева в шубе и меховой боярке. Она была взволнована и тяжело переводила дыхание.

— Что с вами? — проговорил Борский, вставая с кресла.

Не говоря ни слова, она подошла к Борскому, протянула руку с лоскутком бумаги и только тогда прошептала упавшим голосом:

— Basile!.. Несчастье... Он женится... сегодня!..

— Кто он? — оторопел Борский. — Орфьев?..

Он почти вырвал записку, прочел ее и злобно взглянул на Чепелеву, точно она во всем была виновата. С минуту он молча стоял, что-то обдумывая. Наконец он поднял голову, взглянул на часы и вдруг сказал:

— В шесть часов? Теперь без пяти минут пять. Еще час времени.

— Но что же вы сделаете в час?

— Что? Мы остановим эту свадьбу. Вы понимаете? Остановим!

Но хотя Чепелева и не понимала, как можно остановить свадьбу, тем не менее улыбка надежды пробежала по ее лицу.

— Главное, остановить, а там великий пост, и у нас целых семь недель, для того чтобы...

Он не досказал вслух своей мысли, внезапно осенившей его голову в минуту опасности, о том, что при помощи знакомых и друзей, а главное, при помощи денег, Орефьева можно объявить сумасшедшим! («Он и в самом деле сумасшедший!» — уверял себя Борский), и тогда его состояние будет раз навсегда гарантировано от таких искательниц приключений, как Бениславская. Он знал ее хорошо, и если она успеет выйти замуж, то наследства ему не видать. Не такая она женщина, чтобы выпустить из своих рук деньги... И наконец, у нее, наверное, будут дети, и не далее как через девять месяцев.

Такие мысли быстро пробежали в голове у Борского. Он позвал слугу и приказал ему

немедленно нанять хорошую тройку.

— Да смотрите, чтобы в пять минут она была здесь... Очень нужно.

Сам он быстро вышел из дому, обещая вернуться через пять минут и приказав Чепелевой дожидаться его; на санях Чепелевой захал к одному знакомому полицейскому офицеру, просил его сейчас же ехать с ним и уже на дороге объяснил ему, чего он от него хотел. Он рассказал, что сумасшедшего дядю хотят насильно обвенчать с одною искательницей приключений (он не назвал, однако, фамилии этой барыни), и обещал полицейскому офицеру хороший куш, если он поможет в этом деле и скажет священнику от имени своего начальства, что венчать сумасшедшего нельзя...

— Я сию минуту об этом узнал, и теперь некогда ехать к обер-полицеймейстеру, но вы не сомневайтесь, я вас не подведу... вы меня знаете... И наконец, вы сделаете хорошее дело, за которое начальство вас поблагодарит... Тут целый заговор самого гнусного свойства.

Офицер знал Борского как богатого, солидного человека и скоро согласился, рассчиты-

вая и отличиться, и, кроме того, получить хороший куш совершенно для него неожиданно.

«А если что не так, то Борский не выдаст!» — утешил себя полицейский офицер.

— Пошел... пошел!.. — подгонял Борский ямщика, снова взглядывая на часы. — Еще только половина седьмого, и верно свадьба не начиналась!.. — уверенно говорил Василий Александрович, которому так хотелось, чтобы свадьба не начиналась...

Церковь уже была недалеко. Сквозь мрак вечера виднелись огоньки, и через несколько минут усталые лошади остановились у подъезда церкви.

Все выскочили из саней, вошли в церковь и остановились в изумлении...

Обряд только что окончился.

III

Варвара Николаевна под руку с Орефьевым тихо подвигалась навстречу к вошедшим, и тонкая, злая усмешка пробежала по ее губам, когда она узнала Борского и Чепелеву и увидала их вытянутые лица. Несколько смутило ее появление вместе с ними поли-

дейского офицера, но она скоро оправилась и, нагнувшись к мужу, что-то шепнула ему на ухо.

Полицейский совсем испугался, когда в искательнице приключений, о которой ему говорил Борский, узнал известную Бениславскую, которую посещают высокопоставленные сановники. Да и никаких признаков какого-нибудь насилия над стариком не было заметно. Свадьба как свадьба. «Правда, муж как будто несколько стар, но мало ли женится стариков!» — подумал офицер, тихонько пробираясь к выходу.

А молодые тихо подвигались...

Старик Орефьев как-то странно переступал своими прямыми, негнибающимися ногами, поддерживаемый с одной стороны молодой женой, а с другой — Башутиным, и на лице его сияла блаженная, сладострастная улыбка... Но когда Варвара Николаевна шепнула ему на ухо и он взглянул на вошедших, то сперва оторопел и испуганно взглянул на жену, как бы спрашивая, что ему делать, но вслед за тем в его мутных глазах сверкнуло злое выражение и лицо его искривилось

недоброю улыбкой.

Чепелева и Борский хотели было скрыться из церкви, но уже было поздно. На них обращено было общее внимание, и старик несколько раз иронически кивнул головой.

— Спасибо, дорогая сестра, что и ты приехала, но опоздала! — проговорил Орефьев. — Ты прости, я не хотел беспокоить тебя, но ведь ты так любишь брата, что сама пожаловала...

Говоря эти слова, Орефьев, видимо взволнованный, засмеялся глухим смехом.

— И вы, Василий Александрович, соблаговолили... Очень рад...

Нечего было делать, надо было подойти и поздравить молодых. Чепелева отлично разыграла свою роль, рассказав, что случайно ехала мимо, и от души пожелала брату счастья.

— Тем более, — прибавила она, — что о вашей жене, брат, я так много слышала хорошего.

Намек был слишком груб, но старик принял его за чистую монету и поцеловался с сестрой.

Тем временем Варвара Николаевна с такою ласковостью отвечала на приветствие Борского, так нежно попеняла ему, что он совсем забыл своего старого приятеля, и так мило заметила ему, что теперь, когда они породнились (при этом она усмехнулась), она надеется, что он познакомит ее с милой племянницей и будет ее чаще навещать, — что Борский мысленно обругал ее самым площадным образом.

— Как кстати вы катались! — донимала она его...

— Как видно, не совсем...

— Как не совсем? По крайней мере узнали о нашей свадьбе раньше других! Мы избегали парада! — тихо заметила она, беря под руку мужа и направляясь к выходу.

Угрюмый, вернулся Борский домой, и когда Елена, поджидавшая его обедать, взглянула на него, то была изумлена: такое злое выражение было у него в глазах. Таким она его никогда не видала. Он ничего не ел и за обедом просидел, против обыкновения, молча.

Варвара Николаевна была взбешена. Едва она успела сесть в карету, как дала волю свое-

му гневу и обрушилась на мужа.

— Ваши родные хотели сделать какой-то скандал... Это наконец невыносимо... Разве вы маленький или сумасшедший?.. Их алчность доводит их до глупости... Вы видели... Они с собою зачем-то привозили полицейского...

— Полицейского? — удивился старик.

— Да, полицейского! Вы его, верно, не заметили... Это что же такое?.. И я вас прошу, чтобы их нога не была у нас в доме... Я не желаю подвергаться оскорблениям!..

Но она напрасно просила об этом Орефьева. Он и сам был раздражен неожиданною встречей, а известие о полицейском привело его в бешенство.

— А вот они увидят!.. — говорил он, задыхаясь. — Увидят... Подлецы этакие... Им смерть моя нужна... Они жаждут наследства... Но ты защитишь меня от них... да? — вдруг прошептал он. — Ведь для тебя... Ты — мой ангел-хранитель, а я — раб твой... верный раб... Так ведь?

Старик вдруг заплакал, как малое дитя, склонив свою дрожащую голову на плечо

Варвары Николаевны, как бы ища защиты против своих родственников.

Ей сделалось жутко в полумраке кареты, быстро катившейся по темным улицам, вдвоем с этим всхлипывающим стариком, шептавшим ей слова любви и страстно прильнувшим к ее руке своими холодными губами. Она была очень рада, когда карета подъехала к крыльцу и они поднялись в освещенные комнаты квартиры.

Гости (какие-то странные личности) оставались недолго. Они выпили по бокалу шампанского, поздравили молодых и разъехались.

Башутин уехал последний. Прощаясь, он поцеловал ей руку и прошептал:

— Первый акт сыгран. Теперь — второй и... и последний!

Она вздрогнула от этих слов и тихими шагами вернулась в маленькую гостиную, где нетерпеливо ожидал ее несчастный старик.

Глава четвертая

Счастливым человеком

I

На первой неделе великого поста в числе пассажиров курьерского поезда, прибывшего из Москвы, из вагона второго класса выскочил молодой артиллерийский офицер и торопливо пробирался к выходу.

— Венецкий! Здравствуй! — окликнул его сзади женский голос.

Офицер обернулся и изумленно взглянул сквозь очки на хорошенькую маленькую женщину лет двадцати шести, элегантно одетую во все черное.

— Не узнаете?..

Вдруг румяное, дышавшее здоровьем лицо офицера осветилось радостною улыбкою. Он как-то по-товарищески протянул широкую мягкую руку и весело воскликнул:

— Катерина Михайловна!.. Вот не узнал!

— Верно, состарилась, что не узнали... Откуда вы?

— Из Черниговской губернии...

— Куда это вы забрались?.. А я пять лет, как уже замужем. Вот мой муж! — указала она на высокого степенного блондина в цилиндре. — Николай Николаевич Распольев! Алексей Алексеевич Венецкий! Помнишь, Никс, я тебе много о нем говорила? Росли вместе! — весело щебетала молодая женщина. — Вот теперь, — обратилась она к Венецкому, — мы для вас работаем. Только что ходили смотреть новые вагоны для раненых... Ах, какая прелесть... Никс сам распорядился... Мы оба в «Красном Кресте»... А вы, верно, на войну проситься приехали?

— Я получил место в Петербурге.

— Фи!.. Что за охота вам теперь в Петербурге оставаться... Вы разве не хотите на войну? — укоризненно покачала она головой, делая гримаску.

— Пошлют — пойду!

— И вы так спокойно об этом говорите?

— Да разве охота проситься умирать? В этом нет никакого удовольствия! Право! — добродушно проговорил офицер.

Молодая женщина удивленно вскинула на него свои бойкие глазки и снова покачала го-

ЛОВОЙ...

— Да вы после этого не русский... У нас такое возбуждение... Молодежь наша наперерыв просится... Что молодежь? Недавно князь Рязанцев, — старику семьдесят лет, — и тот просился, чтобы его зачислили в юнкера в действующую армию...

— Пусть просят, а я проситься не стану!

— Ну, мы еще об этом с вами поговорим... Надеюсь, что вы у нас побываете? У вас какие-то странные тенденции... Уж не против ли вы войны?.. У нас тут есть такие...

Она остановилась, прибирая выражение.

— Изменники, хотите вы сказать? — улыбнулся Венецкий...

Распольев как-то странно косил глаза на молодого офицера. Ему не нравилась простодушная манера, с которою он говорил с его женой. Когда его жена остановилась на минуту, он заметил торжественным тоном:

— Эта война не похожа на другие войны... Последствия ее будут такие, каких мы не ожидаем. Эта война в полном смысле национальная...

— Именно национальная! — повторила

Екатерина Михайловна.

— От этого такое всеобщее возбуждение. Вы увидите, как Петербург возбужден, а о провинции и говорить нечего: там, судя по газетам, ждут и не дождутся.

— Ах, не верьте, пожалуйста, — стал убеждать Венецкий с юношескою горячностью, — не верьте! Я, впрочем, не знаю, как в других местах, но там, где стояла наша батарея, я никакого возбуждения не замечал... В деревнях и не знают ничего о войне... В уездном городе, впрочем, разные барыни действуют... Говорят, устраивают комитеты, но денег никто не дает, а рассчитывают все, что мужики дадут... Вот тоже приезжали интендантские чиновники. Те тоже ждут не дождутся войны! — усмехнулся он. — И вообще, больше всех кричат те, кому не придется идти на войну... А впрочем, быть может, я и ошибаюсь...

Он замолчал, сконфузился и, поправив очки, как-то задушевно промолвил:

— В деревне и без войны забот много. Как вы думаете, Катерина Михайловна? Вы это должны знать: вы ведь все детство в деревне прожили.

— Вот вы какой? — усмехнулась Катерина Михайловна, взглядывая, впрочем, приветливо на оживленное лицо Венецкого.

«И недалеко, и, должно быть, трус!» — подумал Распольев, презрительно усмехнувшись на последние слова Венецкого. Они ему показались совсем бестактными.

А Венецкий ничего этого не замечал. Улыбаясь своею добродушною улыбкой, он протянул руку Катерине Михайловне, извинившись, что торопится.

— Смотрите, Венецкий, приезжайте к нам! — говорила Распольева, пожимая ему руку. — Я вас переделаю, а то провинция совсем вас испортила... Нельзя же в самом деле быть таким! — кокетливо улыбнулась Катерина Михайловна. — Помните, в деревне... вы тогда были послушным мальчиком... Вероятно, станете слушаться старых друзей и теперь? — лукаво добавила она, понижая голос.

При этом намеке Венецкий вспыхнул до ушей и как-то серьезно заметил:

— Тогда я был мальчик, Катерина Михайловна!

Распольев холодно простился с Венецким

и не пригласил его. Когда тот отошел, он заметил жене:

— Охота тебе была приглашать его...

— А что?

— Он такой... такой блаженный...

— Как ты сказал... блаженный?

— Да как же! Как-то странно жмет руки, говорит монологи, а сам сияет...

— Венецкий, Никс, неглупый и хороший мальчик. От него, правда, веет счастьем, но, верно, он счастливый человек, а нынче счастливые люди так редки!

— Просто веет глупостью, — недовольно заметил Распольев...

И, помолчав немного, прибавил:

— И такие офицеры у нас перед войной. Нечего сказать, хороший пример для солдат! Удивительно нужно было приглашать его! — снова повторил он, не глядя на жену.

Катерина Михайловна промолчала и не вступилась за Венецкого — не даром она нередко называла мужа своего «благоверным Отелло». Она только тихо усмехнулась и подумала, что Венецкий, несмотря на свои странности, все-таки очень интересный моло-

дой человек, которым следует заняться и направить на путь истины.

«Это будет так весело!» — И она вспомнила, как в деревне, — Катерина Михайловна была тогда еще молоденькою девушкой, — она кокетничала с Венецким, когда он был совсем юноша, и как он, бывало, мило краснел, взглядывая на нее украдкой.

«Он и теперь еще такой румяный... юный и... наивный!» — подумала она, поднимая глаза на степенного Никса и мысленно сравнивая его желтоватое, сухое чиновничье лицо со свежим лицом офицера.

Да, она непременно им займется, а то этот восточный князь, который часто у них бывает, хоть и красив, но уж очень глуп.

II

Катерина Михайловна верно заметила, что от Венецкого веяло счастьем. И теперь, когда Венецкий, примостившись бочком между двумя чемоданами, трясся по мостовой, добродушная улыбка не покидала его лица.

Что-то симпатичное, сразу располагающее было в этом опушенном светло-русою бород-

кой молодом, свежем лице. Назвать его красивым было нельзя: черты лица были неправильны, крупноваты, но какая-то внутренняя красота светилась в карих небольших глазах, мягко и умно глядевших из-под очков. Такие лица сразу внушают доверие. Глядя на него, так и хотелось сказать: «Вот честное лицо!» Именно честное.

Венецкий весело посматривал вокруг, не обращая никакого внимания ни на толчки, ни на мокрые хлопья снега, которыми на первых же порах встретила его петербургская весна, ни на то, что извозчик распустил вожжи и плелся мелкою рысцой.

Мысли его заняты были другим.

«Я думаю, Елена и не ожидает, что я приеду так скоро. Я и сам не думал... То-то она обрадуется». Она ведь любит его, и теперь, когда он устроится, можно серьезно подумать о свадьбе. Отец, конечно, не будет против, вот разве мать?.. Она такая несимпатичная женщина, ее мать, но, впрочем, Елена не обратит внимания на мать...

И он мечтал, как они устроятся, как они будут жить вдвоем. Особенных требований у

них нет и не будет... Она такая умница...

— Как хорошо будет! — невольно вырвалось у него. Тут вспомнил он разговор на вокзале и тихо усмехнулся.

«Зачем рваться? Пошлют, — не ударю лицом в грязь. Умереть придется, — умру не хуже других... Но зачем проситься умирать... Солдаты не просят... Правды в чих, видно, больше, чем в нас!»

Светлою картиной проносились воспоминания, чередуясь с самыми розовыми надеждами.

Он вспомнил первую встречу с Еленой в деревне. Он только что окончил тогда курс в академии, приехал летом к матери и познакомился с соседями, у которых была молодая дочь.

— Славная у меня мать! — горячо прошептал он, и какими-то мягкими, нежными красками рисовалась ему картина детских лет. Он всем обязан ей, этой честной, доброй женщине. Отца он совсем и не знал (отец рано умер), но зато как же он любил мать! Да и как было не любить ее! Он вспомнил те хорошие минуты, когда она, бывало, засматривала в его ре-

бляче лицо, тихо улыбаясь своею ясною улыбкой... Он вспомнил, как она умеет жить для других, и снова порадовался, что у него такая чудесная мать живет в маленькой деревушке.

— И Елена славная! — прошептал он. Перед ним пронесся чудный июньский вечер прошлого лета... Он и теперь, казалось, вдыхает аромат густого заросшего сада, где вдруг у него сорвалось признание... И как это случилось, ему и теперь не верится... Она тоже шептала ему ласковые слова и не удивилась признанию.

Как и все влюбленные, Венецкий глядел теперь на все светлыми глазами и окрашивал свои воспоминания в мягкие розовые краски.

— Вот тут, барин, превосходные комнаты! Все хорошие господа останавливаются! — заметил извозчик, останавливая лошадь у большого дома на Литейной.

— Ну и ладно! — промолвил Венецкий, вылезая из дрожек и приятно потягиваясь.

— Пожалуйста наверх, в третий этаж! Превосходные есть номерочки! — говорил швейцар, накладывая руки на чемоданы.

Венецкий поднялся в третий этаж, вошел в

темный коридор, где сразу его обдало едким специфическим запахом петербургских меблированных комнат, и занял скромную комнату.

Через час он уже вышел на улицу, взял извозчика и приказал ехать на Моховую.

— Да поскорей... поскорей, пожалуйста!

Солнце выглянуло из-за туч. В воздухе тянуло весной. Улицы были оживлены. На углах разносчики газет совали всем в руки новые телеграммы, которые быстро раскупались. У поворота на Моховую разносчик протянул Венецкому телеграмму.

— Важное известие... не угодно ли?

Венецкий остановился и купил телеграмму. Телеграмма извещала, что все дипломатические переговоры с Турцией кончены.

— Что, барин, никак скоро война? — обернулся извозчик, молодой краснощекий паренек.

— Верно, что скоро...

— Тоже брат в солдатах. Пожалуй, и самому придется! Ребята сказывали, что придется идти...

— Тянет, что ли? — полюбопытствовал Ве-

нецкий.

Извозчик полуобернулся, серьезно взглянул на офицера бойкими голубыми глазами и заметил:

— На войну-то?.. Нет, ваше благородие, в извозчиках лучше!

— Сюда, к серому дому... У второго подъезда. Стой! — крикнул Венецкий, как школьник соскакивая на ходу с дрожек и отдавая деньги.

Сердце его сильно стучало, когда он бегом поднимался по устланной коврами лестнице в третий этаж.

Вот и площадка. Вот и широкая медная блестящая дощечка, на которой славянскою вязью было выгравировано: «Арсений Петрович Чепелев».

Он перевел дух и несколько раз прочел знакомую фамилию, прежде чем придавить пуговку от звонка. Какая-то робость вдруг напала на Венецкого.

«Не рано ли я забрался... Еще, может быть, спят!» — промелькнуло у него в голове.

Он взглянул на часы. Ровно час. Конечно, все встали. То-то она обрадуется...

И он так сильно надавил пуговку, что сам даже испугался, когда услышал сильный звонок.

Через несколько секунд, показавшихся Венецкому особенно длинными, послышались быстрые шаги, и перед Венецким показались знакомые бакенбарды котлетами на солидном лице Ивана.

— Здравствуйте, Иван! — весело приветствовал Венецкий и любезно глядел на Ивана, который в эту минуту казался ему таким хорошим и милым, что он готов был броситься ему на шею. — Ваши дома?

Иван вдруг смутился.

— Что же вы молчите, Иван? Дома?

— Никак нет, Алексей Алексеевич! — как-то участливо прошептал он. — Елены Арсеньевны дома нет...

— Но Елена Арсеньевна скоро вернется?.. Она здорова? — упавшим голосом спрашивал Венецкий, испуганно глядя на смущенное лицо Ивана. — Что случилось?

— Они, слава богу, здоровы, только...

— Арсений Петрович дома?

— Генерал у себя в кабинете!

— Так бы и говорили, а то, глядя на вас, я бог знает что подумал!

И с этими словами Венецкий быстро сбросил пальто и прошел в кабинет.

— Ничего еще бедняга не знает! — жалостливо проговорил Иван ему вслед, вешая на вешалку пальто.

III

Старый, плешивый генерал Чепелев сидел в кабинете за письменным столом, на котором была разложена большая карта театра военных действий. Он быстро передвигал булавки с флагами, изображавшие наши войска, по направлению к Константинополю. Старик, не знавший, куда девать свободное утро (он заседал в каком-то совете, и времени у него было достаточно), давно прочитал свою любимую газету от доски до доски, посердился на Биконсфилда[4] и на англичан, вместе с газетою повторил несколько раз, что все от мала до велика ждут только призыва, посердился, что призыва еще не последовало, умилился выносливости русского солдата и, не дожидаясь распоряжений, начал кампанию у себя в кабинете.

Старик уже переправил войска через Дунай, перешел через Балканы (турки все отступали, и он поэтому даже и не вынимал булавок с красными флагами из коробки), занял без боя Адрианополь и был уже в нескольких шагах от «Царьграда» (в последнее время старик иначе не называл столицы Турецкой империи), как вдруг торопливые шаги Венецкого заставили его остановиться перед взятием Константинополя, приподнять очки на большой лоб и взглянуть своими добрыми, выцветшими глазами на вошедшего.

Увидав Венецкого, старик видимо смутился и торопливо привстал с кресла, поправил почему-то крест на шее, с какою-то особенною ласковостью обнял молодого офицера и, усаживая его около себя, осведомлялся, здоров ли он, когда он приехал, и, видимо, не решался о чем-то сообщить.

Венецкий быстро отвечал на вопросы и сам, глядя на смущенное, растерянное лицо Чепелева, словно боялся заговорить об Елене и нарочно тянул рассказ о том, как он получил место здесь, как он думает устроиться.

Но наконец ему было невмоготу, и он

упавшим голосом, робко взглядывая на Чепелева, спросил:

— Елена Арсеньевна здорова?..

— Леля здорова... Она...

Он тихо положил свою сморщенную руку на руку Венецкого и, пожимая ее, тихо прошептал:

— Видишь ли (он почему-то заговорил с Венецким на «ты»)... видишь ли, Алексей Алексеевич, ты уж, бедняга, не сердись... Так уж оно вышло...

У Венецкого замерло сердце...

— Что же случилось... скажите!..

— Леля вышла замуж! — прошептал старик, отворачиваясь от Венецкого...

Венецкий сперва не понял, — до того поразило его это известие.

— Леля вышла замуж, а ты, брат, не унывай... Ты еще молод... Другую такую же хорошую девушку найдешь... Слышишь... Я и сам...

Венецкий опустил голову и не отвечал ни слова...

Старик молча поглядывал на него и не знал, что ему делать...

— Ты на нее не сердись, молодец!.. Она... Леля... Вот просила передать тебе письмо...

И старик полез в ящик, достал письмо и, отдавая его, тихо проговорил:

— Я тебя, Алексей Алексеевич, уважаю и люблю и прошу тебя... не смущать моей бедной девочки... Не ищи с ней свидания, родной мой... Я знаю, тебе тяжело, но и Леле-то будет не легко... Мое дело сторона... Мать все устроила и скоро так... Она ведь у нас умная женщина!.. — как-то печально усмехаясь, добавил старик.

Он ласково так глядел на молодого человека, потрепал его по плечу и сел на свое кресло.

Венецкий быстро разорвал конверт и прочитал следующее:

«Уважаемый Алексей Алексеевич!

Простите меня. Я виновата перед вами. Я выхожу замуж, не любя. Вы знаете, как я люблю отца, и поймете, что когда я внезапно узнала, что мы кругом в долгах и бедному отцу грозит бесчестье, то решилась нарушить слово, пожертвовать собою. Выхода не было. Дядя Орефьев решительно отказался помочь

и почему-то против вас. Простите же меня, если можете. Я постараюсь позабыть вас и полюбить мужа, который спас отца от позора. Прошу и вас поскорей забыть меня. Будьте счастливы и простите, если можете, искренне любившую вас, но недостойную Елену.

P. S. Не говорите, бога ради, ни слова папе. Он не знает, почему я вышла замуж. Мать раскрыла мне глаза на наше положение, и я решилась... Дай бог, чтоб у меня хватило твердости перенести испытание и никогда не раскаяться в своем поступке».

Слезы душили Венецкого, когда он дочитал это письмо и спрятал его в карман.

Он с какою-то ненавистью взглянул на старика и воскликнул:

— Что вы с нею сделали?..

— Что ты сказал... что?.. Разве она винит меня... меня, который ее так любит?..

Старик так испуганно, так жалобно взглянул на Венецкого, что Венецкому, несмотря на горе, сделалось жаль старика.

— Простите меня... простите... Я наговорил бог знает чего... Вы сами понимаете...

— Я не сержусь... но только я не виноват...

Я сам желал, чтобы моя девочка была твоею женой... Я сам полюбил тебя как сына... Но я, право, ничего не понимаю, как это случилось... Она сама объявила мне, что хочет выйти за Борского, торопила свадьбой, хоть я и видел, что она любила... Она и теперь...

Он не договорил, прижал к груди Венецко-го и тихо прошептал:

— Только еще раз прошу: не ищи с нею свидания... Не смущай бедной девочки... Ты послушаешь старика?.. Да?.. А ты приходи ко мне... Я рад буду... Приходи утром, когда жены нет дома... Она все ездит... дела там разные, — как-то поморщился старик. — Женщи-на еще не старая...

Он хотел еще что-то сказать, но подавил вздох и как-то брезгливо взглянул на портрет жены, висевший у него перед столом...

Венецкий молча пожал старику руку, обе-щал исполнить его просьбу и повернулся, чтоб уходить, как вдруг остановился в изум-лении.

В дверях кабинета стояла Елена.

Глава пятая

Встреча

I

Неожиданная встреча обрадовала и смутила Елену. Она вспыхнула до ушей и хотела было броситься к Венецкому, но, взглянув на его убитое лицо, тихо, словно виноватая, сделала несколько шагов, нерешительно протянула ему маленькую дрожащую руку и, не поднимая глаз, чуть слышно проговорила робким, умоляющим голосом:

— Здравствуйте, Алексей Алексеевич!

В тоне приветствия слышалось: «Простите меня».

Венецкий порывисто сжал ее руку; хотел что-то сказать, но ничего не сказалось. Он как-то сосредоточенно смотрел на нее, не выпуская ее руки из своей.

Старик Чепелев растерялся и смущенно поглядывал на молодых людей.

Так прошло несколько секунд.

Наконец он торопливо приблизился к дочери, обнял ее за талию и, отводя от Венецкого-

го, проговорил:

— Ты как же это так неожиданно, Леля, вошла?.. Верно, тихо позвонила?.. Здорова?.. Муж здоров?.. Садись же, садись, Леля! — заботливо усаживал старик дочь и крепко поцеловал ее.

— А мы и не слышали, как ты позвонила... Мы вот с ним заболтались... о войне заболтались... Я ему свой план кампании объяснил, а он, Леля, не верит, что мы одним ударом окончим кампанию... Сомневается! Этаким Фома неверный! — выдумывал старик, тщетно стараясь придать своему голосу шутливый тон.

Шутка не выходила, и лицо старика по-прежнему было смущенное.

— Я таки задержал его, — продолжал он, усиленно мигая Венецкому, — а он торопится. Ему надо являться к начальству. Военная служба — строгая служба, опаздывать нельзя. Я помню, у нас в полку в тысяча восемьсот сорок первом году один тоже бравый молодой человек не явился вовремя к начальству, так что бы, ты думала, вышло?..

Генерал начал было рассказывать, что вышло, но увидал в глазах Елены такую мольбу, что круто оборвал рассказ и вопросительно глядел на Елену.

Венецкий между тем собирался уходить.

— Папа... голубчик!.. — шепнула Елена.

Старик засуетился, подошел к Венецкому, взял его за руку и сказал:

— Да ты куда же, Алексей Алексеевич, так торопишься!.. Четверть часика подожди... За четверть часа начальство не взыщет... Ведь вы с Лелей старые знакомые... Давно не видались!

Он обнял Венецкого и подвел его к Елене.

— Вот садись да поговори с Лелей, а то ты

словно какой нелюдим, так ни слова не сказал, да и бежать!.. Это, братец, нехорошо... В наше время артиллеристы молодцами были... — шутил старик, с нежностью встречая благодарный взгляд Елены...

Затем генерал вдруг взглянул на часы и промолвил:

— А и я-то хорош, нечего сказать! Не похвалит меня доктор... С вами-то и забыл, что мой крейцбруннен меня давно ждет! Иван никогда не вспомнит! — ворчал старик, словно бы сердясь на Ивана. — Никогда не подаст! Пойду пожурю его да выпью воды... И то опоздал четверть часа, а тут главное дело аккуратность... Так и доктор говорит, а он правду говорит!

И, довольный, что так ловко выдумал предлог, старик вышел из кабинета, прошел в столовую и нервно заходил по комнате, чутко прислушиваясь, не позвонят ли в передней. Доброму старику очень хотелось, чтобы жена его не вздумала вернуться в эти минуты домой и не помешала бы «этим бедным молодым людям».

«Я им позволил это свидание в первый и

последний раз!» — утешал себя старик.

— Было бы жестоко не позволить! — прошептал он, продолжая ходить на часах...

II

— Алексей Алексеевич... Простите ли вы меня? — проговорила Елена, когда молодые люди остались одни.

— Я... вас... простить?.. И вам не стыдно меня об этом спрашивать! — тихо упрекнул Венецкий, поднимая на Елену глаза.

В этих кротких глазах светилась такая преданная любовь, что нервы Елены не выдержали. Крупные слезы тихо закапали на платье, а между тем счастливая улыбка, точно радуга, засияла на ее лице.

Она взяла руку Венецкого и крепко пожала ее, как бы безмолвно благодаря этим пожатием.

— Елена! Вы плачете? Вы очень несчастливый? Да? Что же вы ничего не говорите?.. — проговорил он упавшим голосом.

Она заглянула ему в глаза так нежно, так ясно, что Венецкий в эту минуту совсем забыл, что Елена замужем и что свидание это, быть может, последнее. Перед ним была та са-

мая Елена, которой летом еще он так горячо шептал слова любви.

Он тихо припал к ее руке, осыпая ее поцелуями.

— Добрый мой... хороший! — тихо шептала она. — Вы еще меня утешаете... Я сделала вам столько зла...

— Но вы, Елена, вы?.. Что вы с собой сделали? — вдруг крикнул он, вспомнив действительность и приходя в себя.

— Не говорите об этом! — как-то серьезно проговорила Елена. — К чему спрашивать? Поздно!.. Ведь вы все знаете.

— Знаю...

— Скажите, мой друг, как бы вы поступили на моем месте?.. Отвечайте мне, скажите правду, что думаете...

И она глядела ему прямо в глаза с какою-то грустной улыбкой.

— Вы знаете отца... Его страдания были моими страданиями... Я много понимала, хотя отец никогда не жаловался, а ему тяжело было... Мать никогда не любила его и...

Она колебалась договорить.

— И... обманывала! — с трудом выговорила

Елена.

Но потом, помолчав, она продолжала, как бы желая облегчить свое горе:

— Какова была бы его жизнь, если бы его на старости лет исключили из службы за долги?.. Он эту бы не перенес... Вы знаете, ведь он в делах ребенок... Мать мне все рассказывала... Что доканчивать!.. — печально добавила она.

— Но разве дядя не мог помочь вам?

— Дядя... я с ним вообще редко говорила. Мать объяснила мне, что он папу не любит и что он против нас... Последнее время он почти не бывал у нас, недавно женился.

— Ах, Елена!.. Я боюсь, что вас обманули и что вы принесены в жертву...

— Что вы говорите, Алексей Алексеевич?.. Разве мать, какова бы она ни была, захочет погубить свою дочь?..

— Но... я все-таки ничего не понимаю... И знаете ли что?..

Он хотел было снова высказать ей свои подозрения, но остановился.

«К чему? И без того ей тяжело. Зачем лишние страдания...» — подумал он.

Слезы душили его.

— Оставим это... Все равно поздно!.. — проговорила Елена. — Ведь вы простили меня и не бросите в меня камнем?.. Не скажете, что я... я... продала себя за богатство.

Она не могла дальше продолжать и зарыдала. Венецкий и сам не выдержал. Он взял ее руку и осыпал ее поцелуями, смачивая ее в то же время слезами.

Незаметно протекали минуты, а они сидели тихо, утешая друг друга, как два больные, приговоренные к смерти. Им было так хорошо вдвоем, что они не слышали, как у дверей старик уже несколько раз покашливал. Наконец кашель раздался сильный. Они оба услышали и грустно взглянули друг на друга.

— Пора! — проговорил Венецкий. — Прощайте же, моя ненаглядная... Прощайте!..

Он обнял Елену и порывисто прильнул губами к ее губам. Она не противилась. Она забыла обо всем и помнила только, что около нее любимый человек.

— Я не могу вас не видеть... — шепнула она. — Хоть изредка...

А кашель за дверями делался назойливее.

Когда старик осторожно отворил двери и вошел в кабинет, то увидел обоих молодых людей с заплаканными глазами.

Он как-то сердито крякнул и проговорил:

— Ну, Алексей Алексеевич, я думаю, пора и к начальству, а то тебе достанется, нынче время военное.

Венецкий пожал руку любимой женщины и подошел к старику.

— Смотри, меня не забывай... захаживай, только, братец, захаживай рано утром, чтобы нам никто не мешал, а мы будем с тобою войну вести с турками... Ну, прощай. Будь здоров, родной мой! — проговорил генерал, крепко прижимая к своей груди Венецкого.

Венецкий быстро вышел из кабинета.

Оставшись вдвоем с Еленой, старик всячески пробовал развлекать свою «девочку». Он рассказывал ей план кампании, усадив ее рядом с собой, и заставил следить за движениями корпусов. Елена знала слабость отца и не раз исполняла должность его начальника штаба, когда старик, бывало, перепутывал войска, штудируя вместе с «девочкой» фран-

ко-прусскую войну. Она, улыбаясь, слушала, когда старик, совершенно серьезно уверенный, что развлекает свою «девочку», восклицал:

— Вот этот корпус идет вперед, переходит Балканы вот здесь... Этот корпус переходит Балканы вот тут... Третий корпус, Леля, в это время форсированным маршем направляется к Шумле... Все они соединяются у Адрианополя, а турки в это время бегут, бегут, Лелечка, как зайцы, в своих красных фесках... Мы без боя берем Адрианополь, а оттуда до Царьграда рукой подать...

— А где же, папа, твои резервы? — остановила его, сквозь слезы улыбаясь, Елена.

— Резервы?.. А зачем нам резервы, позволь тебя спросить? — горячился старик. — Какие такие резервы!.. Нам не надо резервов... Вперед с богом, — и кончено! Еще резервы выдумала. С турками — резервы! — сердито повторял старик. — Эх, вижу я, девочка, ты от кого-нибудь наслышалась о резервах... Мы, брат, не станем по-пруски цирлих-манирлих выделять. Шалишь, девочка! Мы по-русски, начистоту... За царя и Русь святую с бо-

гом марш, ура! — и посмотрим, кто устоит против русского штыка... Я слышал, что у нас такой план и выработан... С богом вперед, — и ничего более... Да и зачем нам другой план?.. С русскими солдатами да еще планы... Помнишь, девочка, Суворова?..

Старик оживился и продолжал рассказывать на эту тему, не замечая, что дочка давно не слушает его, хотя и глядит на него. Он начал было излагать, как мы возьмем Царьград, выгоним султана в Малую Азию (эта смелая мысль, надо, впрочем, заметить, явилась у него сегодня утром под влиянием статьи любимой им газеты, настоятельно требовавшей прогнать султана в Малую Азию) и сделаем Царьград вольным городом, и, окончив с этим вопросом, внезапно спросил:

— Так ли я говорю, Леля?..

— О чем, папа? — встрепенулась Елена.

— Э-э... да ты сегодня что-то рассеянно слушаешь! — ласково промолвил старик.

И, нежно заглядывая ей в лицо, тихо прошептал:

— Милая... голубушка моя... Да что же ты такая грустная?.. Ведь я не неволил тебя... Ты

сама хотела этой свадьбы...

— Что ты, папа?.. Я ничего... Я так только... взгрустнулось, а ты продолжай... Ты говорил, что мы взяли Константинополь.

— А ну его к черту! — проговорил с сердцем старик, отодвигая карты. — Ты у меня грустишь, а я тебя занимаю войной... Что, быть может, муж неласков с тобою?.. Ты скажи.

— Нет, папа. Он ласков...

— А ты выкинь из своего сердца эту привязанность к Венецкому... Знаешь, по-военному! — пробовал шутить старик. — Чего он не ехал сюда?.. Вот и выпустил из рук счастье... И знаешь что, Леля? Ведь его надо забыть совсем... совсем! — прошептал он. — И я тебя попрошу, как уже просил Алексея, не видаться с ним... Оно будет лучше... Ведь ты не станешь же обманывать мужа, надеюсь? — проговорил старик, с любовью глядя Еленину голову.

— А ты разве не уверен в своей дочери? — укоризненно заметила Елена.

— От этого я и говорю, что уверен... Уж лучше прямо сказать, а обманывать — ведь

это так тяжело для обманутого...

Он как-то весь сморщился и точно вспомнил что-то болезненное, тяжелое.

Елена поняла, о чем он вспомнил, и, обхватив руками его лицо, стала целовать его и говорила:

— Будь уверен, папа... Я на тебя похожа и счастья обманом не куплю.

Глава шестая

Друзья

Целый день Венецкий просидел, запершись в своем грязном номере. Удар для молодого человека, впервые любившего, был слишком тяжел. Еще несколько часов тому назад он так светло мечтал о близком счастье, а теперь?..

Недалекое прошедшее, такое хорошее, светлое, уходило от него все дальше и дальше, подернутое каким-то туманом, из-за которого глядело на него с грустной улыбкой милое лицо...

«Уж не во сне ли все это, и точно ли Елена замужем и так далека от меня?» — повторял

он несколько раз, на что-то безумно надеясь и вспоминая ее нежный, ласковый взгляд. С отчетливостью молодых влюбленных повторял он все нежные имена, которыми она его называла, вызывал ее образ, ее поцелуи, ее тихий, умоляющий голос, и кроткие его глаза блестели счастьем...

Но письмо напоминало ему, что он не бредит. Он в десятый раз перечитывал его, целовал «ужасные» строки и все более и более убеждался, что Елену «жестоко обманули» и что во всем этом виновата мать, которую он уже горячо ненавидел...

О Борском (он его не встречал у Чепелевых) он старался не думать, а если Борский все-таки, помимо усилий, приходил на мысль, то Венецкий весь вздрагивал и называл его подлецом за то, что он женился, зная, что его не любят...

«Ведь она сказала же ему об этом... Он знал!» Он дал себе слово «узнать все, все, — и тогда...»

«Поздно, поздно! Узнай не узнай, счастья не вернешь, а только еще более испортишь жизнь Елене!» — шептал ему внутренний го-

лос.

Ему наконец сделалось невыносимо тяжело одному с своим горем в этой маленькой, тесной комнатке. Хотелось с кем-нибудь поделиться. Он стал перебирать родных и знакомых и ни на ком не остановился...

Наконец он вспомнил о старом приятеле, докторе Неручном, и остановился на нем.

— Пойду к нему! — решил он. — Быть может, он живет на старой квартире... Хороший он человек, и с ним можно поговорить...

Он вышел и тихо побрел в Гагаринскую улицу. Опять к нему приставали с телеграммами; он машинально взял телеграмму, прочел ее, и в больной голове его пробежала мысль:

«Разве туда?.. Убьют скоро!.. К чему теперь жить?..»

Но ему скоро самому сделалось совестно. Перед ним явилось серьезное лицо старухи матери. Припомнил он, как она рассказывала о потере любимого ею мужа (его отца), о том, как следует переносить горе, и Венецкий обозвал себя эгоистом...

Он повернул в Гагаринскую, остановился у

большого серого дома и позвонил дворника.

— Здесь доктор Неручный живет?

— Здесь... Пожалуйста в четвертый этаж, во дворе!

Венецкий очень обрадовался, что Неручный здесь, и торопливо поднимался по темной лестнице.

«Видно, по-старому дела его плохи!» — подумал он, дергая колокольчик.

Двери отворила старая кухарка.

— И вы, Матрена, здесь? Как вас бог милует?

— А где же быть-то мне, — огрызнулась Матрена и потом, разглядевши гостя, прибавила: — Да это вы, Алексей Алексеевич! Пожалуйста, пожалуйста, а то мой-то и без того засиделся за книгой... Целый день не выходил из дому.

В маленьком, скромно убранном кабинете лежал на диване, держа в руках книгу, в халате, длинный господин с всклокоченными волосами.

При входе Венецкого он отвел книгу, лениво прищурил глаза на вошедшего и ленивым голосом проговорил:

— Кто пришел?..

— Все те же привычки!.. — воскликнул Венецкий, подходя к дивану и протягивая доктору руку.

— А, это вы? — проговорил доктор и медленно приподнялся с дивана, точно расстаться с ним ему было очень тяжело. — Откуда вас принесло? Все вот едут туда, dahin[5], где решится, как говорят газеты, самый важный вопрос, — а вы в Питер, — продолжал насмешливо, доктор, потягиваясь и весело озирая Венецкого. — Ну, очень рад вас видеть! — повторил он, снова тряхнул его руку. — Очень рад. Будем вместе чай пить, а?..

— Ну, жаловаться грех... Здоровье у вас, как посмотрю, первый сорт! — продолжал весело доктор, оглядывая Венецкого при свете лампы. — Если не убьют, жить вам сто лет! Да что вы такой, точно в воду опущенный! Не выпалились или кутнули сегодня? Да... чтобы не забыть, а то я всегда забываю извиняться!.. Уж вы простите, что не отвечал на ваше письмо... Сами знаете старого приятеля... Собирался, собирался, даже письмо, если хотите, можете найти на столе, но окончить не окон-

чил... Лениость, батюшка, мать всех пороков!.. — улыбнулся доктор, приглаживая длинными пальцами свои всклокоченные черные космы. — Ну, а вы-то что?.. Какие печали?.. Мать-то здорова?..

— Мать здорова, да сам-то я...

— Да что же с вами-то? — участливо спросил доктор, кладя свои «плети» (так он сам шутя называл свои длинные руки) на плечи Венецкому...

Венецкий стал рассказывать. Доктор слушал его, не прерывая, и только покачивал своею большою головой.

— Дело дрянное... Помните, я запьянствовал тогда, года три тому назад?.. Ну, со мною такая же штука была... По усам текло, а в рот не попало! — как-то неловко шутил доктор, делая кислую гримасу. — Так вот и не женился... Да оно, пожалуй, и лучше... Нам, худощавым, жениться не следует... Жены нас любить не станут... Желчи много, ну, а вам... Эка вы какой... — с какой-то мягкостью, вовсе не шедшей ко всей его долговязой фигуре, проговорил доктор. — Чайку все-таки выпейте, юноша, и — не сердитесь, голубчик, если сло-

ва мои слишком жестки... Согрейте их в вашем добром сердце...

Венецкому стало легче от этих участливых слов приятеля. Он все еще возвращался к своей «штуке», как называл это дело доктор, и бранил мать Елены.

— Это, конечно, она... Кому больше... Она самую эту интригу подвела! — проговорил Неручный. — Но все-таки бросьте вы все это... Ведь не станете же вы, дорогой мой, мстить?.. Нынче, во-первых, мировые, а во-вторых, — не шалопай же вы в самом деле?..

— Но мне бы узнать...

— Да что узнавать?.. Она с Борским, слышал я, амуры разводила...

— Рассказывали...

— Ну, а теперь дочь выдала... Это в порядке вещей. Верно, теперь птенца какого при себе содержит, а как штукатурка-то выручать не станет, — ну, тогда в благотворительное общество почетным членом и насчет нравственности... Тоже, батюшка, и я при своей лени, а на кое-какой практике понаблюдал этих барынь. Вот только дочек они напрасно губят... Сынки — те нынче все больше в

окружных судах в звании червонных вальтов...[6] Ну, да вы и сами все это отлично знаете...

Долго просидели они вдвоем, долго еще Венецкий возвращался к началу, и долго еще Неручный терпеливо выслушивал порывистые излияния молодого приятеля, ласково поглядывая на него своими большими синими глазами.

— Ну, а вы как? — спросил наконец Венецкий, забывший в порыве своего горя даже спросить у приятеля, что он поделывает.

— Да так, лечу помаленьку, помаленьку учусь, помаленьку читаю, а больше всего леньюсь... Вот, верно, скоро нашего брата на войну погонят. Там лень-то сбросить придется! — серьезно заметил Неручный.

— Говорят, у вас в Петербурге все желают войны?

Неручный серьезно взглянул на Венецкого и заметил:

— Да вы никак газет начитались?.. Эка радость какая, война!.. Небось сам не хочет на войну, в Питер приехал, так в других возбуждение нашел... Мы, батюшка, народ смир-

ный... Прикажут, — возбудимся, прикажут, — охладимся... Ну, теперь, конечно, горячая пора... Нас по губам обновлением мажут... Верно, почитывали, как трогательно газеты расписывают...

— Почитывал.

— И что же, верите?

— Что-то не верится.

— А мне так и совсем не верится... Ну, да об этом после, а теперь пойдем-ка, милый человек, к Палкину... На радости, что вы приехали, царапнем бутылочку-другую... Мы по этой части искренний народ и никогда не откажемся. Кстати, и есть хочется. Да и вам поесть не мешает... Верно, сегодня ничего не ели?

— Это правда! — улыбнулся Венецкий.

— То-то!.. Знаю... Так идем, что ли?

— Идем...

Доктор оделся, и они вышли из дома. По дороге доктор все подтрунивал над петербургским возбуждением и так весело пародировал передовые статьи, что Венецкий несколько раз принимался смеяться.

Глава седьмая

«Ради бога, доктора!»

В оживленной беседе за бутылкой вина приятели просидели в трактире до поздней ночи. Доктор рассказывал без умолку, видно стараясь рассеять своего молодого приятеля.

«Очень уж неожиданно хватили беднягу!» — думал он, участливо посматривая на печальное лицо Венецкого.

Когда наконец они вышли на улицу и Венецкий хотел было идти к себе в меблированные комнаты, доктор его не пустил.

— Идемте-ка лучше ко мне. Вдвоем веселей. По крайней мере будет кому реплики вам подавать, если вы захотите вести беседу! — усмехнулся Неручный, беря Венецкого под руку.

Они скоро пошли домой и собирались уже ложиться спать, как вдруг в прихожей раздался отчаянный звонок, и вслед за тем чей-то взволнованный голос проговорил:

— Доктор дома?

— Дома... Эка трезвоните! — воркнула в от-

вет Матрена.

— Доктора, ради бога. Скорей доктора!
Неручный выбежал в прихожую.

— Барин наш умирает! Пожалуйста, помогите. Тут близко, через два дома... — говорил прерывающимся голосом старый лакей. — Не откажите!

Неручный тотчас же оделся и вышел вместе с лакеем.

По дороге старый слуга отрывисто рассказал, что барин давно болен, но, с тех пор как он «на старости лет недавно вздумал жениться», ему все делалось хуже и хуже, а сегодня поужинали и... совсем умирают...

— Супруга баринова, — таинственно проговорил слуга, — может, слышали... госпожа Бениславская урожденная... А барин наш, господин Орефьев, богат... Как бы...

Он не досказал мысли.

— Послали за доктором, который постоянно лечит вашего барина?

— Послали, да дома не захватили... За многими докторами послали... А уж я бросился к вам, повар надумил... дочку вы его лечили. Вот сюда, господин доктор, пожалуйста! — указывал.

зал он на подъезд, пропуская доктора.

Через ряд комнат Неручный быстро прошел в маленькую гостиную и остановился. Двери в следующую комнату были заперты. Он постучал в двери.

Двери тотчас же отворили, и на пороге появилась Варвара Николаевна. Она была взволнована, и в ее лице не было ни кровинки.

— Вы доктор? — спросила она, запахивая ворот капота.

— Да.

— Ах, пожалуйста, поскорей... Мужу моему плохо!..

Неручный вошел вслед за Варварой Николаевной в роскошный будуар.

На кушетке лежал Орефьев, откинувши голову назад, бессмысленно глядел вперед и тихо стонал. Около кушетки был маленький стол, чернильница и лежали какие-то бумаги...

Доктор подошел к Орефьеву, внимательно осмотрел его и спросил:

— Вы страдаете?..

Но вместо ответа Орефьев что-то пробормотал.

мотал.

— Можете говорить?

Орефьев тихо пошевелил головой.

— Можете написать?..

В мутных оловянных глазах старика промелькнуло выражение испуга...

— Ах, не мучьте его! — вступилась Варвара Николаевна. — Он уже с полчаса ничего не говорит... По обыкновению, он ужинал, и после с ним вдруг сделалось дурно...

Неручный снова осмотрел больного и, когда кончил осмотр, тихо покачал головой.

— Ну, что?

— Он в агонии! — тихо прошептал Неручный, как-то подозрительно оглядывая комнату.

Варвара Николаевна обратилась к старику Никифору с приказанием съездить за священником.

Но Никифор наотрез отказался.

— Я при барине останусь. Извольте послать кого-нибудь другого.

Варвара Николаевна промолчала и вышла распорядиться.

— Ну, что, господин доктор... какая бо-

лезнь у барина? — прошептал Никифор. — Умрет?..

Неручный кивнул головой.

— Это непременно она его... если бы вы знали...

Старик оборвал свою речь. В комнату вошла Варвара Николаевна, за нею Башутин и новый доктор.

Он косо взглянул на коллегу, протягивая ему руку, осторожно приблизился к больному и сказал:

— Ну, как ваше здоровье, дорогой Василий Матвеевич?.. Не беспокойтесь... Мы вас на ноги поставим!

Но ответа никакого не было, и сам диктор понял, что это шутливое приветствие было излишне. Он посмотрел на умиравшего, дал понюхать чего-то из пузырька и, отойдя от больного, стал шептаться с Неручным; затем как-то торжественно приблизился к Варваре Николаевне и тихо сказал:

— Нам здесь больше делать нечего! Посылайте за священником!

Башутин вызвался съездить и уехал.

— А за Александрой Матвеевной изволили

послать? — как-то угрюмо прошептал Никифор.

Варвара Николаевна бросила на старого лакея быстрый злой взгляд и сказала:

— В самом деле. Я и не догадалась... Пошлите скорей.

Оба врача уехали.

Когда через полчаса приехала Александра Матвеевна, то увидела своего брата уже мертвым. Она с нескрываемою злостью взглянула на Варвару Николаевну и тихо заметила:

— Вы очень скоро сделались вдовой...

Варвара Николаевна смерила Орефьеву с головы до ног и промолвила:

— Вы что хотите этим сказать?..

И, не дождавшись ответа, пожала плечами и вышла из комнаты.

К утру приехал Борский, а вслед за ним явился на квартиру судебный следователь и доктор.

Варвара Николаевна с достоинством невинно оскорбленной женщины отвечала на вопросы судебного следователя.

Глава восьмая

Наследники

Скоропостижная смерть Орефьева возбудила в городе толки об отравлении. Об этой смерти даже появились заметки в прессе, но все толки оказались вздорными. Труп Орефьева был исследован, и оказалось, что никакого отравления не было, а что старик умер от быстрого истощения сил...

Когда вскрыли духовное завещание, то узнали, что все состояние было завещано вдове и только двадцать тысяч Елене...

Борский не верил своим глазам, прочитывая завещание. И, однако, все было в порядке. Несомненно, подпись была Орефьева.

— Этого быть не может! Это фальшивое завещание! Старик так любил Лелю и не раз говорил, что оставит ей свое состояние! — говорила, рыдая, Александра Матвеевна.

— Я сам сомневаюсь! — резко ответил Борский. — Но все в порядке... Никакого другого завещания нет.

Тем не менее он предварительно решил

переговорить об этом щекотливом предмете с Варварой Николаевной и через несколько дней после похорон поехал в одиннадцать часов утра к вдове Орефьева.

— Скажите, что по очень важному делу! — проговорил он, отдавая слуге карточку.

Через несколько минут ввели его в гостиную.

Варвара Николаевна сидела на диване, одетая в глубокий траур. Она сухо кивнула головой в ответ на поклон Борского, и, не протягивая руки, указала взглядом на кресло, и тихо проговорила:

— Я вас готова слушать!

Борский взглянул ей прямо в лицо. За эти дни оно осунулось, побледнело, но все-таки было прелестно. Глаза резко блестели и не опустились под пытливым взглядом Борского.

— Я вас слушаю!.. — повторила Варвара Николаевна.

— Я приступлю прямо к делу, Варвара Николаевна... Вы позволите без предисловий?

— Они излишни.

— Тем более что мы старые знакомые...

Варвара Николаевна презрительно усмехнулась.

— Надеюсь, вы приехали ко мне не для излияний?..

— Я приехал, чтобы предложить вам сделку...

— Вы? сделку?.. Разве у нас с вами есть какие-нибудь дела? — проговорила она, как бы удивляясь словам Борского.

— Еще бы... Вы, конечно, понимаете, о чем я говорю?..

— Не понимаю! — усмехнулась Варвара Николаевна.

— Я говорю о духовном завещании вашего покойного мужа.

— О нем так много говорят, Василий Александрович, что, право, это надоело...

— Но я вас все-таки попрошу еще раз выслушать... Я не верю в это завещание!.. — проговорил Борский, не спуская глаз с лица Варвары Николаевны.

Ему показалось, что при этих словах она вздрогнула.

— Не верите?.. Что ж, не верьте... Кто заставляет вас верить? — проговорила она, улы-

баясь. — Я и сама, признаться, сперва не поверила своему счастью... Покойный муж награждал меня не по заслугам...

— Но так как моя недоверчивость нисколько не может тронуть вас, то я хотел бы возбудить подобную же недоверчивость к духовному завещанию и в вас, и тогда, быть может, мы могли бы сойтись...

Он замолчал.

Варвара Николаевна взглянула на него с улыбкой и заметила:

— Что же вы не продолжаете?.. Вы так хорошо говорите!

— Я жду вашего ответа...

— Но я вас все-таки не понимаю!

— А ведь понять так легко... Я предлагаю вам отдать половину наследства моей жене...

— Только-то?.. Ах, как мало! — заметила Варвара Николаевна и засмеялась, тихим смехом.

Борский начинал сердиться.

— Вы шутите?

— Нет... я не шучу... Но, видите ли, я... я не совсем понимаю, за что вы так мало хотите... Уж лучше просили бы все состояние, а то по-

ловину!

Борский поднялся с места.

— Вы, значит, не хотите понять меня и верите в подпись покойного мужа?

— Подпись? А что подпись?..

— Ничего, я вас только спрашиваю, вы верите?..

— Ну?..

— А я не верю, и потому вам и предлагаю...

Если вы откажетесь, я постараюсь найти средства заставить усомниться в завещании и суд, как это ни трудно...

— Довольно, господин Борский. Это уже слишком... Вы забываете, что вы не на бирже, а с женщиной... Я и то вас долго слушала...

— Я больше не скажу ни слова... Прощайте...

Он медленно вышел из комнаты.

Борский вернулся домой взбешенный. Ничего не вышло из объяснения. Он обдумывал, что делать дальше, и не находил исхода...

А деньги были нужны до зарезу... Одна надежда на подряд, который почти что сложен... Он поправит его дела.

«А если нет?» — пронеслось у него в голо-

ве.

Он сумрачно задумался и не заметил, как отворились двери кабинета и Елена тихо проговорила:

— Могу я войти?

Он поднял глаза и с неудовольствием взглянул на эту маленькую женщину, которая остановилась в ожидании, робко взглядывая на него своими голубыми глазами.

«Что еще надо?.. Уж не новое ли объяснение?» — подумал он с неудовольствием и громко произнес, поднимаясь с кресла:

— Что тебе, Елена?

Глава девятая

Муж и жена

I

Елена медленно приблизилась к столу. Она подняла глаза, увидела расстроенное и недовольное лицо мужа и испуганно проговорила:

— Я помешала тебе? Извини, пожалуйста, я уйду.

— Нисколько. Я совершенно свободен, — отвечал с обычной любезностью Борский, подвигая жене кресло.

— Я не задержу тебя долго.

— Елена, как тебе не стыдно! — ласково упрекнул Борский.

Ему вдруг сделалось невыразимо жаль жену. Он с особенною нежностью поцеловал ее руку.

— Ты до сих пор считаешь меня чужим, Елена? — тихо проговорил он, пожимая ее руку.

Елена ничего не ответила. Этот мягкий упрек еще более смутил ее, и она тихо высво-

бодила руку.

Она в самом деле до сих пор не могла привыкнуть к мужу, стеснялась его как чужого, при нем была молчалива, сдержанна, даже робка, и с каким-то страхом оставалась с ним наедине. Она не могла пожаловаться на Борского. Он точно понимал, что делается с Еленой, и относился к ней с деликатною осторожностью человека, терпеливо ожидающего перемены к лучшему. Он не навязывал ей своей любви, был ровен, приветлив, сдержан. Она втайне благодарила его за это, старалась быть ласковою, но ласковые слова стыли на ее губах; принуждала себя на горячие поцелуи мужа отвечать поцелуями, но вместо поцелуев у нее вырывались сдержанные рыдания, и краска стыда жгла ее лицо.

Она чувствовала фальшивость своего положения и хорошо понимала, что к ней относятся как к малому ребенку, с снисхождением доброго педагога. Она видела, что между мужем и ею была пропасть. Он снисходил к чувству женщины, но не давал себе труда подумать о ней, как о человеке...

— Я к тебе с просьбой, — проговорила Еле-

на, видимо затрудняясь, как приступить к просьбе.

— Наконец-то ты хоть что-нибудь просишь! — весело воскликнул Борский.

Елена удивленно вскинула на мужа глаза после этого восклицания и покраснела.

— Ты, верно, не понял меня... Эта просьба... Она остановилась и едва слышно прошептала:

— Я прошу твоего позволения видеть Венецкого!

Борский не ожидал такой просьбы. Он невольно сделал движение назад.

— Последний раз... Он уезжает на войну, и я желала бы с ним проститься...

«Ах, если бы убили там этого болвана!» — пронеслось в голове у Борского.

Ему вдруг сделалось досадно, что он так глупо ошибся, и обидно, что он был так нежен с женой.

«Она все еще любит! — И чувство оскорбленного самолюбия заговорило в нем. — Его — мальчишку!»

— А я думал, Елена, что у тебя просьба по-серьезнее! — проговорил равнодушно Бор-

ский. — Об этом, мне кажется, нечего было и спрашивать... Ты свободна принимать своих знакомых.

— Я у отца его увижу...

— Тем лучше... Я не имею ничего против...

— Благодарю тебя! — горячо проговорила Елена.

Слова благодарности взбесили Борского.

«Она еще благодарит! — подумал он, бросая сердитый взгляд на жену. — Она думает, что это так и следует. Получила разрешение от мужа, и за это благодарность. Обо мне она и не подумала, обращаясь с такою просьбой!»

Борский сердился все более и более. Он никак не рассчитывал, чтоб эта «маленькая Елена» могла причинить ему, умному и знающему себе цену человеку, столько неприятностей и затруднений, а затруднений он именно и не любил. Женясь на ней, он вполне был уверен, что «блажь» пропадет скоро, что она полюбит Борского (его так много женщин любило) и будет в его руках послушной женой, смотрящей ему в глаза, и, таким образом, семейная жизнь устроится тихо, мирно, порядочно, без каких бы то ни было неприятно-

стей, и вдруг вместо этого ему на первых же порах приходится выносить подобные сцены и видеть около себя женщину в положении какой-то жертвы...

— Ты знал раньше!.. — проронила она шепотом.

— Да, я знал, но я рассчитывал, что когда выходят замуж, то все старое забывают...

— Видит бог, я стараюсь забыть! — проговорила она, глотая слезы.

— Это очень похвально! — подхватил Борский, иронически улыбаясь. — Каждая порядочная жена, разумеется, должна постараться забыть привязанность к постороннему человеку или же, если она этого сделать не в силах, обязана расстаться с мужем. Свидания едва ли помогут добрым намерениям, — ведь чувство так капризно! — и я, в интересах обоюдного спокойствия, считаю долгом просить тебя, чтоб это свидание было действительно последним... Едва ли нужно прибавлять выражение уверенности, что... доверие мое не будет употреблено во зло и что имя мое...

Борский говорил эту тираду, медленно отчеканивая каждое слово и словно бы насла-

ждаясь смущением жены, а Елена слушала эти ядовитые слова, опустив голову, как будто виноватая! Но при последних сливах она вспыхнула от негодования, гордо подняла голову и проговорила, глядя прямо в лицо мужу:

— Я очень хорошо ценю доверие, и, — вы это знаете, — напоминать мне об этом жестоко!

Борский изумленно взглянул на Елену. Этот тон, этот взгляд, этот благородный порыв негодования были для него неожиданны. Он привык смотреть на нее как на сентиментальную, скромную женщину и любовался теперь, глядя на ее энергичное, одушевленное лицо.

— Жестоко? А разве твоя просьба о свидании не жестока? — вдруг крикнул Борский, вскакивая с кресла. — Ты разве не понимаешь, что лучше было бы не спрашивать меня об этом и устроить свидание без санкции супруга?.. Или тебе, в качестве жертвы, принесшей себя на заклание, можно безнаказанно мучить человека?

Борский забыл обычную сдержанность и

говорил горячо, тоном оскорбленного человека.

Елена испуганно глядела на мужа. Он был бледен, губы нервно вздрагивали; в чертах лица виднелось страдание. Ей сделалось страшно. Ей стало жаль мужа. Ей даже понравился резкий тон.

— Я не увижусь с Венецким! — прошептала она.

— Этого еще недоставало! — воскликнул он, усмехаясь. — Это значит еще один лишний упрек себе на совесть... И без того их много... — прибавил он тихо и замолчал.

— Нет, я прошу тебя, я умоляю тебя, Елена, повидайся с Венецким... Слышишь ли, непременно повидайся!.. Быть может, это свидание заставит тебя принять окончательное решение. Но только потом... потом, если ты вернешься назад, не забудь, что около тебя все-таки человек, который так или иначе, но считается твоим мужем и любит тебя...

Борский смотрел на нее, и лицо его мало-помалу смягчалось. Какое-то мягкое, хорошее, давно не являвшееся чувство, словно луч, согрело его сердце, и в голове его мельк-

нула давно забытая молодость, когда он сам был другим...

«За что он губит молодое создание?» — подступил роковой вопрос, и ему вдруг сделалось страшно при виде этого беспомощного существа. Ему захотелось прижать к своей груди эту маленькую, несчастную женщину, сказать, как он виноват и перед ней, и перед собой, покаяться, как скверно употребил он свои силы и слабости, как тяжело ему самому, вымолить прощение и любовь... Ему вдруг сделалось страшно при мысли, что эта самая Елена оставит его и он останется один, — один с делами, накануне разорения. Он снова взглянул на нее, и она показалась ему теперь такую красавицей, которую он вдруг увидал...

Но Борский почему-то не обнаружил своего порыва. Он молча прошелся по кабинету, потом остановился перед Еленой и тихо произнес:

— Прости меня, Елена, если можешь. Я сегодня расстроен и наговорил тебе много лишнего...

Он протянул ей руку, крепко пожал ее, хотел что-то сказать, но ничего не сказал, а кру-

то повернувшись, снова заходил по комнате.

Елена хотела было сказать ему слова утешения, хотела объяснить, что она заставит его забыть его страдания, что она полюбит его, но ни одного слова не вырвалось из ее груди...

Она тихо поднялась с кресла и тихо вышла из кабинета.

— Она ненавидит меня! — прошептал с каким-то ужасом Борский, глядя ей вслед. — Она понимает меня!

Он долго ходил взад и вперед по комнате, потом присел к столу и горько, горько задумался.

II

Если бы лет десять тому назад молодому, красивому юноше Борскому кто-нибудь сказал, что из него выйдет делец самой последней формации, то он даже не оскорбился бы, а весело расхохотался от одной мысли, что ему можно предсказать такую будущность. Он тогда был молод, верил в свою звезду, надеялся на свои силы и перебивался кое-как то уроками, то переводами, то случайною работой. Он хорошо занимался, много читал, мно-

го учился и, наверно, кончил бы в университете блестящим образом курс, если бы не случилось одного из тех недоразумений, которые так часто заставляют многих юношей предпринимать отдаленные путешествия.

Он прожил несколько лет в одном из уездных захолустьев. Первые годы он продолжал усидчиво сидеть за книгами и мечтать о деятельности, которая бы удовлетворила его. А жить между тем хотелось. Порывы молодости, мечтавшей сперва о самопожертвовании, о служении человечеству, с годами появлялись все реже и реже, и Борский, сперва благородно негодовавший, когда слышал, что тот или другой товарищ весьма удобно пристраивался к пирогу, мало-помалу приходил к убеждению, что сидеть впроголодь в то время, когда другие пользуются жизнью, по меньшей мере, глупо...

Он, конечно, не будет походить на других. Он не станет жить для одного себя... Он далек от этой мысли... Но отчего же ему не окунуться в эту самую жизнь, отчего ему не воспользоваться ее благами? Довольно он нищенствовал, довольно он корпел над книгами, а

что толку из этого?..

А кругом шла бешеная погоня за наживою. Большинство, казалось, обо всем забыло, кроме погони за рублем. Никакие препятствия не останавливали в этой скачке: ни совесть, ни стыд, ни мужское, ни женское целомудрие... все словно сговорились забыть о каких-то идеалах; все, когда-то мечтавшие о чем-то другом, более возвышенном, наперерыв друг перед другом спешили в этом направлении.

И только меньшинство брезгливо сторонилось от этого быстрого течения и изумленно глядело на то самое общество, которое в шестидесятых годах, казалось, являло все признаки пробуждения.

Сперва он, как это водится, вел «теоретические» беседы в этом направлении с одним из своих приятелей, вместе с ним коротавшим скуку захолустья, и всегда побеждал приятеля диалектикой; потом начал подсмеиваться над брезгливым сторонением от жизни и кончил, разумеется, тем, что разошелся со своим другом.

— Эх, Борский, плохо вы кончите! — сказал ему как-то раз приятель. — В вас барин рус-

ский сказывается... Вам жить хочется по-барски, ну, а для этого надо пуститься во все тяжкие. Времена нынче такие, что компромиссы невозможны.

Борский рассердился на эти слова и порвал связи с приятелем.

П приятель скоро куда-то исчез, а Борский попробовал, как он говорил, окунуться в жизнь.

С первых же шагов ему повезло. Умный, деятельный, ловкий, умевший подмечать людские слабости и пользоваться ими, он хорошо понял, что неглупому человеку на Руси успеть можно, и, поступив на службу на одну из железных дорог в качестве правителя дел, скоро сошелся и познакомился со многими воротилами железнодорожного мира и получил большое содержание.

«Боже ты мой, как, однако, все это просто!» — думал он не раз, слушая рассказы о том, как получились концессии, как устраивалось то или другое дело.

Оказывалось, что для этого не требовалось ни особенного ума, ни даже особенной ловкости, а нужны были только связи и уменье

пользоваться ими.

Горячую, ищущую деятельности натуру не удовлетворяла деятельность правителя дел. Его начинала интересовать игра в наживу, среди которой он вращался. Он попробовал было спекулировать, но первый опыт был неудачен: он потерял свои небольшие сбережения и принужден был оставить службу на железной дороге. Он приехал искать занятия в Петербург, и случай натолкнул его на семейство Чепелевых, где он сделался домашним учителем. Деятельность учителя, конечно, не удовлетворяла Борского; он плохо занимался с мальчиком, но отлично сумел пользоваться знакомством Чепелевых и не разыграл роли Иосифа Прекрасного[7], когда Александра Матвеевна, тогда еще свежая и красивая брюнетка, предложила ему свою страстную любовь...

Так прошел год. У Борского завязались хорошие знакомства, и все его знали как основательного и хорошего молодого человека. Молодого Чепелева отдали в заведение, а Борскому предложили место секретаря у Познякова, ворочавшего тогда большими делами.

Новый секретарь скоро до того понравился Познякову, что ему предложили место главного управляющего делами с огромным содержанием... Дела пошли блестяще. Борский поправил разоренные имения Позняковых и обнаружил такие способности, такую быструю сообразительность во всех коммерческих делах, что скоро сделался компаньоном и вместе с Позняковыми получал подряды и концессии. Он все более и более погружался в эти дела и целые дни работал. «Дела» для него было то же, что карты для игрока. Он наслаждался хорошими ходами, он с восторгом топил ближнего, он радовался, когда отбивал хороший куш у другого. Он не мечтал нажиться и успокоиться, как какой-нибудь французский лавочник. Нет! Чем дальше он шел, тем более ему хотелось идти в этой бешеной игре, когда человек не знает, что принесет ему завтрашний день. Он уже стоял на той едва уловимой нравственной черте, когда человек не отличает, что честно и что нечестно, и когда нравственные принципы сводятся на вопросы об успехе или неуспехе.

Он вращался среди женщин и знал, что че-

рез женщин можно делать гораздо больше, чем через мужчин. Он умел говорить с ними так вкрадчиво, так нежно, умел обещать долю в предприятии так незаметно, так нечаянно, что женщины, так или иначе влиявшие на источники благ земных, пропагандировали Борского, и скоро имя его сделалось известным в петербургских гостиных так же хорошо, как и на бирже.

Пока все ему удавалось. Он открыл каменноугольную компанию, продал выгодно это дело, после чего компания разорилась, так как угля оказалось мало в той местности, которой Борский сулил значение Кардифа, он получил концессию на маленькую дорогу, которая дала ему чистого полмиллиона, но зато в один день потерял полмиллиона, купивши заглазно, понадеясь на свое счастье, золотой прииск, и в последний год в спекуляциях терял все более и более...

Но чем более он терял, тем фантастичнее являлись новые проекты, и он жил в каком-то диковинном мире разных спекуляций, проектов и грандиозных предположений... То он строил каналы, набережные, пристани; в его

воображении осуществлялись все эти затеи; самые точные выкладки свидетельствовали о верности всех этих предположений; он заказывал планы и рисунки, вез их какому-нибудь высокопоставленному лицу и очаровывал это лицо своею горячею речью о великом значении предприятия и хорошими рисунками, причем не забывал, разумеется, после свидания с этим лицом заехать к какой-нибудь влиятельной «жене сбоку» и заставить ее напомнить этому лицу о предприятии...

То он вдруг носился с планом нового пароходства, и докладные записки, одна другой убедительнее, переписанные министерским почерком, шли к разным министрам, и везде умел заставить говорить о себе...

Словно обезумевший, желавший забыться в этом море спекуляций, Борский бросился в азартную игру и однажды очень хорошо увидел, что если ликвидировать дела, то вместо миллиона, в котором его считали, у него окажется на миллион долгу...

Но престиж его, как солидного дельца, еще сохранялся, и он еще имел кредит. Сперва он брал деньги в банках, под залоги разных

предприятий, не приносящих никаких доходов, потом он брал деньги под чудовищные проценты и всегда аккуратно платил проценты. В этом отношении он очаровывал своих кредиторов, и ему давали снова деньги, и эти деньги снова уходили в какую-то бездонную пропасть, а долги вырастали...

Борский давно уже разошелся со всеми друзьями своей молодости. При встрече с ними он сперва отворачивался, а потом прямо глядел на них, точно на незнакомых людей.

По временам на него находила жестокая хандра, и тогда он запирался дома и никого не принимал, но дела скоро излечивали его, и он, снова деятельный, неутомимый, то появлялся на бирже, то в кабинете министра, то в будуаре нужной содержанки, то в гостиной старой ханжи, фрейлины, могущей замолвить слово.

Мысль о женитьбе на Елене пришла к нему случайно. Он об этом прежде не думал. Александра Матвеевна навела его на эту мысль, уверив его, что дядя даст хорошее приданое и оставит состояние. Приданым он на-

деялся замазать дыры и затем занять денег у Орефьева и поправить свои дела...

Но для Борского, как и для игроков, наступила несчастная полоса. Все не клеилось, все не удавалось. Перед ним теперь стоял грозный вопрос, как вывернуться из положения...

Но не об этом думал теперь Борский, сидя в кабинете.

Он думал об Елене, и сознание, что она его ненавидит, приводило его в ужас...

— Неужели я влюбился в свою жену, как мальчишка! — проговорил он, встряхивая головой, словно желая освободиться от гнетущих мыслей.

Он начал было думать о делах, но в первый раз в жизни дела не шли на ум, и никакие спекуляции не зарождались в его больной голове.

Он, как школьник, мечтал об Елене и искренне завидовал Венецкому.

Глава десятая

Объявление войны

I

Иностранец, попавший из Парижа, Лондона или Вены на петербургские улицы в понедельник 13 апреля 1877 года, был бы несказанно удивлен, узнав, что в этот самый день в Петербурге появился манифест, объявлявший восьмидесятимиллионному населению о войне с Турцией. Так незначительны показались бы иностранцу проявления общественного возбуждения по сравнению с теми, которые бывают в европейских городах при событиях гораздо меньшей важности, чем объявление войны.

Нас, русских, подобная сдержанность, разумеется, не удивила. Русский человек издавна приучен к осторожности в выражении чувств, возбуждаемых в нем тем или другим событием, и рискует обнаружить их на людях только тогда, когда вполне уверен, что подобное проявление освящено санкцией. А так как в знаменательный день 13 апреля 1877 го-

да обыватели не были извещены о том, что им предоставляется зажечь иллюминацию, то петербургские улицы в этот день представляли обычный, будничный вид.

Рассказывая по долгу справедливого летописца о внешнем виде Петербурга в день объявления войны, я, разумеется, не имею в виду отрицать возбуждения, охватившего множество народа при чтении манифеста. Говорить о степени и характере возбуждения в нашем обществе довольно трудно, так как проявления его у нас не имеют публичного характера, но тем не менее, насколько выражались эти проявления среди петербургского общества, надо сказать правду, что проявления эти были в большинстве радостного характера.

Я вполне убежден, что и в Петербурге, по примеру Парижа, могла бы собраться значительная толпа (особенно если бы чиновникам позволили не ходить в департаменты) публики, которая бы ходила с криками: «В Царьград! В Царьград!» Почва для такой манифестации была хорошо подготовлена многими из наших газет, и если такой толпы мы не видали, то, надо думать, единственно потому,

что еще не было вполне известно, как отнесется начальство к проявлению такого патристического восторга.

Вот единственно возможное объяснение отсутствия манифестации, которая бы заставила иностранца, хотя по этим проявлениям, сравнить Петербург с европейским городом.

По странной случайности объявление о войне — «самой популярной», как выражались в те дни газеты, — прежде всего появилось в «Journal de S.-Petersbourg»[8], и популярная война стала известна сперва на французском языке. И только в полдень 13 апреля из конторы «Правительственного вестника» [9] вышли листки манифеста на русском языке, нарасхват раскупаемые у разносчиков.

В этот памятный понедельник погода была отвратительная: холодный ветер пронизывал насквозь и сквозил по всем улицам и перекресткам. У типографии «Правительственного вестника» толпилась публика. На бойких улицах было обычное движение. Разносчики выкрикивали свежую новость. Телеграммы шли ходко; их покупали, прочитывали и шли далее, погруженные в свои буднич-

ные заботы.

Какая-то бедно одетая старушка остановилась у разносчика, прочитала телеграмму и залилась слезами тут же на Невском. На нее прохожие глазели с удивлением. Городовой деликатно попросил ее не плакать на улице, так как она делает беспорядок.

— Этакое известие да не плакать!.. Внучек один был, — и того теперь убьют. Я, сударь, мужа и трех сыновей в Крымскую войну потеряла... Так поневоле заплачешь! — проговорила старушка, уходя с Невского в Троицкий переулок.

Такие сцены бывали, но их не описывали в то время. Описывали более проявление восторгов...

«Роковое слово было произнесено». Оставалось только прочесть его и радоваться или плакать *ad libitum*[10]. Ни я, ни вы, благосклонный читатель, не принимали непосредственного участия в этом деле, и, следовательно, нам оставалось принять этот факт, как свершившийся, и посоветовать нашим женам я сестрам щипать корпию в ожидании моря крови, которое должно было пролиться

на Балканском полуострове и отозваться морем слез на родине.

.....

В этот самый день, в девять часов утра, Венецкий являлся к начальству. Толстый, плешивый артиллерийский генерал объявил ему, весело улыбаясь, что ему выпала честь ехать в действующую армию, так как там нужны дельные и образованные офицеры.

Объявляя молодому офицеру это назначение, генерал, разумеется, ожидал, что офицер просияет от той чести, которая ему выпала на долю, но, к некоторому изумлению генерала, на лице Венецкого не отразилось особенного сияния при этом известии. Он как-то сосредоточенно разглядывал пухлое, краснощекое лицо, курносый, приплюснутый нос и маленькие заплывшие глаза генерала, и когда генерал окончил свою речь, он поклонился и произнес:

— Слушаю, ваше высокопревосходительство!

— Надеюсь, рады, молодой человек? — продолжал генерал, весело улыбаясь маленькими глазками.

И, полагая, что молодой человек робеет, а потому и не обнаруживает чувств перед начальством, генерал шутливо ткнул толстым коротким пальцем Венецкого и, усмехнувшись, заметил:

— Рветесь?.. Георгия хочется получить сюда... а? — прибавил он, фамильярно трепля Венецкого по груди.

Венецкий молча поклонился опять.

Генерал бросил взгляд на офицера, повел бровями, отошел шаг назад и совсем уже серьезно спросил:

— Фамилия?

— Венецкий, ваше высокопревосходительство!

— Православный?

— Точно так-с.

— Из какой губернии?

— Из Черниговской.

— Полковника Венецкого сын?

— Точно так-с.

— Гм... Ну, очень рад... очень рад... Знавал покойного отца... Надеюсь, что ты сумеешь поддержать честь русского имени... и если придется умереть, умрешь, как лихой артил-

лерист...

И, не дожидаясь ответа, генерал сказал:

— Ну, с богом... Через три дня поезжай... Надеюсь увидеть тебя целым и невредимым... А матушку Русь не посрашим! — прибавил вдруг генерал дрожащим голосом, и маленькие его глазки заслезились. — Не посрашим! — повторил он, обнимая Венецкого и троекратно целуя его в губы.

Для Венецкого это назначение не было новостью. Три дня тому назад его призывали в департамент и объявили ему, что он назначен в действующую армию. Он принял это известие с обычною улыбкой на лице и не выразил ни радости, ни печали... Он в тот же день был у старика Чепелева и намекнул ему, что ему очень бы хотелось проститься с Еленой. Старик сперва наотрез отказал, но потом согласился...

— Уж как-нибудь, братец, устроим. Ты приходи денька через три. Уж делать нечего... Проститесь... Ведь на войну идешь. Эх, я стар стал, а то бы сам дернул. Ну, да долго вы там не будете, надеюсь. К лету в Царьграде. Оттуда напиши мне письмо...

Откланявшись начальству, Венецкий поехал к Неручному объявить ему о своем положении. Он застал приятеля за укладкой чемоданов. Матрена то и дело утирала слезы и сквозь слезы ворчала, чтобы Неручный не растерял белья.

— Венецкий... здорово! — произнес, поднимая голову, Неручный. — Видите, у нас какие дела. На войну еду, приказывают как можно скорей.

— И я тоже еду... сейчас от начальства.

— Так и вы не ушли от войны?..

— Что делать!.. — промолвил Венецкий.

Приятели сговорились ехать вместе.

— И отлично... Вот, Матренушка, и попутчик есть, а вы сокрушаетесь все. Знаете ли, Венецкий, Матрена пресерьезно просилась ехать со мной... Говорит, что за бельем некому будет присматривать.

— Вы все смеетесь. Конечно, поехала бы. Что мне здесь-то делать? Еще вас, пожалуй, убьют!.. — проговорила старуха, упирая передником слезы.

— Нашего брата не убивают, Матрена. Полно выть. Мы более от тифа сокращаемся. Да

не войте, Матрена! Рано. За квартирой посмотрите! Привык к ней! — усмехнулся Неручный, обращаясь к Венецкому.

В это время соседняя кухарка прибежала в квартиру доктора и объявила, что манифест вышел насчет войны.

— Ну, вот и началась, значит, нашему брату работа! — как-то грустно заметил Неручный. — Знаете ли что, Венецкий! — проговорил доктор, наклоняясь к приятелю. — Сдается мне, что не вернуться мне оттуда... Бывают такие предчувствия!

Венецкий взглянул на доктора.

Лицо его было печально, и какая-то грустная улыбка играла на губах.

— Полноте, Неручный, что за вздор!..

— И сам знаю, что вздор, а подите ж! Вот и Матрена все воет, словно пугач над домом... Вы знаете ведь поверье у нас в Малороссии?

— Мало ли поверий!

— Славная старуха эта! — проговорил с чувством Неручный, мотнув головой на Матрену, усердно укладывавшую белье. — За мною как за родным сыном смотрит... Пять лет вот не расставались, а теперь придется...

И она одинока, и я одинок. Вот и сошлись! — печально усмехнулся Неручный. — Она еще призывала, когда я студентом был и нанимал у нее комнату в Дункином переулке... Бывало, ни денег, ни чаю, ни сахару, а она как будто не знает ничего этого и предложит чайку да пообедать вместе с ней... И так это деликатно, так просто... Откуда она только этой тонины набралась?.. Тоже, видно, от сиротства... Эх, опять завыла!.. Нервы только расстраивает... Лучше стану укладываться! — проговорил доктор, как-то нервно принимаясь за прерванную работу.

Венецкий стал прощаться.

— Вечер сегодня свободны? — спрашивал доктор.

— Нет, обещал одной старой знакомой Распольевой. На днях встретила барыня и пристала, чтобы сегодня непременно к ним. У них журфикс[11]. Слово взяла. Должно быть, сегодня соберется много народу... Муж — важный чиновник. Вагоны устраивает для раненых теперь...

— Слышал... Ну, все равно, приезжайте этак часу во втором, что ли, к Палкину. Побе-

седуем и выпьем вместе, а?..

Неручный как-то особенно настойчиво просил Венецкого приехать, и Венецкий дал слово.

— И сам дивлюсь, что со мной делается, а если бы вы знали, Венецкий, как мне не хочется ехать туда! — снова заговорил Неручный, провожая приятеля. — А вы как?

— Я... Да, право, ничего особенного...

— А мне не хочется... Очень не хочется!.. — уныло прошептал доктор.

— Послушайте, Неручный, вам ведь можно... Откажитесь... — проговорил Венецкий и сам почему-то вспыхнул.

— За кого вы меня, юноша, принимаете? — серьезно проговорил Неручный. — Люди будут гибнуть, как собаки, а я буду лежать здесь и плевать в потолок, только потому, что у меня предчувствия скверные... Это, как говорит Матрена, даже довольно глупо! — засмеялся Неручный, пожимая Венецкому руку.

— Смотрите же, не надуйте. Приходите! — окликнул он еще раз приятеля на лестнице. — У Распольевых до часу довольно наскучаетесь. Верно, там будут предаваться патри-

отическим восторгам да передовые статьи излагать своими словами. Что же больше публике на журфиксе делать?

Венецкий отправился к себе в меблированные комнаты, купил по дороге манифест, прочел его и сел писать матери.

Он изливал ей свое горе и в конце только написал, что едет в действующую армию и дорогою заедет к ней проститься.

II

У Распольевых Венецкий застал большое общество за чайным столом. Дамы были все в черных платьях. Сама хозяйка была очень интересна в черном фаре, гладко обливавшем ее маленькую, несколько вертлявую фигурку. Она что-то доказывала, жестикулируя маленькою ручкой в кружевном рукавчике, своей соседке, в то время, когда в столовой появился молодой краснощекий офицер, смущенно озираясь в незнакомом обществе и выскивая глазами хозяйку.

— Мосье Венецкий... Наконец-то! — приветствовала его Катерина Михайловна, пожимая ему руку.

Она очень мило поблагодарила его, что он

сдержал обещание, назвала его фамилию, назвала несколько фамилий, которые он тотчас же забыл, и усадила его возле себя, обводя глазами чайный стол и заметив, что Никса в столовой не было.

— Читали, конечно, манифест?

— Читал...

— И что вы теперь скажете? — заметила она, бросая на него смеющийся, кокетливый взгляд.

Но пока он собрался отвечать, Катерина Михайловна уже рассказывала своей соседке о том, какое впечатление произвел манифест на графиню Кудяеву.

— Старуха плакала... плакала от умиления и написала патриотическое стихотворение.

Венецкий между тем разглядывал общество. Всё были самые приличные, бесцветные лица, которые вы встретите на любом из журфиксов в обществе чиновников средней руки. Было несколько военных, несколько дам, но преобладали чиновники, гладко выбритые, приличные чиновники с бакенбардами самых разнообразных фасонов. Разговор, разумеется, шел о манифесте и о войне, но на-

прасно Венецкий старался подслушать хоть одно слово искреннего увлечения во всех этих беседах, хоть одно восклицание, которое не отзывалось бы банальностью передовых статей. Все было прилично и умеренно. Находили, что теперь, когда «роковое слово произнесено» (это «роковое слово» целый день отдавалось в ушах Венецкого), не время рассуждать, а время действовать; рассказывали, что во многих департаментах чиновники делали пожертвования и надеялись, что война очистит атмосферу, причем тут же передавались довольно пикантные слухи о том, как один еврей получил подряд.

— О, это было великолепно! Это у нас только возможно! — заранее негодовал какой-то приличный молодой человек, желая заинтересовать своим рассказом общество. — Я знаю об этом из самых верных источников! — прибавил он, подчеркивая эти «верные источники». — Приезжает сюда один из героев и прямо к Наталье Кириловне... Она как-то устроила это дело и, говорят, взяла за это дело ни более ни менее, как... (рассказчик сделал паузу) как триста тысяч!

Эта цифра, произнесенная с таким выражением, с каким обжора говорит о любимом кушанье, оживила на минуту общество. Все взгляды устремлены были на рассказчика, и Венецкому показалось, что во всех этих взглядах мужских и женских глаз мелькнуло едва заметное выражение зависти, что этот значительный куш достался счастливнице.

Тем не менее все, разумеется, сочли долгом выразить по этому поводу свое соболезнование, что у нас это возможно и что бедные солдаты, пожалуй, будут страдать.

«Оставили бы в покое хоть солдат!» — подумал Венецкий, слушая все эти разговоры.

Рассказ о трехстах тысячах вызвал подобные же рассказы. Один пожилой господин с седыми бакенбардами, с необходимыми оговорками и несколько понизив тон, рассказал таинственную историю о том, как другой известный подрядчик устроил дело и сколько он за это заплатил нескольким лицам, которые помогли ему.

Снова общее соболезнование, что «у нас возможны такие дела», и снова Венецкому показалась глубина лицемерия за всеми эти-

ми либеральными возгласами.

— Все это изменится... Война очистит атмосферу... О, она непременно изменит наши нравы! — либеральничал молодой человек, первый рассказавший историю о трехстах тысячах и потому чувствовавший себя некоторым образом героем журфикса. — Освобождая наших братьев, мы, конечно, освободимся и сами от наших пороков...

Катерина Михайловна заплодировала этой тираде и попросила гостей перейти в гостиную.

— А что же вы, Алексей Алексеевич, такой угрюмый?.. Что с вами? — проговорила она, понижая голос. — Уж не влюбились ли вы, а?..

Венецкий вспыхнул до ушей, и Катерина Михайловна, усадив его возле себя, уж предвкушала удовольствие быть поверенной тайны сердца, чтоб иметь право утешить этого «неопытного юношу», но юноша как-то односложно отвечал на ее вопросы.

— Вы приезжайте ко мне запросто... Знаете ли, утром, Венецкий... У вас здесь никого нет, а я женщина немолодая, и если у вас горе, скажите его мне... Мы, женщины, умеем

обращаться с чужим горем...

Она проговорила эти слова участливо и снова взглянула на Венецкого как-то так странно, что Венецкий отодвинулся и заметил:

— Я скоро еду на войну.

— Вы? Да ведь вы не хотели.

— Назначили...

— О бедный юноша! — прошептала Катерина Михайловна и пожалела, что с юношей нельзя будет пококетничать. — И скоро едете?

— Через три дня.

— Вы заедете проститься, и мы еще с вами поговорим, а теперь, извините, я вас оставлю... Надо занимать скучных гостей...

Венецкий прошел в кабинет, поздоровался с Распольевым, игравшим в карты, послушал и в кабинете все те же речи о сорванных взятках, о бедных солдатах и о том, что война очистит атмосферу, и уехал в первом часу, дав слово Катерине Михайловне непременно заехать к ней проститься.

Когда он приехал к Палкину я вошел в общую комнату, то застал Неручного, мрачно

сидевшего за бутылкой пива...

Глава одиннадцатая

Алчущие

По соседству за отдельным столом пировали два господина, невольно обратившие на себя внимание Венецкого. Один из них, господин в статском платье, но смахивавший манерами на военного, громко разговаривал, энергично жестикулируя, с господином в интендантской форме. Перед ними стояло несколько пустых бутылок. Оба они находились в сильно возбужденном состоянии.

— Субъекты любопытные! — обронил доктор, указывая глазами на соседей. — И какие патриоты!

— Да... Ты брат, Бакшеев, счастливая скотина. Этакое место получил... Ведь там все золотом. Зо-ло-том! — говорил, заливаясь громким хохотом, статский господин, с каким-то особенным выражением произнося слово «золотом».

Венецкий взглянул на господина. Плотная фигура, красное энергичное лицо, длинные

усы, эспаньолка и пара маленьких юрких глазок, бегавших беспокойно с предмета на предмет, не представляли большой привлекательности.

— Ну, уж ты, Дашкевич, и расписал! — кокетничал господин лет сорока, с пухлым, самым обыкновенным лицом, наливая стаканы. — Не Голконда[12] какая-нибудь. Тоже, пожалуй, и кровь придется проливать. Мало ли там разных башибузуков.

— Ха-ха-ха!.. Ты мне, интендант, сказок-то не рассказывай... Я сам сербскую кампанию делал и с Мак-Клюром организовал кавалерию этим подлецам. Я этих башибузуков знаю не хуже, чем тебя... Зачем тебе к ним идти?.. Ты сзади... И ведь все золотом. Золотом... Ведь вот справедливость!.. Я — благодарный человек, пострадал за правду, до сих пор рана вот тут (усатый господин хлопнул по своей ноге со всей силы) говорит о себе, и вместо благодарности — под суд, а ты, интендантская крыса, будешь все золотом... Золотом... Товарищ! — воскликнул вдруг он, обращаясь к Венецкому. — Скажите, где же правда?

С этими словами он поднялся и подошел к Венецкому.

— Позвольте познакомиться... Отставной ротмистр Дашкевич... Верно, слышали. У князя Милана кавалерией командовал, а теперь на подножном корму, как будто вроде капитана Копейкина[13].

Через несколько времени оба эти господина придвинулись к нашим приятелям и настоятельно просили выпить в честь войны. Неручный весело смеялся, слушан пьяный лепет этих двух господ, и спросил:

— А отчего, ротмистр, вы пострадали?

— Самое пустое дело... Так, глупости одни, а подите ж...

— Он с подъемными не так распорядился! — хихикнул интендант, подмигивая как-то скверно глазом.

— Молчи!.. Не в подъемных тут дело, а тут дело чести... Выслушайте, господа, и скажите, нарушил ли я честь. Служил я в драгунах, но на Кавказе надоело, — все Кавказ да Кавказ, — и подал я перевод на Амур. Перевели, выдали, как следует, подъемные, двойные прогоны... Я собрался было ехать и доехал до

Москвы, но в Москве застрял...

— Одна блондинка его увлекла!.. — встал интендант.

— Блондинка или брюнетка, а ты не перебивай... Я, слава богу, много перевидал и блондинок и брюнеток! — улыбнулся он, залихватски покручивая усы... — Это точно одна прехорошенькая блондинка... в вагоне познакомились... Однако все-таки еще деньги оставались, и я доехал бы, как вдруг сербская война... Ну, думаю, теперь не время о деньгах думать, когда бедные братья в опасности... Я человек решительный... Узнал, что набирают добровольцев, отправился в комитет, получил деньги и марш в Белград... Там явился к Милану, и стали мы с Мак-Клюром организовывать кавалерию. Когда кончилась война, вернулся я в Россию. Вдруг узнаю, что я уволен от службы и отдан под суд за то, что не возвратил денег... Это как вам покажется, а?..

Он выпил стакан вина и продолжал:

— И вот шесть месяцев я страдаю... Подавал прошение о принятии меня вновь на службу, на имя военного министра, но движения никакого... А написано было от души.

Прежде, говорю, позвольте, ваше высокопревосходительство, умереть за отечество, а потом судите мои кости... И нет никакого ответа. Чиноврал там один — каналья какая-то! — еще посмеивается, когда я пришел к нему. «Прежде, говорит, дело ваше кончите, а потом умрите...»

— Да ты бы деньги представил, — ехидно вставил интендант. — Тогда и препятствий никаких...

Ротмистр выпучил сперва глаза, а потом захохотал:

— Это как же вернуть их?.. Из-за этих каких-нибудь восьмисот рублей и сиди тут сложа руки, когда внутри тебя огонь.

Он мрачно обвел глазами, снова выпил вина и заметил:

— Обидно! Если бы вы знали, как обидно!.. Но меня не остановишь, нет! Я к господину военному министру явлюсь и скажу, что теперь, когда предстоит святая борьба, когда каждый русский старается лечь костями, я не могу из-за каких-то восьмисот рублей оставаться здесь. И ведь все из-за своего же благородства... Писарек в министерстве говорил

мне: «Если бы вы, говорит, ваше благородие, тогда в Москве свидетельство о болезни выправили, так никаких бы затруднений не вышло...»

— Уж лучше бы тебе в Сербии оставаться... — заметил интендант.

— Конечно, лучше... Там меня все знают. И Милан знает, и министры все. Только, по правде вам сказать, господа, трусишки они все, ей-богу, трусишки... Помните вы, скупщина у них там бунтовалась одно время, и министры не знали, что делать. А я в ту пору в Белграде был. Я и прихожу к Ристичу и говорю ему: «Позвольте, говорю, господин министр, обладать это дело и вашу скупщину разогнать... Я с тридцатью казаками мигом ее... И без пролития крови, а с одними нагайками». — «Нельзя, говорит, — конституция», и сам смеется... «Очень, говорит, благодарен за ваши добрые намерения, но нельзя...» — «Да помилуйте, говорю, чего тут нельзя? Я живо разгоню, а потом вы опять вашу конституцию объявите...» Однако не дали, а я бы, ей-богу, с тридцатью казаками всю их скупщину кверху тормашками поставил!..

Он говорил об этом простодушно, словно бы изумляясь глупости министра, не позволившего ему разогнать скупщину.

— Так скупщину и не разогнали? — заметил доктор.

— Так и не разогнали. А вы, господа, что же не пьете?.. Это не по-товарищески... Мы вот с этою свиньей уже пьяны, а вы только поглядываете. Это как же...

Он вдруг как-то подозрительно взглянул пьяными глазами на доктора, налил дрожащею рукой вино в стаканы и, поднимая свой стакан, запел пьяным голосом. Интендант стал подтягивать и умиленно поднял кверху свои масляные глаза. Публика с недоумением обернулась в их сторону.

— А вы что же, господа?..

Начинался скандал. Ротмистр стал было приставать к доктору, но, по счастью, к ротмистру в это время подошел какой-то господин и стал целоваться с ним.

— Молодец... Ура!.. Ур-ра!.. — закричал господин, тоже совсем пьяный.

— Ур-ра! — подхватил басом ротмистр. — Умрем все, но не посрамымся вовеки... Чело-

век, шампанского!.. У интенданта теперь много денег... Все золотом. Золотом!

Публика, бывшая в комнате, стала потихоньку уходить. Наши приятели тоже поспешили выйти.

— Вот вам алчущие войны! — заметил доктор, когда они вышли на улицу. — И таких, кажется, более всего... Ну, до завтра... Завтра ведь едем?

Глава двенадцатая

Последнее свидание

На другой день Елена сидела в кабинете у отца и прислушивалась к звонку. Матери, по обыкновению, не было дома, и на вопрос ее — где мать, старик улыбнулся грустной улыбкой и ответил:

— С утра уехала. Твоя мать редко бывает дома. Скучно дома с таким стариком...

Елена обняла отца и рассеянно слушала последние новости о военных действиях.

— Ждешь? — улыбнулся старик.

Она покраснела и прошептала:

— Последний раз, папочка...

— Последний ли?.. Ты, Леля, помнишь, я тогда говорила последний... Ну, ну... не буду...

Раздался звонок. Елена встрепелулась и смотрела на дверь. Через минуту Венецкий вошел в кабинет.

Он был рассеян и почти ничего не говорил. Старик пробовал было шутить, но шутка не выходила. Всем было тяжело. Он тихо вышел из кабинета. Елена и Венецкий остались одни.

— Я исполнила вашу просьбу... приехала! — сказала Елена.

— Благодарю вас, Елена... Елена Арсеньевна! — поправился он. — Я этого никогда не забуду...

Он крепко сжал ей руку и грустно взглянул ей прямо в глаза...

Они говорили мало... И о чем им было говорить? Елена жадно глядела на Венецкого, словно бы желая запечатлеть в памяти его милые черты.

— Вы ведь будете писать папе?

— Буду...

— И если что случится... вы напишете?

— К чему, Елена?..

— Послушайте, не уезжайте отсюда таким... Скажите мне еще раз, что вы простили меня.

— О боже мой! и вы думаете, что я сержусь на вас?..

Он прильнул к ее руке, и слезы брызнули из его глаз...

— Пора... пора! — проговорил он, вставая. — Прощайте, Елена... Прощайте, ненаглядная моя!..

Она бросилась к нему на шею.

Когда вошел старик, у обоих глаза были красны от слез. Сам старик усиленно моргал глазами, стараясь не плакать.

Он обнял Венецкого, крепко поцеловал его и шепнул ему:

— Уходи, голубчик... Уходи... Ты видишь, что с ней?..

Венецкий еще раз взглянул на Елену и хотел было уйти, но она бросилась к нему, схватила его за руки и прошептала:

— Я люблю вас... Я люблю тебя, мой милый... Знай это...

И с этими словами она, как подкошенная травка, упала к отцу на руки.

Ее усадили на диван. Старик суетился около нее и сердито взглянул на Венецкого. Венецкий понял взгляд старика и тихо вышел из кабинета.

— Уехал? — тихо прошептала Елена, приходя в себя. — Ах, папа, дорогой мой, если бы ты только знал, как я люблю его!

Чепелев утешал свою дочь и долго еще сидел около нее, глядя сморщенной рукой голову своей бедной девочки...

В тот же самый вечер на вокзале Николаевской железной дороги старая Матрена провожала Неручного и Венецкого. Старуха едва удерживала слезы, глядя на доктора, и когда наконец пробил второй звонок, Неручный крепко обнял ее и сказал:

— Ну, Матрена, прощайте, голубушка. За все спасибо вам... Никогда не забуду, как вы берегли меня. Смотрите за квартирой, а если... мало ли что может случиться... умру, продайте все и возьмите себе деньги.

Матрена зарыдала.

Неручный еще раз поцеловал старуху и быстро вошел в вагон.

— Алексей Алексеевич! — вдруг раздался сзади знакомый голос.

Венецкий обернулся. Старик Чепелев топорливо шел к нему.

— Еще не опоздал, слава богу... Приехал проводить тебя!.. Смотри же, пиши мне и, если что случится, дай знать... ты ведь сам знаешь, как я тебя люблю... Да вот возьми этот образ на память... Носи его... Леля прислала!.. — проговорил старик, сунув в руку Венецкому маленький образок.

Венецкий с любовью обнял старика, обещал писать и просил сказать, что он никогда ее не забудет.

— Вот этого я и не скажу... Это нехорошо, брат. Напротив, я прошу тебя скорее забыть ее... Зачем она так тебя огорчила?.. Сама виновата!.. Да хранит тебя Христос!.. — проговорил старик. — Я знаю, ты будешь молодцом... Прощай...

Он перекрестил молодого человека три раза и проговорил:

— Береги себя... Без толку не суйся... Только фанфароны суются, а если надо, — ну, тогда не жалея себя. Впрочем, ты и без меня

знаешь, как должен вести себя честный человек... А мы с Лелей будем поминать тебя в своих молитвах! — говорил старик, утирая рукой слезы. — Эка ты у меня молодец какой!..

Пробил третий звонок. Венецкий бросился в вагон. Тихо двинулся поезд и скрылся во мраке ночи. Матрена все еще стояла на платформе и всхлипывала.

Глава тринадцатая

Богатая вдова

I

Состояние, так неожиданно доставшееся Варваре Николаевне, простиралось до шестисот тысяч. Прошло шесть недель после смерти Орефьева, и молодая вдова беспрепятственно получила наследство.

После смерти мужа «интересная» женщина стала еще интересней. Любители пикантных процессов с нетерпением ждали появления вдовы на скамье подсудимых, но ожидания их не сбылись. Орефьев оставил состояние и умер по всем правилам, и многие жалели, что нельзя было видеть интересную вдову

в окружном суде, бледную, в черном изящном платье, подносящую батистовый платок к глазам. Сколько было бы удовольствия и как хорошо говорили бы прокурор и защитник на таком процессе...

В обществе, однако, все еще не умолкали слухи о таинственной смерти Орефьева. Несмотря на свидетельство двух знаменитых врачей, вскрывавших труп, о том, что Орефьев умер естественною смертью, от истощения сил, светская молва приписывала смерть «несчастливого старика» яду, поднесенному будто бы «этою ужасною женщиной» за ужином. С плохо скрываемою завистью к неожиданному счастью «этой ужасной женщины» дамы рассказывали со слов Чепелевой ужасающие подробности отравления. Яд был новый, недавно открытый. Он действует мгновенно и не оставляет никаких следов. Она достала его «ценою позора» от одного молодого врача (называли при этом фамилию молодого врача), и когда старик попросил красного вина, то она влила несколько капель этого яда в стакан и сама подала его мужу. Орефьев выпил, а через две минуты его не стало.

Впрочем, вариантов было несколько. Во всех гостиных после разговора о войне непременно начинали жалеть «несчастливого отравленного старика» и ограбленную «маленькую Елену» и удивлялись, как «эту женщину» не только не арестовали, но еще отдали ей состояние, «купленное кровью». Если находились люди, пробовавшие заступиться за «ужасную женщину», то таких смельчаков барыни окидывали строгими взглядами и категорически замечали, что «эта женщина способна на все».

И тотчас же приводились биографические подробности. Еще в Смольном институте она была скверною девчонкой, без сердца и кокеткой. Случайно на нее обратили внимание. Одна особа посадила однажды девочку к себе на колени и ошастливила ее поцелуями. («Отечески!» — прибавляли, опуская глаза.) С тех пор она вообразила себя красавицей. Ее несколько раз возили к этой особе. Там дарили ее конфетами и... и щипали за подбородок, — *voilà-tout*[14]; но она бог знает на что надеялась и когда вышла из института, то постоянно гуляла с своею матерью по Англий-

ской набережной. Но все было напрасно, и она уехала в провинцию. Там она вскружила голову Башутину, вышла замуж за другого и продолжала разорять любовника. Затем таинственная смерть первого мужа (опять несколько вариантов), самоубийство жены Башутина, его разорение, приезд в Петербург и загадочное существование.

Одним словом, бывшие товарки и знакомые Варвары Николаевны перебирали ее жизнь с усердием, которому мог бы позавидовать самый требовательный прокурор.

Трудно было, однако, во всех этих подробностях отличить правду от лжи. Одно только несомненно — это то, что сперва Варвару Николаевну радушно принимали в обществе и называли ее очаровательной женщиной, но скоро отвернулись и говорили, что Варвара Николаевна — «невозможная женщина».

Мужчины держали сторону молодой вдовы. Конечно, они не считали ее образцом добродетели, но находили, что от этого до отравления далеко. Точно так же они считали вполне естественным, что старик Орефьев оставил все свое состояние молодой жене, в

которую он был давно влюблен и давно предлагал ей руку. В глазах обычных посетителей салона Варвары Николаевны она приобрела еще более пикантной прелести после этой таинственной истории, наделавшей шума, и все спешили взглянуть на счастливую красавицу, овдовевшую так скоро. Одни говорили, что она после смерти мужа похудела и подурнела, другие, наоборот, рассказывали, что она стала еще прелестней.

Варвара Николаевна никого не принимала и никуда не показывалась.

Башутин навещал ее ежедневно, но после смерти Орефьева в отношениях их заметна была большая перемена. Он вдруг стал ревновать свою любовницу, придирался, подозрительно следил за ней, а она стала бояться Башутина, и эта боязнь мало-помалу переходила в чувство отвращения. Ей хотелось во что бы то ни стало отделаться от него. Она с каким-то непонятным чувством страха встречала своего любовника и отдавалась ему с ненавистью в сердце. Бывали минуты, когда ей делалось так жутко наедине с ним, что она ссылалась на нездоровье, уходила в спальную,

звала Парашу и укладывала ее возле себя на постели. Ей скверно спалось по ночам. Во сне часто снился «этот старик» с отвислою губой. Она в страхе просыпалась и будила Парашу. Вообще суеверная, Варвара Николаевна сделалась еще суевернее после смерти мужа. Нервы ее были совсем расстроены. Часто ночью звала Макридушку и просила гадать. Вздрагивала при малейшей неожиданности и вдруг заливалась слезами. Доктор объяснял, что это нервы, и советовал скорей ехать на дачу.

Но успокаивались нервы, — и она снова с обычною аккуратностью принималась за дела. Она уплатила все свои долги и долги Башутина, поместила капитал в банк, рассчитывая при случае поместить его более выгодно.

Кроме Башутина, у нее бывали только самые близкие друзья. В числе последних был, разумеется, и влюбленный барон. Он принимал в ней горячее участие, бывал почти каждый вечер, целовал ее руки и утешал ее, советуя не обращать никакого внимания на басни, распускаемые про нее. Она ласково пожи-

мала дрожащую руку барона, но глаза ее метали искры каждый раз, когда речь заходила о толках, ходивших в городе на ее счет. Она требовала, чтобы барон ей рассказывал все, что говорят о ней, и всегда замечала, сдерживая дрожь в голосе, что ей все равно.

— Меня это нисколько не тревожит. Обо мне столько говорят!..

Но ей было не все равно, и она дорого бы дала, чтобы о ней не говорили. С какою радостью она унизила бы всех этих дам, которые так позорят ее! Они называли ее развратною женщиной. Да, она не святая. А сами они? Почти каждая из них имеет любовника, обманывает мужа и удивляется ее безнравственности. Каждая из них с восторгом отдалась бы за деньги, но нет охотников, и каждая считает себя вправе клеймить ее, открыто бросившуюся в водоворот жизни...

«Они пользуются репутацией хороших жен и матерей, а про меня говорят, что я... отравительница!»

И Варвара Николаевна бледнела от злобы. В такие минуты она готова была сделать зло этим лицемеркам, клеветавшим на нее. Если

бы она сделалась любовницей какой-нибудь особы, те же дамы послали бы своих отцов и детей к ней на поклон, а теперь все произносят ее имя с презрением... Как бы она хотела этого!

— Подлые! — произносила вслух Варвара Николаевна и нервно рыдала.

II

Варвара Николаевна только что встала. Она чувствовала себя хорошо и собиралась ехать смотреть дачу. Накануне она позволила одному юному офицеру заехать за ней, чтоб отправиться вместе. Этот юноша был влюблен в нее так непохоже на других, что сперва она этому не поверила, а потом ей нравилось видеть около себя свежего, молодого, красивого офицера, который робел и краснел от одного ее взгляда и украдкой взглядывал на нее страстным взглядом впервые влюбленного. Он ни слова не говорил о своей любви, но Варвара Николаевна и без слов понимала, что юноша влюблен. Он молча сидел около нее и терпеливо выносил ее капризы, когда она была раздражена. Сперва она рассмеялась, что это могло занимать ее, а потом... потом ей

сделалось жаль этого юношу, и она приказала ему не приезжать больше к ней. Но, к удивлению, на другой день ей сделалось скучно, что в гостиной нет Привольского (так звали молодого человека). Она через три дня послала сказать ему, что он может приехать, и когда увидела радостное, восторженное лицо офицера, то почему-то покраснела и что-то похожее на чувство сказалось в ее лице и в ее речах. Когда она предложила Привольскому ехать смотреть дачу, то он вспыхнул от восторга, а Варвара Николаевна задумалась, и глаза ее стали такие мягкие, добрые...

Она допивала кофе, когда в гостиную вошел Башутин. Он небрежно поцеловал ее в лоб, оглянул ее свежий костюм и заметил:

— Куда это вы собрались?

— Я хочу дачу посмотреть, — отвечала Варвара Николаевна.

— Где?

— В Ораниенбауме.

Башутин стал ходить по комнате. Варвара Николаевна с ненавистью взглянула на него.

— Одна едешь?..

— Нет... Привольский хотел...

Башутин остановился.

— Привольский?.. Что тебе, Варя, этот глупый юноша?.. У него ведь ничего нет, а?.. — улыбнулся Башутин.

Варвара Николаевна сдержанно заметила:

— Ты опять со сценами. Довольно их.

— Нет, я спрашиваю, к чему Привольский?

— Я думаю, что я не должна отдавать отчета!

— Ты думаешь?

Он остановился, улыбнулся и снова заходил по комнате.

— Впрочем, я пошутил... Я ведь за барона заступаюсь... Он тебя приревнует и надоест тебе сценами из-за этого Привольского... Я приехал к тебе по делу...

— Денег?..

— Да... тысяч двадцать. Вчера проигрался...

К удивлению Башутина, Варвара Николаевна на этот раз совершенно спокойно достала чековую книжку и отдала Башутину чек, не сделав замечания.

Он поцеловал ее руку и пристально взглянул в ее лицо. Варвара Николаевна выдержала его взгляд и мягко заметила:

— Быть может, тебе мало?

— Нет, довольно. Ты меня поражаешь сегодня!

— Будто? А ты не догадался почему?

— Почему?

— Нам предстоит хорошее дело. Один выгодный подряд.

— Это недурно!.. Но, конечно, не на твоё имя?

— Конечно. Барон рекомендовал одного господина, который служит у него, надежного человека...

— Твой барон обещал похлопотать?

— Ещё бы. Он сам примет участие, и, следовательно, дело пойдет скоро. Он обещал мне, что завтра будет послана в Бухарест телеграмма, а послезавтра будет получен ответ.

— Bravo! — воскликнул Башутин, обнимая Варвару Николаевну. — Ты снова делаешься прежнею женщиной, а то последнее время ты совсем раскисла. Неужели тебя могли трогать бабьи сплетни?.. Кажется, ты выше этого?.. Или что другое?..

— Теперь я поправилась!..

— Но когда пришла в твою умную головку

эта счастливая мысль, а? Ты ничего мне не говорила.

— Я на днях только зондировала барона, и он одобрил мой план.

— Вот молодец, Варя! Право, молодец! Это дело хорошее... Но кто же будет шефом всего дела? Ведь нужен распорядитель на месте. Не ехать же тебе туда самой.

— Вот тут-то и затруднение. Надо послать умного, энергичного и ловкого человека... Ведь дело миллионное, и доверить его зря нельзя...

Она взглянула на Башутина и прибавила:

— Нет ли у тебя такого человека?

Варвара Николаевна трепетно ожидала ответа.

— А я разве не хорош?..

— Да чего лучше! — весело воскликнула Варвара Николаевна. — Но я не смела тебе предлагать... Ведь работы много... Ты ведь ленив... Но если ты хочешь...

— А ты... хочешь этого?.. — подозрительно спросил Башутин.

Башутин уже мечтал, что можно будет обокрасть любовницу. После смерти Орефьева он

рассчитывал жениться на Варваре Николаевне и перевести состояние на свое имя, но она уклонялась от разговоров на эту тему, и он не настаивал. Он брал у нее деньги, но постоянная зависимость сердила его. Он не раз напоминал о ее обещании, требовал половину ее состояния, но Варвара Николаевна, не отказывая решительно, тянула это дело. Теперь Башутину предстоял хороший случай. Он принял предложение.

— Кончится война, тогда мы можем завершить все свадьбой, а?.. — нежно проговорил он.

— Что говорить об этом? Зачем связывать друг друга?

— Как посмотрю, Варя, ты уж совсем разлюбила меня, а я, кажется, имею права... Ну... не буду! Вижу, что мне надо уступить место другому и ехать в Бухарест... Но мы все-таки останемся друзьями, если и не будем супругами, — говорил, смеясь, Башутин. — Мы ведь старые друзья, и свою дружбу я дешево не продам... Ты это знаешь, Варя... Ты женщина умная...

Она хотела назвать его подлецом, он ей

был в эту минуту гадок донельзя, но она сдержала себя и заметила:

— К чему нам ссориться?..

Оба помолчали. Варвара Николаевна взглянула на часы.

— Пора удалиться!.. — промолвил он, берясь за шляпу. — И я, как опытный любовник, удаляюсь... Но только ты смотри, не забывай, Варя, что где бы я ни был, а я все буду знать. И если я рассержусь, то не пожалею никого!.. Ну, до свидания... Сегодня вечером я приеду к тебе... в последний раз... Можно?..

— Я нездорова... — едва выговорила Варвара Николаевна.

— Ты?.. Напротив, ты сегодня такая хорошенькая... И что тебе стоит в последний раз прижать к груди своего оставляемого любовника?.. Ведь в последний раз... Я приеду! — решительно сказал он, выходя из комнаты.

Варвара Николаевна со злобою посмотрела вслед Башутину и прошептала:

— Наконец-то я от него избавилась. Он поддался на ловушку!..

Она позвала Парашу и велела, чтобы закладывали карету. Когда вошел Приволь-

ский, Варвара Николаевна весело встретила юношу и, глядя на него, решила, что Башутин проведет у нее вечер в последний раз. Чего бы ни стоило, но она выйдет из-под власти этого человека.

В первый раз после смерти Орефьева она была весела и слушала признания Привольского, ласково глядя в глаза юноши... Майское солнце точно согрело ее сердце своими животворными лучами. Они гуляли в парке и смеялись как дети. Влюбленный юноша говорил такие нежные слова, каких она давно не слышала.

Глава четырнадцатая

У источника благ

На другой день во втором часу великолепный караковый рысак Борского, как вкопанный, остановился у подъезда небольшого особняка в Сергиевской улице. Борский торпливо соскочил с дрожек и вошел в подъезд. Седой благообразный швейцар в голубой ливрее встретил Василия Александровича с фамильярной почтительностью слуги, знающего себе цену, и, снимая с Борского пальто, проговорил:

— Давненько не изволили бывать у нас, Василий Александрович!

Борский любезно потрепал по плечу старика, вынул из бумажника красненькую ассигнацию, дал ее старику и спросил:

— Есть кто у Натальи Кириловны?

— Господин Красносельский, — отвечал швейцар, благодаря поклоном за подачку. — Да, надо быть, скоро уйдет... Уж он около часу сидит... Вы, Василий Александрович, по делу к Наталье Кириловне?

— Да.

— В таком разе вы изволили в хороший момент попасть. Она сегодня у нас в лучшем виде. Только что депешу получила от своего!..

Борский кивнул старику за сообщение и поднялся по мраморной лестнице, уставленной бюстами и цветами. На верхней площадке его встретил солидный лакей во фраке и отворил настежь двери в залу. Из белой залы с золочеными стульями Борский прошел сперва в желтую гостиную, оттуда в другую, малиновую гостиную, поменьше, и остановился. Из непритворенной двери в соседнюю комнату доносился разговор.

Борский кашлянул.

— Эй... кто там? Входите! — проговорил из соседней комнаты резкий, несколько грубоватый женский голос.

Борский вошел в небольшую турецкую комнату.

Неслышно ступая по мягкому ковру, он подошел к полной роскошной блондинке со вздернутым носом, сочными толстыми губами и хорошо развитым бюстом. Она сидела на оттоманке, в капоте, с распущенными

светло-русыми волосами, полная, белая и свежая, и лениво подняла голову при виде Борского. Она производила впечатление хорошо откормленного, роскошного, чувственного животного. На ее вульгарном лице сияло выражение сытости, довольства и наглости. Видно было, что эта женщина привыкла к роскоши, но не выросла в ней. В ее манерах сказывалось самодовольство выскочки и вульгарность добродушной прачки.

Наталья Кириловна лениво протянула Борскому полную выхоленную руку в бриллиантах для поцелуя. Борский почтительно поцеловал руку и раскланялся с высоким седым господином со звездой, сидевшим на низеньком стуле у ног Натальи Кириловны.

— Вы не знакомы? — проговорила она. — Красносельский! Борский!

Гости пожали друг другу руки.

— А вас, Борский, давно не видать. Где вы пропадаете? Я слышала, вы женились?

— Женился, Наталья Кириловна.

— И, говорят, ваша супруга красавица?..

Наталья Кириловна зевнула. Она не умела вести разговора. Потом, как бы вспомнив но-

вость, она проговорила с важностью:

— Могу вас поздравить с победой, господа: вчера одержана победа под Систовом... или Систовцем... Я вечно перепутаю названия! — добавила она, смеясь.

Гости выразили удовольствие и заметили, что победы не заставят себя ждать. Наталья Кириловна опять зевнула. Красносельский стал прощаться. Он несколько раз поцеловал руку Натальи Кириловны и заметил:

— Так когда же прикажете заехать?

— Приезжайте завтра... Я приготовлю письмо... До свидания... Очень рада, что ваше дело скоро устроилось, очень рада... Да смотрите, пришлите мне из Болгарии костюм болгарский... Говорят, красивый...

Красносельский еще раз поцеловал руку, рассыпался в благодарностях за добрую помощь и обещал прислать костюм немедленно.

— Вы в нем, Наталья Кириловна, будете просто восхитительны! — добавил он.

— А вот посмотрю... Смотрите же, завтра... Я и посылочку приготовлю!

Красносельский ушел.

— А вас, дорогой Василий Александрович, я не могу порадовать... Я вчера получила письмо, что подряд, о котором вы хлопотали, на днях сдан.

Борский чуть не привскочил на стуле.

— Кому?..

— Какому-то Иваницкому... За него барон Зек хлопотал... Говорят, Иваницкий подставное лицо и будто это Орефьева все дело ведет... Вы не сердитесь... Я тут ни при чем... Придумайте что-нибудь другое!.. Вы знаете, я для вас всегда готова просить!

Борский слушал я не слышал, что говорит эта женщина. Он ехал вполне уверенный, что дело за ним, и вдруг оказывается, что его предупредили. Он помнил только, что надо платить, сроки близки и что ему грозит банкротство.

— Это вас беспокоит, Борский... Да вы не унывайте. Придумайте что-нибудь другое... Теперь наша армия нуждается в честных людях...

Наталья Кириловна проговорила эти слова с особенною торжественностью и затем спросила:

— А уж скоро на дачу надо... Вы куда?

— В Царское...

— А я в деревню поеду... В деревне хорошо...

— Вы скоро едете?..

— Нет еще... В июне, не раньше... Знаете ли, Борский, я люблю деревню... Конечно, теперь не будет того покоя... Война... убитые, но вообще в деревне прелесть... У меня там купанье какое!

«Черт мне в твоей деревне!» — думал Борский, слушая ленивую болтовню Натальи Кириловны.

— Вы, Борский, приезжайте ко мне в деревню... Только ухаживать не смейте... Рассержусь! — усмехнулась Наталья Кириловна, потягиваясь на оттоманке, словно объевшийся кот. — За мной Игренов вздумал ухаживать, так ему досталось, бедному...

Борский хотел было спросить Наталью Кириловну, как это барон Зек успел обладать делом, но в комнату вошел молодой кавалерист и поднес Наталье Кириловне крошечную обзьяну.

— Только что на биржу привезли, Наталья

Кириловна! — воскликнул офицер, подавая маленького зверька.

— Ах, какая прелесть!.. Спасибо вам, Аладьин. Целуйте руку!

Она занялась обезьяной, послала офицера за молоком, целовала маленького зверька, положила его себе на грудь и совсем забыла о Борском.

— Да куда вы, Борский? — заметила она, когда Борский поднимался. — Посмотрите, что за прелесть... Сейчас мы ему сливок дадим... Да что же Аладьин так долго! Аладьин, Аладьин! — крикнула она нетерпеливо.

Вошел офицер с блюдечком сливок. Началось кормление. Наталья Кириловна щекотала зверька и весело смеялась. Забава ей понравилась.

— Ну, прощайте... Гадкий! И посидеть со мною не хочет! — капризно проговорила Наталья Кириловна. — За это вот не дам вам руки!

Однако Борский все-таки взял руку, поцеловал ее и просил позволения побывать у ней на днях.

«Черт бы побрал эту обезьяну. От нее те-

перь никакого толку не добьешься!» — думал он, спускаясь по лестнице угрюмый.

«Теперь этот офицер, пожалуй, за обезьяну в фавор попадет!» — усмехнулся Борский, надевая пальто.

Швейцар заметил недовольное лицо Борского и не пожелал, как это обыкновенно делалось, счастливого успеха, а молча подал пальто и проводил Борского до дрожек.

— Куда прикажете? — спросил кучер.

— Домой! — сердито проговорил Василий Александрович и задумался над неудачами, которые в последнее время, как нарочно, скопились над его головой.

Глава пятнадцатая

Американец-спаситель

Скверную неделю переживал Борский. Кредиторы осаждали его, и нужна была вся его выдержка, чтобы не выдать положения, в котором он находился. Он всем объяснял, что на днях получит большое дело, и переписывал векселя, приписывая огромные комиссионные проценты. В доме не было ни гроша денег, и Борский принужден был занимать маленькие суммы на домашние расходы. Никто, разумеется, и не подозревал, что «миллионер» Борский находится в таком положении. Все шло в доме обычным порядком; только по утрам в кабинет к Борскому являлись какие-то темные личности, да сам Борский, оставаясь один, был не в духе и раздражителен до последней степени.

Елена ничего не знала, но чувствовала, что делается что-то неладное. Никогда она не видала Борского таким мрачным, раздражительным и вспыльчивым, как в эти дни. Он по целым дням не выходил из кабинета, а за

завтраком и обедом обыкновенно молчал, почти не прикасаясь к кушаньям. Елена смотрела на мужа, но спрашивать его не решалась. Она и сама была не весела и с трепетом просматривала в газетах списки раненых и убитых. Последние дни муж и жена только и встречались в столовой. Борский просиживал до глубокой ночи в кабинете и мрачно ходил по комнате, придумывая найти выход из своего отчаянного положения. Со всех сторон он получал неутешительные известия. А платежи срочные были близки, и платить было нечем. Перед ним уже виднелся конец его блестящей карьеры дельца и впереди — банкротство, разорение, ненависть всех потерпевших лиц. Он судорожно схватывался за револьвер. Он не желал видеть все эти озлобленные, насмешливые лица. Самолюбие его не могло вынести ни молчаливого укора в глазах жены, ни перспективы сделаться посмешищем города... «Нет... Нет! Уже лучше разом покончить, а там пусть говорят... Мне будет все равно!» — говорил он сам себе...

«Должно же наконец счастье повернуться в мою сторону! — думал он. — Нельзя же, что-

бы неудачи преследовали меня!»

И снова надежда закрадывалась ему в сердце. Он откладывал револьвер в сторону, и планы роились в измученной голове...

Однажды за обедом Борский был так бледен, что Елене стало жаль мужа, и она ласково спросила:

— Ты нездоров... Не нужно ли доктора?

— Доктора? Нет, не нужно! — сухо ответил он.

Она умолкла. Что могла она сказать человеку, которого она не любила? Она не раз подходила к дверям его кабинета, но отходила назад и горько задумывалась, сидя в своем изящном будуаре. Над домом словно повисла какая-то гроза, и все в доме чувствовали это. Даже на лицах прислуги заметны были сдержанность и серьезность... Какою-то могильною тишиной веяло от всех этих парадных комнат, и Елена часто уезжала из дома к отцу, но, по обыкновению, ничего не рассказывала старику из боязни огорчить его, а терпеливо выслушивала его военные планы. С матерью она ничего не говорила, да мать и редко видалась с ней. Она была одним из дея-

тельных членов «Красного Креста» и по целым дням не бывала дома, таская за собою румяного юношу, дальнего родственника, жившего у Чепелевых под именем племянника. Старик Чепелев смотрел на все сквозь пальцы и не показывал вида, что подозревает о каких бы то ни было отношениях своей жены к подростку. Он только брезгливо сторонился от них и проводил время в кабинете.

Грустная возвращалась Елена домой и проходила к себе в комнату... Однажды она услышала громкий разговор в кабинете. Кто-то горячо настаивал об уплате. Борский уговаривал. Она начинала понимать, и у нее спало бремя с души... Значит, не она причиной страданий мужа, а денежные дела! Наутро она пришла в кабинет и сказала:

— Вчера я услышала нечаянно разговор твой с каким-то господином, который просил у тебя денег. У меня есть много бриллиантов... Возьми их и продай... На что они мне?..

Она сказала эти слова так нежно и так просто, а между тем Борский побледнел и сухо заметал:

— Ты слышала, но не расслышала! Благо-

дарю за желание помочь, но вперед прошу тебя не вмешиваться в мои дела.

Она ушла с поникшею головой, а Борский, оставшись один, раскаивался, что жестоко обошелся с Еленой, которая так деликатно хотела помочь ему.

Он был в самом мрачном настроении, когда лакей подал ему карточку. Он взглянул на нее. На ней значилось по-французски: «Жак Джеферс», имя совсем незнакомое.

— Просите!

В комнату вошел коренастый рыжий господин, в черном сюртуке, фамильярно протянул руку, точно он с Борским был знаком давно, и проговорил ломаным французским языком:

— Говорите по-английски?

— Говорю!

— Ну, и отлично! — проговорил мистер Джеферс, усаживаясь, не ожидая приглашения, в кресло. — Очень рад, очень рад!

С этими словами он достал из портфеля какие-то бумаги и объяснил, что он, Жак Джеферс, механик из Филадельфии, изобрел механические печи особенного устройства, в кото-

рых можно выпекать хлеб прямо из зерна, в количестве тысячи четвертей ежедневно.

— У нас в Америке войны, по несчастью, нет, а у вас война, и я поспешил приехать в Россию, чтоб пустить в ход свое изобретение. Посмотрите на чертежи. Дело хорошее!

Рыжий янки разложил без церемонии на письменном столе чертежи и, указывая на них загорелым грубым пальцем, заметил:

— Печи замечательные. Они одобрены американским военным министерством... Читайте сертификат![15] — сунул он тут же под руки Борскому какую-то бумагу. — А вот и рекомендации от мистера Гранта, бывшего нашего президента... Что вы я а это скажете, а? — спросил он, весело подмигнув бойкими глазами.

— Но почему вы пришли ко мне? — спросил Борский американца.

— Узнал, что вы, во-первых, умный человек, а во-вторых — имеете связи. Я сам никого здесь не знаю и, конечно, не могу заключить контракта на поставку сухарей, — а вы можете.

Борский весело улыбнулся, внимательно

осмотрел чертежи и сертификаты и спросил, как скоро может быть готов завод с новыми печами.

Американец подумал и ответил:

— В два месяца!

Борскому понравилась идея. С новыми печами можно будет выпекать массу сухарей. Правительство должно обрадоваться возможности иметь в день такое количество сухарей, а для подрядчика барыши огромные. Он сделал расчет на бумаге, и выходило, что дело пахнет миллионом.

Он, недолго думая, принял предложение американца и тут же с ним покончил. Он покупал секрет за сто тысяч, и, кроме того, американец должен был выстроить завод в два месяца.

— Вот это по-нашему. Быстро дело сделали... Я сразу увидал, что вы умный человек... Вы сделаете выгодное дело.

Глава шестнадцатая

В ожидании добычи

Как только мистер Джеферс ушел, Барский перекрестился.

— Теперь счастье у меня в руках, я я его не выпущу! — проговорил он вызывающим тоном.

Впереди виднелись миллионные барыши, и фантазия рисовала ему соблазнительные цифры. Дело верное. Казна сделает громадную экономию. Он не сомневался, что проект будет принят с распростертыми объятиями, осчастливит Россию и сделает его миллионером, на этот раз уже не фиктивным.

В каком-то одушевлении расхаживал он по кабинету. То подходил к столу, брал карандаш, нервно писал какие-то цифры, то снова ходил, и в его голове весело мелькали все эти громадные цифры. При самых осторожных расчетах, при самых широких расходах выходило, что при печях Джеферса он получит два миллиона чистого барыша.

— А если затянется, даст бог, война, то тут

пахнет несколькими миллионами.

Борский наконец присел к столу. Твердым, крупным почерком стал он набрасывать на белый лист докладную записку. Он писал быстро, горячо, убедительно. Цифры ясно говорили о громадной выгоде. При новом способе казна в один год делала экономию в несколько миллионов. Затем кстати он упомянул о величии переживаемого момента, о доблестном солдате и о своем патриотическом желании добра родине. Он в эту минуту писал совершенно искренне, одновременно желая и блага России и заключения подряда, который бы дал ему миллионный барыш. В своей записке он даже возвысился до пафоса и назвал свой сухарь «истинно русским» сухарем, в отличие от сухарей, приготавливаемых «жидами». Он так уже любил этот прямо из зерна приготавливаемый сухарь, что отождествлял в нем идею о величии России и чувствовал в себе самом подъем духа и патриотического чувства. Совершенно незаметно для самого себя личное его дело представлялось ему делом общим, общегосударственным, и он писал, что русским людям надо продовольство-

вать русских людей, для того чтобы избавить Россию от алчности разных пришлых людей.

Лакей два раза докладывал Борскому, что кушать подано, но Борский рассеянно отвечал «хорошо», и Елена одна сидела за столом в ожидании мужа. Наконец она тихо вошла в кабинет. В эту минуту Борский только что кончил свою работу.

— Ну, Леля, теперь наши дела поправятся! — весело проговорил Борский. Он обхватил изумленную Елену за талию и прошел с ней в столовую.

За обедом он болтал с женой и, когда обед кончился, смеясь, заметил Елене:

— Вообрази себе, что человек ходил по краю пропасти, каждую минуту готов был слететь туда, и вдруг он снова вне опасности... Понимаешь?

И, не дожидаясь ответа, он ласково поцеловал Елену и ушел к себе в кабинет.

В тот же вечер докладная записка была переписана в нескольких экземплярах превосходным министерским почерком, а на другой день, в одиннадцатом часу утра, Борский уже сидел в кабинете у высокого седого генерала

и красноречиво рассказывал ему сущность дела.

Генерал был очарован. Новый способ обещал скорую заготовку, а цена, предложенная Борским, поразила своей дешевизной.

— Но знаете ли вы эти новые печи? — усомнился генерал.

В ответ на этот вопрос Борский показал удостоверения американского военного министерства.

— Ну, дай вам бог! Сегодня же я передам вашу записку в совет и предпишу немедленно рассмотреть. Завтра приезжайте к нам, и я обещаю вам, что дело будет за вами... Выгоды слишком очевидны.

Борский весело откланялся генералу, зашел оттуда в канцелярию, пошептался с некоторыми чиновниками и из министерства поехал прямо к Наталье Кириловне. Он застал ее одну. Поцеловав ее руку, Борский положил перед ней депешу.

— Что делать? — спросила она, забавляясь маленькой обезьяной.

— Подписать, Наталья Кириловна. Только подписать!

— Вы меня не обидите, Борский? — проговорила она, вдруг пугаясь. Она пробежала телеграмму и боязливо взглядывала своими большими глазами на Борского.

— Наталья Кириловна! Ведь, кажется, мы испытанные друзья?

— То-то, смотрите... Уж я на вас полагаюсь, голубчик! — заметила она, с нерешительностью человека, боящегося быть обманутым. — Я женщина, в делах совсем неопытная...

Борский хорошо знал ее манеру. Он заметил ее колебание выговорить цифру, чтобы не продешевить, и поспешил ее успокоить, показав ей вексель с такою кругленькою суммой, что Наталья Кириловна не могла скрыть радости, быстро подписала свою фамилию, потом крепко пожала руку Василия Александровича и проговорила:

— Спасибо вам, дорогой мой!

«Дура еще ты!..» — промелькнуло у Борского.

Через неделю дело Борского было окончательно устроено. Оставалось только подписать контракт и внести пятьсот тысяч рублей залогов. В биржевом мире все уже знали, что

Борский получает громадное дело, и маклера забегали к нему с предложением услуг по приисканию залогов.

У Борского не было ни гроша денег, когда он брал на себя громадный подряд. Ему недостаточно было достать залогов, ему нужны были, во-первых, средства, для того чтобы начать дело, а во-вторых — чтобы заплатить срочные долги. И он решился на следующее: под видом залога он, при помощи маклеров, набрал у разных лиц до трех миллионов в различных бумагах; из них пятьсот тысяч внес в интендантство, а остальные бумаги заложил в разных банках, и таким образом в один день у Борского явились громадные средства... Разумеется, никто и не подозревал, что залогов лежат не в интендантстве, а в банках.

И тотчас же закипела деятельность. Дом Борского оживился. Внизу была нанята квартира, где поместилась главная контора, в которой ежедневно работало тридцать человек с управляющим конторой во главе. Мистер Джеферс получил задаток на постройку завода. Во все концы России командированы бы-

ли агенты для закупки хлеба и доставки его на завод. Надо было дорожить каждой минутой, и нельзя было особенно разбирать людей. Кабинет Борского кипел посетителями. То и дело являлись разные личности с предложением услуг... Словно почуяв запах денег, неизвестно откуда собирался весь этот люд, чтоб урвать кусочек из той громадной добычи, которая досталась счастливому человеку. Перед Борским кланялись, клялись, льстили и смотрели ему в глаза. Он точно вырос с тех пор как получил громадное дело. В его кабинете целый день толкался народ: одни за делом, другие просто для того, чтобы посидеть, позавтракать и пообедать... Неизвестно откуда явился отставной генерал, оказавшийся дальним родственником Борского, который рассказывал анекдоты и был постоянным посетителем. Знакомые Борского стали чаще забегать к нему, и тут, между разговором о деле, рассказывались военные новости, анекдоты и лилось шампанское. И странное дело: Борский не гнал всей этой сволочи, вдруг наполнившей его кабинет. Напротив, ему было не по себе, когда не было этой вечной суматохи,

ЭТИХ ЛЬСТИВЫХ ЛИЦ, СМОТРЕВШИХ ЕМУ В ГЛАЗА, ПОДАВАВШИХ НЕПРОШЕННЫЕ СОВЕТЫ, РЕКОМЕНДОВАВШИХ СВОИХ РОДСТВЕННИКОВ И ПЕРЕХВАТЫВАЮЩИХ НА КОРОТКИЕ СРОКИ ДЕНЬГИ. ЕМУ СЛОВНО НЕОБХОДИМ БЫЛ ЭТОТ АНТУРАЖ[16], ЯВИВШИЙСЯ КАК-ТО НЕЗАМЕТНО.

Квартира Борского преобразилась. Сразу чувствовалось, что в ней ворочаются громадные куши, что здесь чуеться громадная добыча. Среди громадных расходов ничтожными казались нескончаемые подачки, дорогие обеды, и каждый словно считал недостойным не урвать чего-нибудь. Кто занимал деньги, рассчитывая, конечно, не отдать какие-нибудь триста — пятьсот рублей. Стоит ли отдавать «этому подлецу», который огребает миллионы. Кто просто хотел вкусно позавтракать и даром напиться. Александра Матвеевна ездила каждый день, перехватывала деньги и восхищалась «гениальным» зятем.

Среди этого вечного гама в кабинете у Борского большинство посетителей на все лады толковало о величии момента, о будущности России, о заре на Востоке и в конце концов о нашем добром солдате.

И в то время, как солдат умирал, здесь в кабинете кишела целая стая патриотов, жаждущих только случая ограбить этого самого «бедного» солдата.

С каким-то недоумевающим страхом взирала Елена на эту перемену в образе жизни ее мужа. Ей непонятна была вся эта сутолока, превратившая их тихий дом в какой-то трактир с постоянными гостями и разливным морем. Она редко показывалась в кабинете, но в столовой ей поневоле приходилось встречаться с разными новыми лицами, которые говорили ей комплименты, похваливали блюда и вина и сообщали разные слухи с театра военных действий. Начало кампании обещало такой же блестящий конец, и все нетерпеливо ждали новых победных телеграмм.

Елена рассеянно слушала все эти разговоры и радовалась, когда кончался обед и гости уходили в кабинет.

Борский в последнее время баловал ее сюрпризами. То приносил ей какие-нибудь дорогие серьги, то дарил роскошные материи. За неделю до отъезда на дачу он купил ей пару

прелестнейших пони и объявил Елене, что рядом с их дачей он нанял дачу для Чепелевых.

— Ты будешь меньше скучать! — заметил при этом Борский. — Мне придется бывать часто по делам в городе, а вы с отцом будете кончать кампанию.

Елена благодарила мужа за его внимание, благодарила за подарки, но они не занимали ее. К чему ей все это?.. Она трепетно ждала весточки с театра войны, со страхом читала известия об убитых и раненых и каждый день заезжала к отцу узнать, не получено ли письма.

Старик неизменно покачивал головою и при этом замечал:

— Ему, брат, не до писем теперь. Какие письма!.. Он, разумеется, жив и здоров... Теперь, слава богу, мы все знаем... Газеты все сообщают!

Невеселая уезжала она домой и проходила к себе в комнаты. Среди домашнего шума она чувствовала себя одинокой. Она садилась за книгу, но книга вываливалась у нее из рук, и она думала о Венецком. Прочитывая скорб-

ные списки, она нередко задумывалась, и слезы катились из ее глаз. Ей тяжело было оставаться здесь. Ее манило туда, где гибли люди, ей хотелось помочь им, заглушить свою тоску в море чужих страданий. Она намекнула как-то об этом Борскому, но он странно усмехнулся и заметил, что и без нее много сестер милосердия.

За несколько дней до переезда на дачу Борский давал парадный обед. Приглашены были избранные знакомые, два отставных министра с женами, один влиятельный генерал, финансовый туз и известный петербургский оратор, любивший говорить за обедами экспромты. Обед был заказан тонкий, и Борский сам хлопотал, чтобы все было хорошо.

К шести часам начали съезжаться гости. В гостиной весело болтали о войне. Только что была получена телеграмма о блестящем забалканском походе кавалерии и о взятии Елены[17]...Никто из присутствующих еще не знал о Плевне.

Обед прошел превосходно. С бокалом шампанского в руке поднялся с места господин в военной форме, провел рукой по лысому лбу

и просил позволения сказать слово. Все, конечно, изъявили живейшую радость, и оратор произнес один из тех своих экспромтов, которые, как говорили злые языки, сочинялись им заблаговременно и выучивались наизусть. Он начал о величин патриотического подъема, вспомнил двенадцатый год, вспомнил крымскую кампанию, не упустил из виду доблестного русского народа и кончил знаменательным указанием, что скромное пиршество происходит у русского человека («старинного моего доброддея и приятеля»), который в годину трудных испытаний пришел на помощь государству, «бросил к его ногам» свое «чисто русское» изобретение и дал казне миллионные сбережения...

Все аплодировали красноречивой импровизации. Все стали как-то ласковее и добрее после вкусных блюд и выпитого вина, и даже отставные министры сказали хозяину несколько приветствий по поводу его изобретения...

Гости уже собирались вставать, когда лакей подошел к генералу и что-то тихо доложил ему. Генерал попросил извинения, встал

и скоро, смущенный, вернулся назад.

Все взглянули на него и предчувствовали несчастье. Генерал был бледен и нервно шевелил губами.

— Неприятное известие! — тихо проговорил он по-французски.

В столовой воцарилась мертвая тишина.

— Мы наткнулись на Плевну и...

— И что же, ваше превосходительство? — нетерпеливо заметил отставной министр.

— И не одержали победы...

— То есть потерпели поражение? — заметил кто-то.

— Вроде этого! — печально проговорил генерал и скоро уехал.

Вслед за ним разъехались и остальные гости. Плевна вдруг поразила всех своею неожиданностью.

Через несколько дней была получена новая телеграмма о сражении под Плевной, и в Петербурге ходили зловещие слухи... Гвардия собиралась в поход.

Глава семнадцатая

Влюбленная вдова

Варвара Николаевна была так счастлива в Ораниенбауме, что даже забыла о делах и не принимала к себе никого. Башутин был далеко, в Бухаресте, и она не расставалась с влюбленным юношей. Сперва она смеялась над своим чувством, говорила, что это вздор, но вскоре чувство охватило все ее существо и она с замиранием институтки слушала страстные речи Привольского. Ей словно хотелось насладиться наконец не испытанным еще ни разу в жизни чувством бескорыстной любви, и это чувство вдруг пришло. Беззастенчивая, бывало, она теперь вспыхивала при виде красивого, свежего, здорового юноши, и сердце ее трепетно билось, когда он опаздывал несколько минут. Она с восторгом слушала любовный вздор, который несколько недель тому назад вызвал бы насмешку в ее глазах, а теперь? Теперь она заставляла Привольского повторять, что он ее любит, и он повторял, повторял эти нежные слова

вспыхнувшей страсти. Они вели себя как впервые влюбленные: гуляли по парку, катались на лодке, ездили верхом ночью, предпринимали поездки *ins Grune*[18], ссорились из-за пустяков и ревновали друг друга, как подростки... Варвара Николаевна была внимательна и предупредительна к Привольскому до смешного. Малейший его намек считался для нее законом. Она вдруг привязалась к нему со страстью матери и любовницы. Она нетерпеливо ждала его ласки и скорбела, если ей казалось, что он чем-нибудь недоволен. Она выбегала встречать его, нередко делала ему сцены и допрашивала, отчего он опоздал, смотрела ему в глаза, как раба, и дрожала за свое счастье, как любовница, не уверенная в завтрашнем дне.

Был жаркий июльский день. Варвара Николаевна сидела на террасе и посматривала на часы. Скоро должен прийти поезд...

— Параша! — крикнула она. — Завтрак готов?

— Готов.

— Смотри, чтобы сейчас же подали, как только приедет Сергей Николаевич... Да что-

бы шампанское было заморожено...

— Все приготовлено! — улыбнулась Параша.

И Варвара Николаевна сама радостно улыбнулась, приколола цветок в свои чудные черные волосы, обдернула белый капот и, веселая, побежала на дорогу, чтобы встретить Привольского. На платформу она избегала ходить. Ее появление всегда вызывало разные замечания. Не стеснялись вслух называть ее по имени и прибавлять к нему эпитеты, от которых ее бросало в дрожь. Она и без того боялась, что Привольский вдруг ее бросит. Она знала, что родители его не раз серьезно упрекали его за связь, но юноша любил ее и с упорством влюбленного не верил слухам, ходившим про нее. Он не раз уверял ее в этом, но она все-таки дрожала за свое счастье и нередко с ужасом вспоминала о Борском.

Поезд только что пришел. По дороге показалась статная красивая фигура. Варвара Николаевна бросилась навстречу, обняла юношу и, прильнув губами к его губам, шепнула:

— Ты до завтра останешься у меня?

Но вдруг она отскочила от него, точно ужа-

ленная. Лицо Привольского не сияло, как обыкновенно, счастьем свидания. Оно было задумчиво; какая-то серьезная торжественность виднелась в чертах его свежего лица.

У Варвары Николаевны упало сердце. Она вдруг побледнела, как полотно. Вот-вот он сейчас скажет то роковое слово, которого она так боялась.

— Сережа, что с тобой? Ты сердишься на меня?..

Но он вместо ответа подошел к ней, крепко сжал ее руку и сказал:

— Ты разве не знаешь? Через неделю мы выступаем в поход...

В первую минуту она обрадовалась, но прошло мгновение, она поникла головой и тихо прошептала:

— На войну?

— Да, на войну!

— Но ты не пойдешь?.. Ты не пойдешь, Сережа?.. К чему тебе идти? Ты возьми у меня денег, сколько хочешь возьми... Скажись больным... И знаешь что?.. Я завтра же поеду в город и устрою, чтобы ты остался. Ты хочешь? Говори!..

Она говорила отрывисто, со страхом глядя в глаза Привольскому.

— Полно вздор говорить, Варя... Разве можно не идти на войну, когда посылают? — заметил серьезно юноша и, любуясь любовницей, весело прибавил: — Еще неделя у нас впереди, и я у тебя буду каждый день...

Варвара Николаевна была в отчаянии и решила непременно проводить Привольского хотя до границы... Она целый день была задумчива и вечером, когда они сидели вдвоем на террасе, проклинала войну и просила Привольского повторить, что он ее не забудет. В ответ юноша целовал ее в открытую шею и наконец подхватил ее и на руках унес в комнаты.

— Так ты позволишь проводить тебя?.. — говорила она на другой день, прощаясь с Привольским. — Я только до границы доеду.

Юноша согласился, и Варвара Николаевна приказала Параше приготовиться к отъезду.

Через неделю они ехали в отдельном купе на юг. Варвара Николаевна то плакала, то весело улыбалась под впечатлением горячих ласк влюбленного юноши.

Так доехали они до Ясс. В Яссах приходилось расстаться. Она упросила, однако ж, от-дать ей один день. Он отдал ей этот день и на следующее утро наконец вырвался из горячих объятий влюбленной женщины и отпра-вился догонять свой полк. Варвара Николаев-на рыдала, как ребенок, и объявила Параше, что они поедут дальше. Она будет об этом просить военное начальство. Целый день просидела она печальная в номере и собира-лась уже ложиться спать, как вдруг кто-то по-стучался в двери.

Ей почему-то показалось, что непременно войдет Привольский. Он вернулся, чтобы еще раз проститься с ней.

— Войдите! — весело крикнула она и бро-силась навстречу.

Отворились двери, и в комнату вошел Ба-шутин.

Варвара Николаевна остановилась в ужа-се.

— Неожиданная встреча! — промолвил он, улыбаясь. — Что это вы так испугались?.. Так не встречают старых друзей, — заметил он, протягивая руку. — Присядемте... Мне надо с

вами поговорить.

С этими словами он взял ее за руку, усадил на диван и сам сел подле.

Глава восемнадцатая

С глазу на глаз

— Так не поступают с верными друзьями! — нежно упрекнул Башутин. — К чему вы секретничаете со мной?.. Отчего вы не отвечали на мои письма?.. Я все знаю, что вы делали последнее время! Что вы на это скажете, милейшая Варвара Николаевна? — продолжал Башутин, дотрагиваясь до руки молодой женщины, — но что с вами? Вы нездоровы? Ваша рука холодна как лед!

Варвара Николаевна брезгливо отдернула руку.

— Не беспокойтесь о моем здоровье, Башутин, и продолжайте! — проговорила она спокойно.

Башутин взглянул ей в лицо. Она встретила насмешливый взгляд смелым, вызывающим взглядом. Она справилась с собой и скрыла свое волнение.

— Вот как! Вы совсем отрекаетесь от друзей! Впрочем, ведь у вас все длится медовый месяц восторженной страсти, и вы находитесь еще под влиянием идиллических прогулок в Ораниенбауме!

— Оставьте этот тон, Башутин! — остановила его Варвара Николаевна. — Надеюсь, вы не о чувствах пришли говорить со мной!

— И все это в награду за пятилетнюю любовь! — попробовал было Башутин, впадая в тон оскорбленного любовника.

Варвара Николаевна подняла на него глаза и презрительно усмехнулась.

— Нельзя ли без излишаний. Мы, к несчастью, слишком хорошо знаем друг друга!

— Извольте! Я заговорю в другом тоне. Но понравится ли он вам?

— Приберегите эффектные места к концу.

Башутин позеленел от злости. Варвара Николаевна с какою-то отвагой отчаяния решилась во что бы то ни стало покончить с Башутиным.

— Вы объявляете войну? — проговорил Башутин.

— Без фраз, прошу вас... Скорее к делу!

Его раздражал этот спокойный, иронический тон. Он думал, что при первых словах угрозы она испугается и сразу согласится на все то, что он от нее потребует, а она вдруг еще смеется над ним.

— Первая любовь вас сделала забывчивой?

— Я все помню, Башутин... Все!

— Так отчего вы не отвечали на мои письма?

— Во-первых, не хотела, а во-вторых, что мне было отвечать? Вы просили опять денег, и вам позволено было бароном взять десять тысяч из кассы. Заплатила их, конечно, я.

— Позволено было!.. — повторил Башутин. — Я мог бы и без позволения взять их. Вы разве забыли, кому вы обязаны состоянием?

— Счеты? Я обязана вам, Башутин, многим, это правда... Я обязана вам, что сделалась знаменитостью в Петербурге! — проговорила Варвара Николаевна со смехом. — О, я вам многим обязана и никогда этого не забуду!.. Но я, кажется, заплатила вам за все деньгами... Я не хочу, слышите ли, вспоминать начало нашего рокового знакомства и дальнейшую историю...

Варвара Николаевна вздрогнула и с ненавистью взглянула на Башутина...

— Впрочем, и не к чему... Все равно поздно!..

— Период раскаяния? — усмехнулся Башутин. — Реабилитация посредством любви?! Я об этом кое-что читал в романах, и то плохих. Оставьте лучше романическую часть в стороне... Я ведь имел честь быть вашим alter ego[19] и кое-что знаю пикантное...

— И я знаю немало, Башутин! И если вы теперь на свободе, то вспомните...

— Послушайте! Не советую вам говорить так... — вскрикнул Башутин, вскакивая с места. — Я не пожалею себя, но и вас жалеть не буду!

— О, себя вы пожалеете, а потому, вероятно, пожалеете и меня!.. Чего вы от меня хотите? Вы долго были моим советником... Теперь довольно... Пора нам расстаться... Я намекала вам об этом... С этой целью вам предложили управлять делом в Бухаресте, то есть получать большое содержание... Что же вам еще надо? Я вам передала в течение последнего времени более пятидесяти тысяч!..

— Чего мне надо?.. — усмехнулся Башутин. — Мне надо, чтобы мы расстались дружелюбно... Ваши пятьдесят тысяч давно истрачены... И что ваши пятьдесят тысяч?.. Мне надо доли по совести!..

— А в противном случае не обратитесь ли и вы к судебному следователю? — усмехнулась Варвара Николаевна.

— Я приберегу эту развязку к концу, а пока...

— А пока? — переспросила Варвара Николаевна, чувствуя, как забилося ее сердце.

— А пока я расскажу вашему возлюбленному юноше, из каких средств вы заплатили за него долги. Юноша ведь и не подозревает, что он на содержании. Но когда он узнает и когда узнают его товарищи, он, наверное, поблагодарит вас!

Варвара Николаевна не ожидала этого. Удар был нанесен метко, прямо в сердце. У нее помутилось в глазах. Сердце упало. Она опустила голову, и прошло несколько мгновений, прежде чем она подняла ее. Она попробовала ответить на слова Башутина презрительной улыбкой, но улыбка вышла печаль-

ная, и дрожащие ее губы неуверенно прошептали:

— Он не поверит вам!

— Тогда его убедят ваши письма!

Это было уж слишком. Вся энергия этой женщины исчезла под угрозой. Она взглянула на Башутина растерянным, умоляющим взглядом.

— Но вы не сделаете этой... этой подлости? Вы шутите? Не правда ли? — прошептала она упавшим голосом, с каким-то суеверным страхом заглядывая в лицо Башутину.

— Мы ведь перестали шутить, Варвара Николаевна! — холодно заметил Башутин. — Какие шутки!

— Послушайте, Башутин! Говорите скорей... сколько вы хотите? Назначайте цену. Я вам дам денег, но возвратите мне мои письма и дайте слово, что вы ничего не станете говорить Привольскому... Я на все готова!.. Довольны вы?

— Давно бы так! Нам пора свести счета! Я не буду запрашивать. После Орефьева вы получили восемьсот тысяч... По совести, мне бы следовала половина, но я помирюсь на одной

сотне.

— Вы ее получите!

Башутин чуть не привскочил от изумления при этих словах. Он не ожидал такого быстрого решения денежного вопроса со стороны Варвары Николаевны. «Женщина всегда останется женщиной! — подумал он. — Когда она любит, из нее можно веревки вить!»

— Письма мои с вами?

— Они в гостинице!

— Все?

— Все до одного...

— Привозите их завтра утром, — и вы получите деньги... Еще одно условие. Надеюсь, больше мы никогда не увидимся... и вы уедете отсюда... Управление делом сдадите Ива-ницкому! И еще, Башутин, я предупреждаю вас, что если вы нарушите слово...

Она взглянула на Башутина в упор таким взглядом, полным ненависти и презрения, что он невольно отодвинулся.

— Если вы нарушите слово, — чуть слышно прошептала она, — я расскажу кому следует о вашей дуэли с моим мужем... Помните,

что я мстить умею, господин Башутин, а когда мстит женщина, она не жалеет себя!

В свою очередь, Башутин побледнел и опустил глаза под резким стальным взглядом Варвары Николаевны.

— К чему нам вспоминать старые истории...

— То-то! А теперь прощайте. Завтра в десять часов я жду вас...

Башутин хотел было протянуть руку, но, взглянув на лицо Варвары Николаевны, только поклонился и вышел из номера. Она чуть-чуть кивнула ему головой.

Оставшись одна, Варвара Николаевна вздохнула свободно. Только бы он, он, этот милый, любимый юноша, не оттолкнул ее и не узнал бы ее прошлого, а там будь что будет!

Она открыла окно и жадно вдыхала свежий ночной воздух. Высокое небо блистало мириадами звезд. На улице была тишина. Она вглядывалась в темноту ночи не то со страхом, не то с надеждою.

Через несколько времени она прошла в соседнюю комнату, взглянула на спящую Парав...

шу, разделась сама, бросилась с каким-то суеверным страхом на колени и стала молиться, обливаясь слезами.

На следующее утро Башутин передал ей все письма и получил чек. Они почти не разговаривали. Она только спросила:

— Тут всё?

— Всё! — отвечал Башутин, получая чек.

С этими словами он поклонился и сказал:

— Прощайте, Варвара Николаевна!

— Прощайте, Башутин, и, надеюсь, навсегда!

Он усмехнулся, но не промолвил ни слова и ушел.

В тот же вечер Варвара Николаевна поехала дальше.

Глава девятнадцатая

30 Августа под Плевной

I

Только что забрезжилось, когда маленький, рыжий, весь в веснушках, солдат просунул в землянку сперва фонарь, а потом и свою голову. Вместе с фонарем он принес медный котелок и стакан, в котором лежало несколько кусков сахара. Он присел на корточки, достал из-за обшлага бумажку с чаем, высыпал чай в котелок и, когда покончил с этим делом, направил фонарь в угол землянки, поднялся и подошел к лежавшему под буркой офицеру. Солдат участливо взглянул в спящее лицо офицера и легонько тронул его за плечо.

— Ваше благородие! Пора вставать! — проговорил он, наклоняясь к Венецкому.

— А? Что?.. Еще минуточку... одну минуточку! — проговорил во сне Венецкий, потянулся и снова сладко заснул.

Рыжий солдат добродушно усмехнулся, вернулся к котелку, накрыл его попоной, закурил трубку и задумчиво глядел в мокрую

землю. Прошло не более двух-трех минут, как он снова подошел к Венецкому и проговорил:

— Ваше благородие! Пора... Все пошли на батарею.

Венецкий что-то пробормотал, вдруг открыл глаза, прищурил их при свете фонаря и сладко потянулся. Ему так не хотелось вылезать из бурки, под которой было так тепло и уютно.

— Ты, Барсук, говоришь — все пошли? — спросил он, лениво приподнимаясь с войлока.

— Все Алексей Алексеевич... Сейчас батарейный выйдет.

Венецкий еще потянулся, зевнул и вдруг быстро поднялся; при свете фонаря, слабо освещавшего землянку, вздрагивая от сырости, отыскал пальто и фуражку и хотел было выйти, как Барсук подал ему стакан чая и заметил:

— На дворе сырость, ваше благородие... Вы бы сперва чайку выпили.

— Ты где это чаю достал?

— У денщика у полковникова. Щепотку отпустил... У самих, говорит, мало.

— Спасибо тебе, Барсук!.. — с нежной ласковостью проговорил Венецкий, принимая стакан. — А сам пил?

— Я хлебушком разжился...

— Эка ты какой!.. Пей, брат, сам... Ну, еще раз спасибо! — проговорил Алексей Алексеевич, быстро выпив какую-то желтоватую бурду под названием чая, и вышел из землянки.

Мелкий, назойливый дождь лил сверху. В воздухе стояла сырость и тянуло запахом солдатского жилья. Начинало рассветать. Все предметы рисовались неясными контурами в серой дали. На площадке стояло несколько солдат, покуривая трубки. Один из них весело играл с Жмуркой, батарейной собакой, пришедшей под Плевну из Белгорода. Когда Венецкий проходил мимо солдат, все они ласково говорили:

— Здравия желаем вашему благородию?

А он в ответ, точно конфузясь, что все его так любовно встречают, отвечал на приветствия, снимая фуражку.

— Сегодня Жмурка что-то, ваше благородие, весел... Верно, шельма, чует доброе!.. — заметил кто-то.

Венецкий потрепал старого Жмурку, лизнувшего за это горячим языком его руку, и спросил:

— Ели, ребята?

— Ели, ваше благородие!

Все на него глядели ласково, и эти ласковые взгляды были удивительно приятны Алексею Алексеевичу.

Его любили на батарее, и солдаты прозвали его душевным человеком. Он это знал и еще более конфузился.

Он поднялся на батарею. Все офицеры стояли в группе около батарейного командира, полного, невысокого полковника, с большой бородой, который отдавал офицерам приказания.

Солдаты стояли у орудий, вполголоса разговаривая между собой.

— Алексей Алексеевич, здравствуйте! — проговорил полковник, протягивая руку, когда Венецкий подошел к офицерам. — Хорошие сны снились?

Все радушно встретили Венецкого. Видно было, что он пользуется особенным уважением среди товарищей.

— Пожалуй, опять отвечать не будет? — заметил полковник, махнув рукою по направлению к сереющей вдали возвышенности. — Вы как думаете, Алексей Алексеевич?..

— Думаю, что не будет!

— Он славно держится! — заметил кто-то.

— Что-то сегодняшней день скажет!.. — тихо заметил полковник. — Штурм начнется в два часа, а до тех пор наше дело... Хочется думать, что сегодня мы будем счастливее!

На всех лицах выразалось сомнение. Однако никто ни слова не сказал. Все молча разбрелись по своим местам.

Впереди, на возвышенности, яснее вырисовывались неправильные контуры турецких батарей.

Дождь не переставал, и солдаты то и дело отряхивали свои шинели.

Венецкий подошел к своим орудиям, поздоровался с солдатами, поверял правильность прицелов, присел на бруствере и стал глядеть в бинокль.

Сквозь сероватую мглу ясно виднелись высоты и линии турецких батарей. Ни души не было видно за брустверами. Там все будто вы-

мерло. И кругом стояла какая-то тишина, точно все оцепенело вокруг... Сбоку белели палатки наших войск, но никакого движения там не было заметно. Только вдалеке, едва заметной лентой, тянулись наши войска, спеша на позицию.

Венецкий уныло глядел вокруг... Он уже достаточно насмотрелся на ужасы человеческой бойни и с каким-то тоскливым чувством внимал пушечным выстрелам. Его мягкой натуре противна была война, и нервы его за последнее время напряжены были до последней степени. Он видел, как на руках солдаты вывозили орудия из бессарабской грязи; он видел, как терпеливо выносили они лишения, как, раненные, они безропотно дожидались по целым дням перевязки. Он был в знаменитом первом плевненском бою. Он видел массу жертв, видел панику, это стадо людей, бегущих с каким-то тупым отчаянием... Видел раненых, протягивающих руку за куском хлеба; видел умоляющих поскорее покончить с их страданиями, и вид этих страданий возбуждал в нем чувство невообразимого отвращения...

А рядом тут же припоминались ему сияющие, возбужденные лица генералов, отдающих приказание, офицеров, бравирующих своей храбростью, адъютантов, бесцельно скачущих с места на место, и своего батареинного командира, этого простого сердечного человека, который, однако, не стесняется обворовывать казну самым добродушнейшим образом, показывая на бумаге лошадей в большем количестве, чем в действительности... Он называет это экономией. И многие из его товарищей говорят, что он увезет с войны не менее ста тысяч. Он то и дело пользуется оказией и шлет жене деньги... «А этот еще из лучших!» — подумал Венецкий...

Здесь, на месте, все те фразы, которых слышался Венецкий в Петербурге, о великой миссии, об освободительной цели войны казались такими смешными, ничтожными... Перед Венецким точно открывался новый мир неведомых идей, и он смутно чувствовал, что в этих словах много фальши и что неестественно, чтобы в то время, когда солдаты голодали, могла грабиться казна так добродушно, так просто, на глазах у всех, и чтобы среди

этого грабежа могла блеснуть ярким светом освободительная идея...

В армии ходили самые невеселые слухи. Солдаты хотя не роптали, но и они жаловались, что иногда сухари гнилые, что часто голодных их посылают в бой. Все это отразилось на восприимчивой натуре Венецкого, и он не мог забыть, как после первого плевненского боя он был на перевязочном пункте и видел тяжело раненного солдата, который, не дождавшись перевязки, нетерпеливо в предсмертной агонии, в ответ на слова Венецкого, что скоро его перевяжут, ответил, печально улыбнувшись:

— Видно, и тут нашему брату нет призора, ваше благородие!.. Все одно что собаки!

И с этим горьким упреком он умер.

Невдалеке раздался выстрел, затем другой, третий.

— По местам! — раздался зычный голос батарейного командира.

Венецкий очнулся, сошел с бруствера и стал около орудий.

Он взглянул на энергичное лицо своего начальника. Оно было возбуждено. Карие глаза

весело смотрели вперед. Он весь как-то приосанился и, став посредине, громко сказал молодецким голосом:

— Ну, ребята... Смотри молодцами... Стреляй хорошо...

— Рады стараться! — весело отвечали солдаты.

Венецкий любовался полковником, но в то же время подумал: «Зачем только этот милый полковник так грабит казну?»

— Первое орудие... пли!..

И почти в один и тот же момент по всей линии вокруг Плевны засверкали огоньки, потом стали вспыхивать дымки, и вслед за тем началась оглушительная канонада и раздался шипящий свист снарядов...

Сперва турки отвечали, но скоро замолкли. А наши батареи не переставали осыпаться гранатами неприятельские редуты... Венецкий наблюдал за выстрелами. Солдаты молча делали свое дело, а дождь все продолжал лить из туч, тяжело нависших над Плевной и ее окрестностями... Это была какая-то адская канонада, но офицеры только пожимали плечами и тихо сомневались в ее действительно-

сти...

— Ваше благородие!.. Хотите хлебушка?.. — раздался над самым ухом Венецкого знакомый голос. И Барсук, не дожидаясь ответа, сунул кусок черного хлеба, круто посыпанного солью, в руки Венецкого и побежал назад.

Сбоку около батареи строилась пехота... Вдруг с той стороны засверкали огоньки, и Венецкий хорошо видел, как граната врезалась среди людей...

Он отвернулся и направил бинокль на неприятельскую батарею...

— Вперед, ребята! — донеслось до него.

Он повернул голову и увидел, как солдаты мерно пошли вперед, потом повернули направо и скоро скрылись за лощиной...

Гранаты положительно осыпали наших солдат. По дороге уже валялись убитые и раненые.

II

В десять часов все наши батареи разом прекратили огонь. Над окрестностями Плевны наступило затишье. Турки молчали и только изредка, когда войска наши показывались из-за холмов, посылали гранаты, прино-

сившие смерть и страдания.

По диспозиции этого дня наши батареи должны были снова открыть огонь в одиннадцать часов и продолжать бомбардировку до часу. С часу до половины третьего снова отдых, а затем опять канонада.

В три часа должен был начаться штурм, который, по мнению штабных, наконец, закончит с Плевной, оказавшейся вдруг каким-то бельмом в глазу.

На батарее, где Венецкий забрался на бруствер и оглядывал в бинокль окрестности, готовились к новой бомбардировке, и там шла оживленная работа. Солдаты прочищали орудия, подвозили снаряды, перекидывались словами и отбегали в сторонку покурить.

Офицеры собрались около батарейного командира и лениво обменивались фразами. Результаты первой бомбардировки, очевидно, никого не удовлетворили.

— А, кажется, стреляли ведь не дурно? — заметил батарейный командир, словно бы желая отделаться от недоумения, ясно сказывавшегося на его лице. — Алексей Алексее-

вич, — крикнул он Венецкому.

Венецкий подошел к группе. Он был серьезен и задумчив.

— Вы смотрели за выстрелами... Как они?

Молодой офицер заметил тихим голосом, что большею частью снаряды только взрывали землю впереди неприятельских батарей и едва ли принесли им какой-нибудь чувствительный вред.

Полковник сердито крякнул.

— Ну, уж вы, Алексей Алексеевич, кажется, чересчур мрачно смотрите...

Он сам отлично видел, как ложились снаряды, но ему хотелось, чтобы кто-нибудь сообщил более утешительные известия.

— Конечно, наша позиция выбрана не совсем удачно, но что прикажете делать с нами!

И он махнул рукой по направлению к черневшей сзади деревушке.

— Он сверху бьет, а мы должны снизу его донимать... Поневоле попусту приходится тратить снаряды!.. — сердито проговорил полковник. — Однако, господа, пойдете-ка чай пить... Ишь, что за гнусная погода!..

Офицеры пошли с батареей.

В это время к ним подскакал красивый молодой адъютант, сопровождаемый казаком. Он ловко соскочил с лошади и, бросив поводья казаку, приблизился к батарейному командиру, приложил руку к козырьку и, слегка наклоняя голову, проговорил с некоторой аффектацией:

— Генерал прислал спросить, как у вас стреляли, полковник?

Полковник взглянул на адъютанта. Это был молодой красивый офицер; его свежий костюм и белые рукава рубашки резали своим контрастом с потертым костюмом полковника. Видно было по свежему, румяному, веселому лицу, что адъютант хорошо выспался, хорошо вымылся и с горделивым сознанием человека, чувствующего близость к начальству, поглядывал через пенсне на полковника.

— Конечно, артиллеристы были молодцами, полковник?..

Полковника начинал сердить и этот тон, и этот свежий костюм, и вся эта молодцеватая фигура красивого адъютанта.

— Передайте вашему генералу, поручик, что выстрелы не причинили неприятелю большого вреда.

Адъютант сделал серьезную мину.

— Позвольте доложить причины такого неуспешного действия артиллерии?.. — спросил он.

— Конечно, позволю! — сердито отвечал батарейный командир. — Скажите, что выбор позиции неудачен.

— Так и прикажете передать?

— Так и передайте!

Адъютант снова приложил руку к козырьку, поклонился, ловко вскочил на лошадь и помчался к другим батареям.

Когда адъютант уехал, полковник энергично послал ему вдогонку несколько непечальных приветствий. Но через несколько минут, прихлебывая чай, полковник уже сожалел, что он так резко говорил с молодым человеком.

— Того и гляди еще переврет и нагадит! — говорил он, обращаясь к офицерам.

— Так ему и надо! — говорили офицеры.

— Шляются без толку... Эх, господа, как у

нас много этой дряни! — вздохнул полковник и прибавил: — Что-то даст бог сегодня? Неужели штурм будет отбит?..

«Кажется!» — хотел было заметить Венецкий, но удержался и не сказал ни слова.

На всех лицах было сомнение.

Опять загрохотали орудия, в третий раз сегодня. Был третий час. Тучи по-прежнему висели над горизонтом, и по временам шел дождь. Снова полковник весело подбадривал солдат, переходя от орудия к орудию, хоть и сам сознавал, что это лишнее. Солдаты и без того отлично делали свое дело. Они очень хорошо понимали, что сейчас начнется штурм, и лица всех были серьезны и торжественны. Обычных шуток не было слышно. На батарее уже было двое убитых. Их быстро убрали, и всякий точно старался забыть об этом.

Венецкий наблюдал за выстрелами. Растянувшись на бруствере, не обращая никакого внимания на зловещий свист, проносившийся над головой, он смотрел вперед. Сердце его забило тревожнее, когда вдруг из-за холмов показались длинной лентой солдатские шинели и белые кепи. Лента делалась длиннее и

длиннее. Раскинувшись цепью, быстро удалялись эти шинели вперед, а за ними двигались войска в колоннах.

— Начинается! — прошептал он. Надежда и сомнение попеременно волновали его.

С турецких редутов открылась отчаянная пальба. Стоял какой-то адский гул в воздухе.

— Помоги им, господи! — прошептали артиллеристы на батарее, сняли шапки и тихо перекрестились, напутствуя проходивших с боков солдат.

Сперва Венецкий ясно различал наших солдат, но скоро они, уменьшаясь-уменьшаясь, начали казаться какими-то точками. На дороге валялись убитые и раненые. В промежутке между выстрелами донесся какой-то гул. Наши побежали вперед...

Вдруг Венецкий побледнел, быстро спрыгнул с бруствера и подбежал к полковнику.

— Николай Степанович! прикажите прекратить стрельбу. Мы стреляем по своим!..

Полковник взглянул в бинокль и побледнел, в свою очередь. Прямо перед батареей, недалеко от турецкого редута, поднимались на гору наши войска, и выстрелы наши ложи-

лись как раз между ними.

Немедленно прекратили огонь.

Венецкому не сиделось за бруствером. Он снова растянулся на животе и жадно смотрел вперед. Наши быстро ползли по горе; сзади двигались темные массы; с редута раздался ружейный огонь... Еще минута-другая, — и вдруг у Венецкого упало сердце. Он ясно увидел, как наши повернули назад и быстро стали удаляться расстроенными рядами от турецкого редута.

В эту минуту на батарею прискакал старый генерал со свитой адъютантов.

— Полковник! Отчего вы прекратили огонь?

— По своим могли бить, ваше превосходительство!

— Что вы мне говорите!.. Что вы говорите! — вдруг крикнул генерал, отчаянно замахал рукою и быстро уехал далее.

А солдаты уже беглым шагом подходили к батарее... Ясно было, что штурм отбит.

Венецкий посмотрел в другую сторону. И там то же... Войска наши уходили от турецких редутов, а турецкая канонада делалась

сильней...

Сумрачные проходили ряды мимо батареи и спешили поскорей скрыться за холмы... Венецкий вглядывался в солдат. Все были утомлены и угрюмы; все тяжело дышали и крестились, добравшись до прикрытия. За войсками вразброд двигались отсталые... Мимо батареи много прошло их, опираясь на ружья... Слышны были стоны, проклятия и брань... Невдалеке Венецкий заметил, как ползли раненые... Вот один пробует встать и не может... А на них никто не обращает внимания...

Он поднялся и хотел распорядиться, чтобы их взяли, как вдруг услышал совсем близко какой-то шипящий свист...

— Ваше благородие... Ложитесь! — крикнул кто-то сзади.

Он быстро прилег. Что-то шлепнулось близко. Он зажмурил глаза и вдруг вспомнил, что его могут убить. Ему сделалось страшно, но вслед за этим мгновением какое-то равнодушие охватило все его существо. «Что ж так долго смерть не приходит? — промелькнуло в его голове. — Уж если это она, то пусть скорей!» Он открыл глаза. В нескольких шагах от

него на бруствере вертелась черная граната и скверно шипела трубка...

Он пристально стал смотреть на нее и не мог оторвать от нее глаз. «Вот-вот сейчас, но только она меня не заденет... Нет!..»

Раздался треск... в глазах у него что-то блеснуло. Он радостно вскочил на ноги, но в то же мгновение упал и инстинктивно схватил себя рукой за ногу.

«Это ничего... Я, верно, контужен», — подумал он.

И снова попробовал подняться. Но подняться он не мог, почувствовал ужасную боль и какую-то теплую мокроту на том месте, где была боль.

Барсук и другие солдаты подбежали к нему. Он взглянул на их испуганные лица, хотел что-то сказать, но губы бессвязно лепетали какие-то слова... Он вдруг почувствовал слабость, какие-то странные мысли стали путаться в его голове. Он улыбнулся своей доб-

рой улыбкой, вздохнул и потерял сознание.

Когда над окрестностями Плевны спустилась ночь, то долго еще раздавались на окрестных полях стоны. Целую ночь мелькали фонари и на носилках таскали раненых и все-таки не могли убрать всех. Иззябшие, валяясь в грязи, под дождем, оставались еще многие, моля у бога смерти.

Наутро неудача сказывалась на всех лицах. Везде атака была отбита, и только на Зеленых горах еще шла битва. Скобелев просил подкреплений, но ему их не дали...

Штурм 30 августа стоил нам, как известно, около десяти тысяч солдат.

Глава двадцатая

Генерал сомневается

— Ну что ж?.. это еще не беда! Сегодня — Неудача, зато завтра будет удача... Конечно, неприятно, но унывать, брат, нечего... С нашим солдатом все можно. Помню, на Кавказе наш полк пять раз ходил в атаку, пять раз отбивали, но на шестой таки взяли аул. Правда, из полка осталась всего одна рота, но все-таки взяли!

Так говорил старик Чепелев Елене, сидя июльским утром на балконе своей дачи за картой.

— Полно, папа, тебе утешать меня. Точно я не вижу, что ты сам расстроен нашими неудачами, — проговорила Елена.

— Обидно, конечно, обидно... Шли, шли и вдруг наткнулись на Плевну, чтобы ее черт побрал! Но все-таки унывать нечего... Бог даст еще поправимся... Вот скверно только, что о солдате мало заботятся, плохо кормят его, обкрадывают там разные интенданты... Вот за это так мало виселицы! — энергично прогово-

рил старик. — Я, не задумываясь, повесил бы таких негодяев...

В последнее время даже и старик Чепелев, говоривший вначале, что война с турками — плевое дело, стал несколько гневаться, и хотя не показывал этого, но сам нередко задумывался и возмущался, читая известия о том, как продовольствуют солдат. Известная телеграмма Мак-Гахана, описывавшая, как наши солдаты, сами голодные, делились последним с болгарами, умиляла сердце старого генерала, и он со слезами на глазах говорил, что стыдно обижать таких безропотных и выносливых солдат, как наши.

— А о Венецком все нет известий, папочка?..

— Нет, Леля, еще нет, но, вероятно, все слава богу... Вот посмотри-ка, девочка, на карту. Взгляни-ка сюда. Вот она, эта самая Плевна!..

Старик, видимо, хотел отвлечь свою дочь от расспросов о Венецком и сам начинал сомневаться, жив ли молодой человек. «И то ни разу не написал!» — подумал он.

Елена с грустной улыбкой глядела на карту, слушая старика, как надо нам покончить с

этой проклятой Плевной.

— Осман — умный генерал... Понимает, как действовать, и действует умно. Надо и нам так же действовать и не соваться одною грудью. Грудь хороша, но ведь и солдата пожалеть надо.

— Но ведь ты сам, папа, говорил, что надо без хитростей, прямо?..

— Ну да, говорил и теперь говорю, но надо знать время.

Старик даже рассердился, что Елена подметила противоречие в его словах.

— Конечно, надо действовать с нашим солдатом по-русски, то есть напролом, но если раз не удалось... нельзя же. Знаешь что, Леночка, я тебе скажу... У нас солдаты прекрасные, а...

Он не досказал своей мысли и медленно перекрестился.

— И дай бог, чтобы Плевна образумила их!.. Вот рассказывают, что сами они живут прекрасно там, ни в чем не нуждаются, а люди!! Я, Леля, когда был на Кавказе, я ел то же, что и солдаты, и как же они любили меня! Первым делом о них заботился. Никаких этих

колясок у меня не было. Ну, да что говорить! Очень уже нынче эта манера подлая развилась... о себе думают, а о других... Ну, и воровство, говорят, в армии идет такое, что просто страшно становится.

Генерал совсем вышел из себя и, точно вообразив, что перед ним сидела не дочь, а интендант, стал браниться и грозить, что их всех перевешают.

Елена слушала все эти угрозы и, когда отец кончил, спросила его:

— Неужели, папа, так обижают солдат?

— Я, дочка, дорого бы дал, чтобы все, что пишут, оказалось неправдой, но ведь еще пишут не все! Недавно в военном министерстве мне рассказывали такие вещи, что просто стыдно было слушать... А там ничего — еще улыбались чиновники...

Старик продолжал разговор на эту тему, как на террасу вошла Александра Матвеевна. Она была в кисейном капоте, в соломенной шляпке, украшенной цветами; в руках у нее был букет цветов. На ее некогда красивом лице очень заметны были следы подкраски и подрисовки.

С приходом жены Чепелев быстро замолчал, как-то весь съежился и уткнулся в карту.

— А вы все продолжаете воевать? — заметила Александра Матвеевна. — Что, муж сегодня будет? — обратилась она к Елене.

— Не знаю... Он никогда не предупреждает...

— Ну, а как его завод? Скоро будет готов? Ты что-нибудь слышала?..

— Я не вмешиваюсь в его дела, мама!

— И глупо делаешь, моя милая... Нельзя же не знать, как идут дела... Кажется, муж — не чужой человек... Я тебя спрашиваю, потому что вчера в Павловске мне говорили, будто завод этот плохо подвигается... Советую узнать! — прибавила она, потрепав Елену по щеке, и прошла в сад.

— Завтракать меня не ждите! — крикнула она из сада.

Отец и дочь переглянулись, но не сказали ни слова. Только Елена под влиянием теплого чувства обхватила своими руками седую голову отца и нежно его поцеловала.

— Ах ты, моя милая! — прошептал старик, и слезы закапали из его глаз...

— Ты знаешь, Леля, и до меня доходили слухи, — сказал он, нежно глядя в глаза дочери, — что дела твоего мужа скверны. Говорят там о каких-то залогах. Но я этому не верю!..

— Я, папа, ничего не знаю... Он мне ничего не говорит... Знаю только, что последнее время он что-то опять стал мрачен... Верно, что-нибудь да есть...

— Он, говорят, слишком доверился своему американцу...

Елена ничего не ответила. Ее это почти не занимало.

— Бог с ними, с этими делами, папа!..

В это время в саду показалась горничная Елены. Она быстро приблизилась к террасе и доложила Елене, что приехал Василий Александрович.

— Ну, до свидания, папа... Вечером я к тебе забегу, а может быть, ты зайдешь к нам?

— Нет уж, Леля... ты извини... я...

— Знаю... знаю... Ты недолюбливаешь мужа... Ну, и не надо... Я к тебе забегу...

Она прошла через сад, поднялась на террасу своей дачи и, заглянув в маленькую гостиную, увидела мужа. Он не заметил ее и сидел

на диване такой расстроенный, бледный, печальный, что Елена испугалась. Она тихо подошла к нему. Он поднял голову и хотел улыбнуться.

— Здравствуй, Леля... — как-то нежно прошептал он, целуя ее руку. — Здорова?

— Я здорова, а ты... Что с тобой?..

— Со мной... Особенного ничего, если хочешь! — улыбнулся он. — Немножко дела неладно идут, но, надеюсь, все скоро уладится... Вчера я получил телеграмму, что мой американец сбежал... Я распорядился послать туда доверенного и надеюсь, что все обойдется.

— Но ты бледен... На тебе лица нет!

— Это ничего... Это следы бессонной ночи... Я всю ночь не спал за работой... А в городе так душно... и я хотел приехать к тебе... здесь отдохнуть... Ты не сердись за это?..

Что-то подсказало Елене, что с ним случилось какое-то несчастье. Он говорил как-то странно. Его ласковый тон щемил ей сердце. Она взглянула на него. Он старался весело улыбнуться. Потом вдруг взял ее руку, поднес ее к своим губам, крепко поцеловал ее и тихо,

совсем тихо произнес печальным голосом:

— Ведь ты не очень-то рада моему приезду... Ведь так?.. О, не говори ни слова... Я ведь по глазам твоим вижу... В них участие к человеку, но не любовь. Не правда ли?..

Елена опустила голову и молчала.

— Я, Елена, понимаю... Я вижу все и, видит бог, не виню тебя... Но только позволь мне побыть с тобой. Эти дела так надоели... так надоели! — проговорил он, хватаясь за голову. — Голова трещит! — попробовал он рассмеяться.

Но смех вышел какой-то глухой, странный.

Елене было жутко.

— Однако я и на тебя навел хандру... Ну, я не буду ныть... Расскажи о себе... Расскажи, что ты делала... Ведь я тебя целую неделю не видал... Была ли ты где или только с отцом виделась? Рассказывай же!

Он почти умолял. Елена присела около и начала болтать какой-то вздор. Он слушал и весело улыбался. Потом вдруг он спросил среди ее болтовни:

— А ведь ты очень любишь Венецкого? Ну... ну... не сердись... Я так... продолжай, по-

жалуйста!..

И он так нежно взглянул на жену, что Елена опустила глаза...

— Впрочем, ты устала... Я пойду отдохнуть. После сна я, верно, поправлюсь...

— Послушай, не послать ли за доктором?

— Что ты, что ты, зачем доктора?

Он как-то странно усмехнулся, поцеловал Елену и пошел в свою комнату.

Не прошло и часу, как Елене подали телеграмму на имя Борского. На телеграмме было написано: «Экстренно». Елена колебалась, отнести ли сейчас мужу депешу или подождать, пока он проснется. Ей жаль было беспокоить его. Но в то же время Елену смущала эта надпись. «Быть может, что-нибудь важное!» — подумала она и решила подняться наверх и посмотреть, спит ли муж. Если спит, — она не потревожит его. Елена поднялась наверх, тихо подошла к дверям кабинета и стала прислушиваться. За дверями было тихо. Она приложила ухо, — ничего не слышать. Ей вдруг сделалось страшно, что в кабинете такая тишина. Она нагнулась, взглянула в замочную скважину, и вздох облегчения вырвался из

груди ее. Она увидела мужа. Он сидел за письменным столом, боком к ней, облокотившись на локти. Лицо его было серьезно и печально.

Она тихо постучала в двери. Ответа не было. Тогда она постучала сильнее.

— Кто там? — раздался недовольный голос Борского.

— Это я! — тихо проговорила Елена.

Послышались шаги. Борский отворил двери, ласково протянул руку и, вводя Елену в кабинет, проговорил с какой-то задушевной нежностью:

— Это ты!.. Вот не ожидал!..

— Ты извини, что я побеспокоила тебя...

— Полно, Елена! — перебил ее Борский. — Напротив, очень рад... хотел заснуть, но не спалось...

— Сейчас принесли телеграмму, — тихо проговорила Елена, подавая телеграмму.

— Телеграмму!

Борский вдруг изменился в лице. Он почти вырвал из рук жены телеграмму и стал читать.

Елена не спускала с него глаз. Она увидела, как побледнело его лицо и не то испуг, не то

страдание исказило его черты.

— Когда ее принесли?

— Минут пять тому назад!

— Пять минут? — машинально повторил он, хватаясь за спинку кресла.

У него кружилась голова. На лбу показались крупные капли пота. Он едва стоял на ногах.

Елена быстро налила стакан воды и, подавая ему, испуганно заметила:

— Выпей... Успокойся, ради бога... Что с тобой!.. Я сейчас съезжу за доктором!

Он только отрицательно покачал головой, но не сказал ни слова. Он глядел на Елену растерянным взглядом и крепко держал ее за руку.

— Выпей же соду... Выпей скорей!..

Борский с жадностью выпил воду, опустился в кресло и через несколько секунд заметил, стараясь улыбнуться:

— Я напугал тебя, Елена?.. У меня за последние дни нервы совсем расстроены... Мне надо совсем успокоиться! Всякое известие волнует меня... Вот хоть бы эта... эта телеграмма! В ней ничего особенного нет... Право,

ничего!.. А ты испугалась... Вон какая стала бледная... Извещают, что завод не действует... Это надо было ждать!

— Прости мне за непрошенный совет. Оставь ты на время дела, Vasile... Отдохни!

— Я их скоро оставлю... Еще не сейчас... теперь еще невозможно...

— Будто невозможно?.. Ведь если б даже дела твои и расстроились, неужели они стоят таких мучений?.. Послушай, Vasile... Ведь не для меня же ты хлопчешь. Ты знаешь, я не привыкла к той роскоши, которою ты окружил меня... И если бы ты захотел, мы могли бы жить...

Она остановилась. Борский смотрел на нее пристальным взглядом, и горькая усмешка скользнула по его губам.

— Ты говоришь «мы», а следовало бы говорить про одного меня... Ведь есть, Елена, граница и твоему самоотвержению... не правда ли?..

Елена молчала.

— Я слишком далеко зашел, Елена, чтоб остановиться. И если бы хотел, то не мог бы... Ты этого не понимаешь! Ты не видала азарт-

ных игроков, которые ставят на карту все, и, когда проигрывают...

Он грустно усмехнулся.

— Но у меня еще есть исход... самый верный! — проговорил он как-то загадочно. — А теперь, Елена, надо ехать в город!

Он взглянул на часы.

— Поезд идет через четверть часа, и мне надо торопиться.

Они спустились вниз.

Он протянул руку, нежно заглянул Елене в глаза, прикоснулся холодными губами к ее лбу и вышел в сад.

— Я провожу тебя!.. — нерешительно заметила Елена.

— Нет, не беспокойся...

Борский послал ей приветствие рукой и твердыми шагами пошел к вокзалу.

Елена еще долго глядела ему вслед, потом тихо вернулась в комнаты и долго ходила взад и вперед.

— О господи, какая мука! — шептала она в бессильном отчаянии.

Она жалела мужа, и в то же время в голову ее невольно подкрадывался образ любимого

человека.

Глава двадцать первая

Последний шаг

Удар следовал за ударом с поразительной быстротой. Одна другой грознее телеграммы сыпались эти дни от доверенного Борского, посланного узнать на месте, в чем дело. Завод рухнул, американские печи оказались вздором. Джеферс бежал за границу, захватив из кассы сто тысяч; из громадного количества заготовленного хлеба более половины было подмоченного и гнилого.

На бирже уже известно было, что Борский накануне банкротства. Кредиторы пришли в смятение. Те, которые дали залоги, еще не теряли надежды, что они получают залоги из министерства.

Был девятый час ясного, необыкновенно теплого сентябрьского утра. Бледный, с ввалившимися от бессонной ночи глазами, осунувшийся, постаревший на десять лет, сидел Борский за письменным столом. Он быстро списывал четвертый листок письма. На

мгновение он останавливался, приподнимал голову, как бы приискивая выражения, и снова писал.

Наконец он кончил и стал перечитывать письмо. Печальная улыбка скользила по его сухим, горячим губам. Из глаз медленно скатилась слеза.

Он оставил письмо, взял со стола большую фотографию Елены и долго, долго смотрел на портрет...

— Она простит, — прошептал он, прикладывая губы к портрету.

Борский медленно сложил письмо, вложил его в конверт, запечатал и надписал на нем: «Елене, в собственные руки».

После этого он встал, подошел к окну и открыл его. Свежая струя ворвалась в комнату с Невы. Он с наслаждением вдыхал воздух и, глядя на реку, на которой дымили пароходы, задумался.

— А жить хочется! — вдруг вырвался из его груди какой-то отчаянный стон... — Как хорошо сегодня!

И ему все показалось особенно хорошим сегодня: и небо, и река, и блеск солнца, и лю-

ди, проходившие по набережной.

— Василий Александрович, чаю прикажете?

Борский обернулся и рассеянным взглядом смотрел на лакея. «Что такое он говорит?»

Лакей повторил вопрос.

— Ах, чаю?.. Как же, как же... подай чаю!.. Я выпью с удовольствием!..

Он снова стал глядеть в окно и с каким-то особенным любопытством стал всматриваться во все окружающее, на что прежде не обращал никакого внимания.

Вот проезжает мимо извозчик. Извозчик поднял голову и, заметив устремленный на него взгляд Борского, приостановил лошадь и махнул головой, предлагая свои услуги. Лицо извозчика показалось Борскому таким веселым, здоровым, хорошим... Борский улыбнулся, отрицательно покачал головой, а извозчик привстал, неизвестно зачем стегнул лошадь и быстро понесся по набережной.

Вот идет девочка с нянькой... вот два мужика облокотились на набережную и едят черный хлеб, круто посыпанный солью... Борский глядел на них, жадно глядел и...

Резкий звонок раздался в эту минуту в прихожей. Борский вздрогнул и отошел от окна.

— Прикажете принимать? — как-то участливо заметил слуга, ставя перед Борским стакан чаю.

Борский поймал этот участливый взгляд, и ему слуга показался совсем другим в эту минуту. Ему захотелось вдруг пожать ему руку.

— Сказать, что уехали на дачу, Василий Александрович?..

— Нет... нет... Принимай... Все равно...

Через минуту в кабинет вошли четверо господ. Они были взволнованы. На всех этих лицах был страх. Они взглянули на Борского, поклонились молча, сели и вдруг заговорили все разом тихим голосом, точно понимая, что перед ними совсем больной человек.

Борский слушал их с холодным вниманием. Это были главные кредиторы, у которых были взяты залогом. Один из них, толстый коренастый господин, в купеческом платье, попробовал было улыбнуться и, точно подбадривая себя, проговорил веселым пискливым голосом:

— Бог даст поправитесь, Василий Александрович. С кем этого не бывает?.. А мы вот к вам с просьбою насчет залогов... Как бы получить их из военного министерства!

— Их нет там! — медленно произнес Борский.

— То есть как же это?.. Вы изволите шутить? — прошептал купец дрожащим голосом, вытягивая вперед свою толстую шею.

Борский взглянул на своих гостей. Глаза их со страхом и надеждой следили за малейшим движением Борского. Лица как-то замерли...

— Я не шучу, господа. Ваших залогов там нет. Там только пятьсот тысяч, а я взял у вас до двух миллионов! — отчетливо произнес Борский.

В течение нескольких секунд все молчали. Борский смотрел, как постепенно все эти лица искажались злобою и ненавистью. Большие глаза толстого купца наливались кровью и, казалось, готовы были съесть Борского; крупные капли пота выступили на лбу. Он хотел было подняться, но грузно опустился в кресло и, как раненый зверь, замотал головой.

Вдруг все громко заговорили. Раздались клятвы, ругательства, проклятия.

— Подайте деньги... Подай наши деньги!

Борский молча выслушивал весь этот град брани. Он точно окаменел. Только губы его вздрагивали, словно бы их кто дергал за ниточку.

К нему подступили совсем близко. Но он взглянул таким странным взглядом, что все попятились назад.

— Ведь вы пошутили?.. Ну, и довольно!.. — заговорил вдруг самым льстивым голосом толстый купец. — Ведь я последнее отдал вам... Последнее!.. — произнес он и вдруг зарыдал, всхлипывая, как ребенок. — Не погуби!..

И с этими словами толстяк бросился в ноги, обнимая колени Борского.

Борский вскочил как ужаленный.

— Господа! Простите меня, но денег нет...
Делайте со мною, что хотите... Я банкрот!..

— А, когда так... мы тебя в Сибирь упрячем... В Сибирь!..

И все кричали: «В Сибирь, в Сибирь!..»

— Что с ним разговаривать?.. Едем, госпо-

да, сейчас к прокурору...

Они ушли, а Борский вслед за ними печально улыбнулся.

— Пора! — прошептал он, отодвигая ящик письменного стола и доставая оттуда револьвер.

Он осмотрел заряды, положил револьвер под бумаги и взглянул на часы. Было десять часов.

«Еще полчаса есть... Полчаса... ведь это целая вечность!»

Он вспомнил о чае и выпил весь стакан. Потом позвонил и приказал лакею немедленно послать кучера на дачу с письмом.

— Скажи, чтобы непременно отдал в собственные руки... Да вот три рубля на проезд...

Лакей ушел, а Борский снова подошел к окну и задумался.

Вся жизнь пронеслась перед ним. Когда-то он был беден, очень беден, и жил в одной комнате. Теперь он так же беден в этой громадной квартире. Он искал счастья в наживе, и вот он у пристани. А там, за окном, как нарочно, жизнь казалась такой прекрасной... «Отлично было бы теперь прогуляться!» —

пронеслось у него в голове, и он улыбнулся, что теперь и такие мысли... Вон небо сегодня такое безоблачное... хорошее... Он вспомнил, как ребенком, бывало, он любил глядеть на небо, и хорошо было так. Потом он никогда уже так не смотрел... некогда было.

— Однако который час?

Он взглянул на часы. Стрелка показывала четверть одиннадцатого.

Он отошел от окна, походил по кабинету, зачем-то взглянул за двери, взял газету, машинально прочел о бенефисе г-жи Филиппо и стал прислушиваться. Все было тихо, только часы мерно чикали. Вот чьи-то шаги... «Это, должно быть, Николай! Это его шаги. Что ему надо?»

— Николай, это ты?..

Ответа нет.

«Должно быть, показалось!» — подумал Борский, подошел к зеркалу и испугался своего лица, — до того оно было старое, изнуренное, словно бы чужое лицо.

— Теперь, кажется, звонят? — прошептал он и схватился за револьвер.

Но все было тихо.

Борский взял листок бумаги и начал рисовать какие-то лица, потом стал чертить цифры. Он подвел итог, — выходила громадная сумма в два миллиона рублей.

— Пассив не маленький! — прошептал Борский, продолжая писать цифры. — Актив совсем ничтожен. Бедная Елена! Впрочем, по счастью, она меня не любит! Разве поплачет из жалости! — усмехнулся Борский.

Но кто его любит? Где его друзья?

Он вспомнил, что никто.

— А когда-то были! — проговорил он. — Но тогда и я был другим...

Он облокотился на стол, и мысли его были далеко от настоящего. Перед ним проносились годы первой молодости, веселые, добрые лица бывших друзей.

«По крайней мере увидят, что кончил хорошо! — грустно улыбнулся Борский. — Не струсил перед концом!»

— Василий Александрович! — испуганно проговорил Николай, вбегая в комнату. — Василий Александрович!

Борский поднял голову.

— Звонят! сильно звонят! Я не отворю, а

вы уезжайте через черный ход... Я распорядился... Лошадь готова... Вы уж извините!

Борский, казалось, не понимал, о чем говорил Николай. Он сосредоточенно глядел в его лицо, но не ответил ни слова.

Снова раздался нетерпеливый звонок.

Борский услышал его.

— Право, уезжайте, Василий Александрович... Я и пальто вот приготовил, а то эти мужланы опять придут... Уезжайте! — с мольбой в голосе говорил Николай.

— Уезжать?.. Спасибо тебе, мой друг... Спасибо!.. — заметил Борский, нежно взглядывая на Николая. — Но только ехать мне некуда... Иди, отворяй двери!

Николай вышел. Борский встал, запер на ключ двери и снова сел к письменному столу, взял в руки револьвер и взвел курок.

«Еще минуту! Минута моя!..» — подумал он.

В прихожей раздались сердитые знакомые голоса.

— Пора! — прошептал Борский, расстегнув сюртук, и приставил дуло револьвера прямо к телу, около сердца. Ощущение холода заста-

вило его вздрогнуть. Рука невольно опустилась, и отчаянный, тоскливый взгляд обратился к отворенному окну...

За дверями громко говорили. Борский взглянул еще раз на голубое небо и повернул голову к дверям. В дверях двигалась ручка... Кто-то громко стучал.

Он машинально поднял руку, приложил дуло к сердцу, зажмурил глаза и дернул за собачку раз, потом другой...

Два выстрела один за другим раздались в кабинете.

Когда выломали двери, Борский был мертв. На столе лежала записка следующего содержания: «Прошу прощения у всех. Потерявши честь, остается потерять жизнь, что я и решил сделать. Точные сведения о моих долгах и о моем имуществе лежат в запечатанном пакете. Сведения малоутешительные, хотя и верные».

Глава двадцать вторая

Последнее письмо

Когда Елене подали письмо и она прочла первые строки, у нее потемнело в глазах, она потеряла сознание и без чувств упала на руки горничной. Когда она пришла в себя, около нее уже был старик отец. Она непременно хотела немедленно прочитать письмо, и старик дрожащим от волнения голосом прочитал следующие строки:

— «Дорогая Елена!

Когда ты будешь читать мое письмо, меня не будет в живых. Прости, что я испугал тебя таким концом, но конец этот являлся единственным неизбежным исходом. Я рисковал

всю жизнь и не всегда разбирал средства, — не приходится теперь останавливаться перед риском смерти. Лучше смерть, чем позор, презрительные взгляды тех самых людей, которые у меня ели и пили, и наконец перспектива суда и ссылка за... за мошенничество... Я хотел было не писать тебе этого слова, тебе, честной и правдивой натуре, но теперь, у порога смерти, я не решаюсь обманывать тебя... Да, я сделал мошенничество: я взял залоги, чтобы внести их в военное министерство, но не внес. И так как эти деньги пропали вместе с заводом, на который я легкомысленно возлагал надежды, то мое дело потеряно навсегда... Я увлекся возможностью быстрой наживы и поставил все на карту. Карта убита, — убит и я. Если бы она была дана, я возвратил бы деньги и никогда не думал бы, что я сделал мошенничество... Мы, игроки наживы, меряем нравственность успехом.

Но не для того я взялся за перо, чтобы посвящать тебя, чистую и непорочную, в эту грязь, которая для тебя всегда была грязью, а не золотом, и которая мне казалась грязью только в редкие минуты просветления и те-

перь, когда приходится подвести итоги... Я взялся за перо, чтобы вымолить у тебя прощение, надеюсь, что ты, хорошая и добрая, найдешь в своем сердце сострадание и для меня, несмотря на признания, которые я должен сделать, как это мне ни трудно...

Я обманул тебя, обманул твоего отца, для того чтобы жениться на тебе. Я не любил тебя тогда, — не любил, как любят люди, связывающие с своей судьбой судьбу другого существа, — и сделал предложение не тебе, а наследству, которое, думал я, ты получишь от твоего дяди. Я знал, что ты любишь другого, но я знал также, что ты любишь твоего честного отца, и вот на твоей привязанности к нему я основал свои расчеты. Тебе сказали, — прости, если можешь, и той, которая сказала тебе, — что семье грозит разоренье, что твоему любимому отцу грозит позор и что я являюсь спасителем, и ты с самоотвержением согласилась быть женой нелюбимого человека. Ты не скрыла этого от меня и просила только об одном, чтобы отец твой никогда не знал о твоём поступке...»

— Леля... Дорогая моя!.. Как же!.. — прого-

ворил, прерывая чтение, рыдая, старик и бросился на шею к дочери.

— Папа... папочка... успокойся!

Оба они утирали друг у друга слезы, и только через несколько времени Елена взяла письмо и продолжала:

— «Я женился и думал заслужить твое расположение. Мысль о том, что я разбил твою жизнь, мучила меня, и я не раз порывался все сказать тебе и просить пощады... Ты видела, как я был раздражителен... ты видела, как я ревновал тебя... Но я медлил признанием в надежде, что ты когда-нибудь полюбишь меня, так как я сам начинал любить тебя и любил, когда уже было поздно... Я, как безумный слепец, все еще надеялся, хотя хорошо понимал, что ты любишь другого... Но я все-таки решил, что я не стану у тебя на дороге... Ты помнишь наш разговор на даче?.. Если бы я не сделал тебя теперь свободной вдовой, а бы умолил тебя о разводе, и хотя поздно, но поправил бы свое преступление...

Теперь ты знаешь все... Можешь ли простить меня? Если можешь, — прости и пожалей о человеке, которому бог дал все, чтобы

быть человеком, но который забыл бога и помнил только себя...

Мне стыдно тебе говорить о деньгах. Как-то неловко извиняться перед тобой, которую я ограбил нравственно, в том, что я истратил и те тридцать тысяч, которые ты получила от дяди... У тебя есть бриллианты. Продай их, за них ты все-таки что-нибудь выручишь...

Прощай, Елена... Прости... Не хочется умирать, но, к сожалению, надо... Мне остается единственное утешение, что ты теперь свободна, и я умоляю тебя об одном: не носи по мне траура и скорей, скорей соединишься с человеком, который достоин тебя. Это моя настоятельная предсмертная просьба, а ведь просьбы умирающих священны...

Хотелось бы еще написать тебе... Хотелось бы опять начать мольбу о прощении, но время идет... Я знаю, я чувствую, что ты простишь, и эта уверенность придает мне спокойствие в последние часы моей жизни. Упроси отца, чтоб и он не проклинал меня!..»

Елена кончила. Слезы душили отца и дочь.

С первым же поездом они поехали в Петербург. Елена повезла с собой все драгоценные

вещи, подаренные ей мужем, и, когда приехала на квартиру мужа, отдала их судебному следователю.

Мать была в ужасе, узнавши на другой день об этом поступке. Она стала было ее упрекать, но Елена тихо заметила:

— Мама... не говорите... Я знаю, что я делаю!..

— Но на что же ты будешь жить?..

— Будьте покойны, мама, вам во второй раз не придется приносить меня в жертву для спасения папы...

— Ты это на что намекаешь?..

— Я все знаю, мама... Слышите ли, все!

Александра Матвеевна изменилась в лице, но не ответила ни слова. Какая-то заискивающая улыбка появилась в ее глазах, и она избегала смотреть прямо в глаза дочери.

«Неужели она все знает?» — подумала она со страхом...

В большой зале на столе лежал покойник, и священник служил панихиду. Кроме Чепелевых и вдовы, никого не было, хотя в газетах уже появилась заметка о самоубийстве.

Панихида только что кончилась. Дьячок

заунывным голосом читал псалтырь, а Елена с отцом прошли в дальние комнаты, они молча сидели и оба задумались. Машинально Елена взяла со стола газету, развернула и вдруг стала бледней полотна... Зрачки расширились и в ужасе смотрели в одно место.

— Лена... Голубушка! что с тобой?..

— Папа... Папочка!.. — прошептала она каким-то жалобным тоном, словно ребенок, молящий о помощи.

Старик заглянул в газету. В телеграмме в числе опасно раненных оказался штабс-капитан Венецкий.

Генерал перекрестился и обнял Елену. Она затрепетала в его руках, как подстреленная птичка.

— Господи... За что же? за что? — прошептал старик, прижимая к своей груди полумертвую Елену.

Глава двадцать третья

За границей

I

Целую неделю Варвара Николаевна каталась по румынским железным дорогам в надежде нагнать Привольского и еще раз обнять его. Какое-то капризное желание влекло эту женщину, заставляя ее пересаживаться с поезда на поезд, сердиться на остановки и на скверные гостиницы. Верившая предчувствиям, она сердилась и плакала, когда в сердце ее закрадывалась мысль, что она больше не увидит своего любовника. Она ехала дальше, расспрашивала офицеров, где полк, который она искала, получала самые сбивчивые сведения и сердилась на Парашу, когда та советовала ей вернуться.

Катанье ее было безуспешно. Она не встретила с Привольским и узнала наконец от одного знакомого генерала, что полк, в котором служит Привольский, уже за Дунаем и получил немедленное назначение идти за Балканы к отряду генерала Гурко.

Это известие заставило ее поплакать и успокоиться. Дальше ехать было некуда, и наконец, она так устала.

Варвара Николаевна вернулась в Бухарешт. Там она рассчитывала отдохнуть несколько дней, кстати, повидаться с новым уполномоченным, назначенным вместо Башутина, а затем или ехать куда-нибудь на воды за границу, или вернуться в Россию, — она еще не решила.

Утомленная, разбитая после непрерывной езды и гадких гостиниц, Варвара Николаевна обрадовалась, когда ранним августовским утром поезд пришел в Бухарешт и она очутилась наконец в очень недурном номере лучшей гостиницы.

Она тотчас же взяла ванну, выпила чашку кофе и с удовольствием уставшего человека улеглась на кушетке в капоте, с распущенными волосами.

Она наконец могла сосредоточить свои мысли и спокойно обдумать свое положение. Она вспомнила сперва о Привольском, но — странное дело! — теперь, когда она знала, что он далеко, что он не может прийти к ней и

целовать ее со страстью здорового юноши, она гораздо спокойнее думала о нем и даже назвала себя сумасшедшей, вспомнив, что она, как девчонка, рыскала по железным дорогам. Она старалась отогнать от себя такие мысли и в то же время досадовала, что так дорого дала Башутину за свои письма... Она, конечно, любит этого юношу, но к чему она так поспешила с Башутиным? Он ее поддел на удочку... Делец заговорил в ней и победил любовницу.

— Я совсем вела себя, как девчонка! — прошептала она. — Нет... нет!.. Я по-прежнему люблю его!..

Она хотела уверить себя, что по-прежнему любит Привольского, но сердце ей подсказывало другое.

«Неужели это был только порыв... один порыв?» — допрашивала она себя.

Она велела Параше подать себе шкатулку и стала перебирать свои письма к Башутину...

— И я его когда-то любила! — шепнула она, перечитывая некоторые письма. Просматривая другие, она испуганно качала головой.

«Все уничтожить!» — решила она, заперла письма в шкатулку и отдала Параше.

Мысли начинали путаться. Разные лица неясными тенями мелькали в усталом мозгу. Усталость взяла свое, и она заснула.

Был пятый час, когда Варвара Николаевна проснулась.

— Вы спали, барыня, отлично! — заметила Параша.

— И страшно проголодалась. Скорей прикажи давать обедать.

Она ела с аппетитом и после обеда хотела было ехать разыскать доверенного, но вместо того присела к столу и стала писать письмо к Привольскому.

Ей словно хотелось обмануть и себя и любовника, и она написала самое восторженное, горячее письмо. Когда она прочитала его, ей показался фальшивым этот восторженный тон письма, но она все-таки запечатала его и попросила Парашу отнести на почту и привести ей коляску.

Она присела к окну и рассеянно смотрела на улицу.

— Барон! — вдруг крикнула она, увидав

проходившего мимо старого своего друга.

Барон поднял голову, весело улыбнулся и через минуту уже целовал руки очаровательной женщины.

— Вы какими судьбами здесь, барон? — спрашивала его Варвара Николаевна.

— Да все из-за вас, прелестная женщина.

— Как из-за меня?

— Вы приказали отпустить Башутина и, конечно, хорошо сделали... Я прислал сюда одного человека вместо него, но хотел сам посмотреть, что здесь делается...

— И что же?..

— Все прекрасно... Мы с вами поставляем превосходные сухари и получаем хорошие деньги... Но бог с ними, с делами... Я так рад, что наконец вас увидел... так рад...

И барон снова стал целовать руки Варвары Николаевны. Маленькие его глазки стали со-
веть.

— А вы... вы где пропадали?.. — заметил он печальным голосом. — В последнее время вы нигде не показывались, вдруг умчались из Петербурга, и, если бы не ваша телеграмма из Ясс, я бы не знал, где вы...

— Ах, барон!.. Мне просто стало скучно, и я поехала прокатиться...

— И ни слова старому другу?.. В Петербурге рассказывали, что будто вы...

— Погналась за любовником? — перебила Варвара Николаевна.

— Да!.. — прошептал барон.

— А вы не верьте всему, что говорят, мой милый друг, если хотите оставаться со мной в дружбе... Слышите?

И Варвара Николаевна так нежно заглянула ему в глаза, что барон дал слово ничему не верить.

Она толково расспросила его о делах и, по обыкновению, совсем очаровала влюбленного старика. Они вместе катались по городу, потом ужинали и за ужином выпили бутылку шампанского. Когда барон возвращался домой, то он трогательно распевал пьяным голосом какой-то чувствительный романс и долго не мог заснуть, вспоминая эту очаровательную, но неприступную женщину.

А Варваре Николаевне тоже не спалось. Она задавала себе вопрос, к чему она кокетничает с этим «плюгавым» бароном, и груст-

но усмехнулась, вспомнив Привольского.

— Ах! Если бы он был здесь со мной!.. — печально прошептала она и стала думать о том, как бы ей вернуть пятьдесят тысяч, отданные Башутину.

II

Через неделю они с бароном поехали в Мариенбад. Барон был в восторге, что они едут вместе, ухаживал за Варварой Николаевной, бегал на станции за фруктами и ревновал ее к пассажирам, с которыми Варвара Николаевна иногда весело болтала. Особенно смущал его один красивый молодой итальянец, с которым они познакомились на пароходе. Итальянец сперва сказал, что едет в Карлсбад, но когда Варвара Николаевна шутя сказала, что в Мариенбаде лучше, то он немедленно объявил, что доктора предоставили ему на выбор то или другое место и что он выбирает Мариенбад.

Варвара Николаевна слегка кокетничала с итальянцем и вместе с ним подсмеивалась над старым бароном. Скоро они сошлись точно старые знакомые. Варвара Николаевна весело смеялась глазами, замечая нередко упор-

ные взгляды больших черных с поволокою глаз молодого итальянца, который скверным французским языком с порывистостью жителя юга и с фамильярностью художника просил позволения снять с нее портрет и говорил ей об ее красоте.

Когда они втроем приехали в Мариенбад, то барон ходил как в воду опущенный.

— Полно, полно... дуться!.. — ласково заметила она ему. — Интересный молодой человек, и... больше ничего!.. Ну, чего вы так смотрите, барон?

И барон снова оживал.

Варвара Николаевна наняла себе прелестное отдельное помещение в три комнаты около самого леса, вдали от Крейцбруннена.

Барон с итальянцем остановились в гостинице. В вилле, которую выбрала Варвара Николаевна, не было ни одной свободной комнаты, и барон очень огорчился, когда Варвара Николаевна сказала, что она этому очень рада.

На другой же день Варвара Николаевна послала Привольскому телеграмму и написала письмо, в котором сообщала свой адрес и

умоляла его написать скорей.

В Мариембаде Варвара Николаевна опять сделалась нервная. То по целым дням была весела, то, напротив, хандрила, была раздражительна и капризна, так что и барон и итальянец только разводили руками, сопровождая ее, по обыкновению, у Крейцбруннена, или в Вальдмюле, или в Швейцергоф, где Варвара Николаевна любила пить кофе.

Однажды часу в пятом, когда обыкновенно мариенбадские больные рассыпаются по окрестностям пить кофе с горячим молоком, Варвара Николаевна под руку с итальянцем поднималась по лесной аллее на Vilhelm's Höhe. Барон с трудом поспевал за ними. В лесу было хорошо: пахло душистой сосной, веяло лесной свежестью. Итальянец горячо о чем-то рассказывал, а Варвара Николаевна смеялась глазами, слушая восторженные полупризнания. Она была очень хороша в своем изящном сером костюме, обвивавшем ее стройную, гибкую фигуру. Лицо ее было оживленно, глаза улыбались.

— Однако мы оставили барона далеко позади!.. — смеясь, заметила Варвара Николаевна.

на, останавливаясь.

— Вы не хотите меня слушать? — сердито проговорил итальянец.

— Отчего ж?.. Но только втроем будет веселей... Как вы думаете?

И она так лукаво взглянула на молодого художника, что он с сердцем проговорил:

— Шутить, синьора, нехорошо!

— А разве я шучу? Я думала: вы шутите! Барон, идите скорей! — крикнула она барону.

Отдохнувши, все стали подниматься. Итальянец мрачно молчал, а Варвара Николаевна поддразнивала барона, рассказывая ему по-русски, что у итальянца прекрасные глаза и белые зубы. Барон находил его тривиальным и нежно нашептывал Варваре Николаевне, что она очаровательна.

— Ах, барон, если бы вы знали, как все это надоело!.. Я думаю скоро уехать отсюда!.. Слава богу, вот и скамейка! Присядемте!

Они уселись на скамье, стоявшей на площадке. Это было Charlotten's Hofe. Напротив них сидели две дамы и мужчина.

— Здесь хорошо, но только скучно, не правда ли? — промолвила Варвара Николаевна.

на по-русски, обращаясь к барону. — Посмотрите-ка на итальянца. Он все, верно, сердится... Я люблю сердить его!

Мужчина, сидевший напротив, пристально посмотрел на Варвару Николаевну и не спускал с нее глаз.

— Что ж, пойдём дальше, барон?

— Как хотите...

— Спросим у итальянца!..

Он мрачно отвечал, что ему все равно.

— Так пойдёмте вниз!

Все стали спускаться молча. Варвара Николаевна отказалась от руки, предложенной итальянцем, и шла одна. Веселое расположение духа давно исчезло. На нее вдруг напала хандра, и она почему-то вспомнила теперь, что не уничтожила своих писем к Башутину.

Она обернулась. Господин, сидевший на скамье, тихо шел следом за ними. Этот господин вдруг почему-то смутил ее. Почему? Она сама не могла себе объяснить. Они спустились вниз к Вальд-Квелле и выпили по стакану этой воды. Она оглянулась. Господин следил за нею глазами.

«Какая я глупая!» — промелькнуло у нее в

голове при мысли, что какой-то неизвестный господин может ее беспокоить. Она дошла до дому, простилась со своими спутниками, посмотрела вокруг, — никого не было.

Параша встретила ее с письмом в руках.

Варвара Николаевна взглянула на адрес, весело улыбнулась, узнавши руку Привольского, быстро разорвала конверт и стала читать.

С первых же строк лицо ее покрылось смертной бледностью и глаза сверкнули. Она скомкала письмо и бросила его на пол.

— Все кончено!.. — проговорила она сквозь зубы. — И он еще смеет упрекать!..

Она подняла письмо и прочитала громко:

— «Прошу вас избавить меня от писем. Я узнал, кто вы такая, и...»

— Узнал, кто я такая!.. — повторила она, нервно подергивая губой.

Горе, злость, оскорбленное самолюбие брошенной любовницы терзали ее. Она ходила по комнате в бессильной злобе. В эту минуту Привольский был ей противен, но в то же время как бы хотела она видеть его у себя, заставить на коленях умолять о любви и, нако-

нец, простить его.

Слезы наконец подступили к горлу, и ей стало легче. Она позвала Парашу и рассказала ей, как подло с ней поступили. Параша участливо заметила, что все мужчины такие...

III

В это время кто-то робко постучал в дверь. Варвара Николаевна вздрогнула и велела Параше сказать, что она больна и никого не принимает.

— А если итальянец?

— Не надо. Никого не надо!

Через минуту Параша вернулась и сказала, что какой-то незнакомый русский желает видеть ее по важному делу.

— Пусть придет завтра!

— Он просит немедленно вас видеть, — доложила, снова вернувшись, Параша и прибавила шепотом: — Он велел вам сказать, что не уйдет, пока не увидится с вами!..

У Варвары Николаевны тревожно забилось сердце. «Какое такое важное дело здесь, в Мариенбаде?» Ей почему-то вспомнился господин, следивший за ней на прогулке.

— Прими его! — выговорила она, сдерживая невольное волнение.

Она вытерла слезы, зажгла свечи, села на диван и устремила глаза на двери.

«Он или не он?» — думала она, ожидая с каким-то суеверным страхом этого странного посетителя.

«Он!» — чуть было не крикнула она, когда в комнате показался тот самый господин, которого она только что видела в лесу.

Господин этот был очень скромный на вид человек, лет сорока, с самым обыкновенным добродушным лицом. Одет он был очень скромно.

При взгляде на него Варвара Николаевна успокоилась и даже улыбнулась при мысли, что она могла испугаться такого смиренного и безобидного, по-видимому, человека.

— Извините, пожалуйста... Я побеспокоил вас! — проговорил скромный господин, бросая беглый взгляд вокруг. — Я имею честь говорить с Варварой Николаевной брефьевой?

— Да. Что вам угодно?

— Видите ли, в чем дело, Варвара Николаевна, — проговорил он, усаживаясь около нее

без приглашения, — я имею к вам одно поручение...

Он замялся и тихо прибавил:

— Отошлите вашу горничную.

Варвара Николаевна отослала Парашу.

— Я приехал, чтоб арестовать вас...

— Меня?.. Вы с ума сошли, или, вероятно, вы приняли меня за другое лицо? — проговорила Варвара Николаевна с достоинством, чувствуя в то же время, как сердце ее стало замирать.

— Вы не волнуйтесь, пожалуйста, Варвара Николаевна, — почти нежно проговорил скромный господин. — Я исполняю приказание... Вас велено доставить в Россию, и вы, конечно, не заставите меня обращаться к содействию австрийской полиции и делать скандал...

— Но за что же... за что?..

— Вас обвиняют в составлении подложного духовного завещания вместе с отставным поручиком Башутиным и мещанином Ефремовым... Они уже сознались и находятся в Петербурге...

Варвара Николаевна насмешливо взгляну-

ла на господина.

— А вы кто такой?..

— Я — агент сыскной полиции... Угодно удостовериться?

Он достал из кармана бумагу и показал ее Варваре Николаевне.

— Но я не виновата... Это клевета...

— Очень может быть, но я все-таки должен привезти вас... Когда вам угодно будет ехать?.. Вечером поезд идет в девять часов... Еще три часа времени, — и мы могли бы уехать сегодня... А пока позвольте осмотреть ваши вещи.

Она опустила голову и ничего не отвечала.

В девять часов они выехали из Мариенбада в Россию. Скромный господин очень довольно улыбнулся, ощупывая в своем боковом кармане пакет с письмами Варвары Николаевны.

На другой день барон тоже уехал в Россию, изумленный телеграммой, посланной ему со второй станции от Мариенбада Варварой Николаевной.

Глава двадцать четвертая

На перевязочном пункте

Венецкий очнулся на носилках. Быстро шагая по грязному полю, четверо солдат несли его, слегка покачивая, точно в люльке, к перевязочному пункту.

«Слава богу! Я жив!» — промелькнуло у него в голове, и сердце забилося радостью жизни. Он поднял глаза. Над ним нависли тяжелые свинцовые тучи, и крупные дождевые капли падали на его лицо. Начинало смеркаться. Изредка раздавались пушечные выстрелы, но уже не слышно было шипящего свиста снарядов. Стреляли где-то далеко. Бой, очевидно, замирал.

Венецкому казалось, что его несут тихо, но он не решился пожаловаться. Он слышал, как тяжело дышали солдаты, и чувство беспредельной благодарности к ним наполняло его умиленное сердце. По временам до него доносились жалобные стоны. «Верно, тяжелораненые!» — думал Венецкий и тут же эгоистично радовался, что он, верно, не так тяжело

ранен, что не стонет. Он чувствовал боль в ноге, чувствовал жар и какую-то тяжесть, но терпеть было можно. Он поднимал глаза к небу, вдыхал с наслаждением воздух, смотрел любовным взором на белые рубахи и на стриженные затылки двух солдат, шагавших перед ним, и жажда жизни охватила все фибры его молодого существа.

«Жить, жить, жить!» — вот одна мысль, неотвязно преследовавшая его. Ему показалось, что рана его совсем ничтожна, что он напрасно лежит на носилках и заставляет солдат нести себя; он мог бы сам дойти до перевязочного пункта. Под влиянием этой мысли он попробовал шевельнуть раненой ногой. Жгучая боль заставила его застонать. Опять он ощутил на ноге что-то теплое, мокрое.

— Ваше благородие! Алексей Алексеевич! — раздался над самой его головой прерывающийся от усталости знакомый участливый голос Барсука.

И Венецкому сделалось точно легче от этого участливого слова и совестно, что он не удержался от стога.

— Может, испить хотите? Я захватил води-

цы.

— Спасибо! Спасибо, голубчик Барсук. Не надо.

— Сейчас перевязочный!.. — утешил Барсук. — Рукой подать... Ну-ка, ребята, прибавь шагу! — скомандовал Барсук.

И солдаты прибавили шагу.

— Вы устали. Зачем спешить? Я, слава богу, не опасно, кажется, ранен!.. — промолвил Венецкий.

— Не велика беда для нас, ваше благородие, и устать маленько. Тоже и мы люди! — отозвался Барсук.

— Кабы все были такие господа, как вы! — заметил другой солдат. — Вы тоже нашего брата жалуете!..

«За что? За что они так добры ко мне? — подумал Алексей Алексеевич, умиляясь над наплывом теплого, хорошего чувства. — Что я для них сделал?»

Он пережил одну из тех редких минут, которые потом никогда не забываются. Каким недостойным казался он себе в эту минуту перед этими простыми людьми, которых не теснит только тот, кому лень, готовыми только

за доброе слово, за человеческое обращение отплатить сторицей.

«А мы... мы чем им отплачиваем?»

И перед ним пронеслись картины одна другой печальнее, одна другой возмутительнее...

— Вот и перевязочный, Алексей Алексеевич! — проговорил Барсук над головою Венецкого.

Солдаты остановились среди болгарской деревни, перед домом, на крыльце которого развеялся флаг с красным крестом. У крыльца, освещенного фонарем, суетился фельдшер и стояла куча легко раненных солдат.

— Неси сюда!.. — крикнул фельдшер.

Венецкого принесли в довольно большую комнату, освещенную свечами и фонарями. В комнате было душно и смрадно, несмотря на отворенные окна. На полу, устланном соломой, лежали рядами раненые, и комната оглашалась стонами и жалобами. У двух больших столов, посреди комнаты, доктора с засученными рукавами, в кожаных фартуках, работали над человеческим мясом; фельдшера с полотенцами стояли около... Венецкий

с ужасом взглянул на этот приют людских страданий. «На воздухе так хорошо было, а здесь так скверно!» — испуганно подумал он, и ему хотелось скорей на воздух.

Солдаты в нерешительности остановились, не зная куда идти.

В это время свежее румяное женское лицо заглянуло в носилки. Венецкий заметил мягкий взгляд, брошенный на него, и услышал тихий голос, обращенный к солдатам:

— Сюда несите. За мной!

Его пронесли к стене, в дальний угол, бережно опустили носилки и положили на солому рядом с другим раненым офицером.

— Воды, бога ради, воды! — простонал раненый, увидя сестру.

— Сейчас... сейчас я вам принесу пить, голубчик... Потерпите секунду! — говорила сестра, участливо взглядывая на раненого...

Тот ответил благодарным взглядом, перестал стонать и, взглянув на нового соседа, спросил:

— Вы куда ранены? Легко?

— В ногу. Кажется, легко.

— И я в ногу осколком гранаты, но тяже-

ло!.. — с завистью в голосе произнес он. — Господи!.. какая мука!.. Скорей бы доктор осмотрел, а то долго как! — снова застонал он.

— Я сейчас приду к вам! — обратилась сестра к Венецкому, — сию минуту! И вам воды принесу! — сказала она соседу.

С этими словами она торопливо ушла.

— Прощайте, ваше благородие! — проговорил Барсук, наклоняясь над Венецким.

— Спасибо... всем вам спасибо! Никогда не забуду, что вы для меня сделали...

Он протянул руку и крепко пожал руку Барсука.

— Кланяйся всем... Еще раз спасибо!

— Скорей, ваше благородие, извольте поправляться! — участливо сказали солдаты и ушли прочь.

Венецкий проводил их глазами и терпеливо стал дожидаться прихода сестры. Кровь лила из его раны.

Не прошло и минуты, как около него уже положили нового соседа, совсем мальчика, белокурого юнкера. Он был как смерть бледен, глядел испуганным, умоляющим взглядом и все хватался рукой за бок и вздрагивал,

когда в комнате раздавались отчаянные стоны...

Пришла сестра и сделала Венецкому перевязку. Боль была ужасная, но он терпеливо переносил ее. Он взглядывал на сестру, стараясь по лицу ее угадать, как опасна рана.

— Сестра... скажите... моя рана опасна? — наконец решился спросить Венецкий.

— Нет... Нисколько!.. Сейчас доктор осмотрит вас!..

— Сестра... Сестрица!.. Помогите мне!.. Если б вы знали, как я страдаю! — проговорил юнкер.

— Сию минуту, голубчик... Вот только с нами кончу... Вот и готово.

Она уже снимала шинель с мальчика-юнкера, наклонившись над ним. Венецкий заметил, как вдруг лицо ее стало угрюмо, и он понял, что рана бедного мальчика опасна.

— Голубушка! Скажите, ведь я... я буду жить?.. — спросил он робким, тоненьким голосом.

— Разумеется!.. — отвечала сестра, не глядя на него.

— Мне ведь вынут пулю? да?.. Но отчего ж

так тяжело... горит внутри... везде горит...
Дайте мне пить... пить... Скорее!

Сестра пошла за водой, а мальчик вдруг заплакал:

— Ах! Мне не жить. Я это чувствую... Боже, как тяжело!

Он вдруг весь вытянулся, отчаянно замахал рукой, хотел приподняться и в бессилии опустился на изголовье... Он тяжело, прерывисто дышал... глаза его стали мутнеть...

Пришла сестра, поднесла ему воды, но мальчик уже был мертв. Его тотчас же унесли.

Сосед продолжал стонать и жаловаться, что долго не осматривает доктор.

Наконец его понесли и положили на стол. Доктор стал возиться около него.

Венецкий смотрел на стол. Он увидел, как при свете блеснул какой-то нож и услышал какие-то отрывистые стоны: «Ах, не надо... Нельзя так. Доктор... доктор, ради бога, не надо!» Затем все смолкло... Через несколько минут что-то скатилось на пол. Венецкий увидел окровавленную ногу и зажмурил глаза.

Пришли за ним. Ему стало страшно, когда

его положили на стол и он увидел серьезное, вспотевшее лицо доктора. Руки его были все в крови. Он закурил папироску и отдышал, пока с ноги Венецкого снимали перевязку.

Доктор наклонился, пощупал руками около раны, подавил вокруг нее, потом взял зонд и запустил в рану.

— Больно? — спросил он его добродушно.

— Больно.

— Ну, это не беда. Поздравляю вас... Вы ранены очень счастливо... без повреждения кости! — весело сказал он и, обратившись к сестре, проговорил:

— Сделайте ему перевязку. Его можно сегодня же везти в госпиталь. Недель через пять будете совсем здоровы! — обрадовал он Венецкого, махнув ему головой. — Следующего! — крикнул доктор.

Венецкого унесли, и место его на столе было тотчас же занято.

— По счастью, я не ошиблась, когда сказала вам, что ваша рана не опасна! — ласково улыбаясь добрыми глазами, говорила сестра, оканчивая перевязку. — Вас сегодня же увезут в госпиталь. Там вам будет хорошо...

Венецкий благодарил сестру за ее ласковые слова, и, когда она окончила перевязку, он взял ее руку и поднес к своим губам.

— Что вы? что вы? — прошептала, конфузясь, сестра. — Не за что!

— И за себя и за других! — промолвил Венецкий.

— Не надо ли вам чего?..

— Ничего не надо... Только бы отсюда скорей.

Его тотчас же унесли в другой дом, где было несколько раненых. На следующее утро он уже ехал с тремя офицерами к Дунаю. Его отправляли в 3-ий госпиталь.

Глава двадцать пятая

В госпитале

В госпитале он встретил своего приятеля Неручного. Неручный был там ординатором.

— И вас, Алексей Алексеевич, задели? — говорил Неручный, осматривая его рану. — Ну, батюшка, вы счастливец... На полдюйма дальше, — и быть бы вам без ноги!

— А вы как?

— Ничего себе... Работаю без усталости... Работы нам много.

— А мрачные мысли... помните?

— Подите ж!.. До сих пор лезут в голову. Как за делом, — ничего, а чуть отдохнешь, — опять какая-то хандра... Ну, да об этом нечего толковать... Сейчас пошлем телеграмму к вашей матушке. Успокоительную телеграмму...

— Да... да... непременно.

— А больше никого не извещать?

— Кого же больше?.. — покраснел Венецкий. — Нет, не надо больше никого беспокоить...

Венецкому было хорошо в госпитале. Его поместили в хорошей, светлой комнате, где лежало десять офицеров, раненных относительно легко. Присмотр был хороший. Кормили недурно. Две сестры милосердия дежурили по очереди и были внимательны. Неручный часто просиживал у постели Венецкого свободные полчаса вечером...

Через три недели Венецкий уже мог подняться с постели и при помощи костыля ходить по комнате.

Война оставила в нем гнетущее впечатление. Он все еще находился под влиянием тех картин, которые он так недавно видел. То же впечатление замечал он и на других. Нередко завязывались разговоры между ранеными, и почти все они в один голос высказывали чувство отвращения к войне. Но он заметил еще нечто такое, что сперва даже удивило его. Он увидел, что многие из его товарищей по госпиталю, люди, которые едва ли прежде могли задумываться над чем-либо, стали сознательней относиться к окружающим явлениям, и дух критики являлся результатом такого отношения. Один другого возмутительнее рас-

сказы передавались молодыми офицерами про те проделки насчет казны и солдат, которые не были ни для кого тайной. Про несправедливость в назначении наград тоже было немало толков, и Венецкий не раз улыбался, слушая, как горячился один армейский поручик, потерявший руку под Систовом, жалуясь, что ему дали Анну, тогда как его представили к Владимиру.

Старый армейский полковник пробовал было спорить, но и он в конце концов уступал и нередко, желая отделаться от сомнений, повторял:

— Эх, господа... Не наше это дело... Наше дело — идти куда пошлют, а не рассуждать... Я вот и сам ничего не получил, ну, и что делать... Может быть, Станислава получу. И за Станислава спасибо, — иронически прибавлял он.

Но среди этих личных жалоб нередко раздавались и жалобы общественного характера... Возмущалось человеческое чувство, являлась потребность хоть здесь, в больничной палате, высказать свое мнение.

Нередко заглядывал Венецкий в соседнюю

солдатскую палату, нередко вместе с сестрой милосердия беседовал он с солдатами под вечер, когда обыкновенно собирались кучки около кроватей, и сперва стеснявшиеся Венецкого, но потом полюбившие его за «обходительность» солдаты высказывали, бывало, и при нем свои взгляды. Видно было, что и они понимали, что и с ними не всегда церемонятся; и, правда редко, а нет-нет да у кого-нибудь из них срывался вопрос: «За что?» — и саркастический ответ на замечание кого-нибудь из самых покорных о том, что «нашему брату уж так положено»...

Венецкий не мог без улыбки вспомнить, как на третий же день после его прибытия в госпиталь в палате появился молодой генерал с двумя адъютантами. Он был, конечно, убежден, что приезд его был неожидан, хотя еще за два дня все в госпитале знали, что будет генерал, и к этому дню госпиталь пообчистился: на постелях было чистое белье, кушанье было получше, и смотритель вместе со старшим врачом несколько раз проходили по палатам.

Генерал остался доволен. Он подходил к

офицерам, сказал каждому по приветствию и, подойдя к кровати Венецкого, спросил:

— Под Плевной ранены?

— Точно так.

— Тридцатого августа?

— Тридцатого, ваше превосходительство!

— Будьте уверены, молодой человек, что ваша кровь будет отомщена!.. — вдруг выпалил генерал, очевидно сам не рассчитывая сказать такую фразу.

Но, раз сказав ее, он уже не мог остановиться, чтобы не прибавить:

— Этот день был славный день... Русские войска еще раз доказали, что для них нет ничего невозможного. Который год вы на службе?

— Восьмой...

— А... восьмой?.. Надеюсь, вы скоро поправитесь и тогда снова в бой... Я думаю... вам хочется поскорей... рветесь?..

Венецкий промолчал и, несмотря на боль в ноге, не мог не улыбнуться, когда генерал, искренне воображая, что осчастливил Венецкого, ушел далее, окруженный свитой...

В тот же вечер Неручный рассказывал

приятелю, как главный доктор «втер очки» почетному посетителю.

Уже прошло четыре недели, как Венецкий лежал в госпитале, от матери получена была только одна телеграмма и одно письмо, в котором она выражала радость, что бог его помиловал. От старика Чепелева, которому он тоже написал одно письмо, несмотря на то что сказал Неручному, что, кроме матери, ему некого беспокоить, не было ответа. Он часто думал об Елене и чувствовал, что по-прежнему любит ее, а она... что она делает? вспоминает ли о нем?..

Однажды ночью ему не спалось, он задумался, сидя за книгой на своей кровати. В палате было тихо... все спали... Он прошел по комнате, осторожно ступая своим костылем, и заглянул в соседнюю палату.

— Ваше благородие! — прошептал чей-то голос.

Венецкий увидел, что с одной кровати кто-то машет ему рукой.

Он подошел к постели и остановился около молодого черноволосого солдата с бойким

взглядом черных умных глаз. Венецкий очень любил Акимова, маленького, худощавого солдатика, привезенного в госпиталь из-под Плевны, где ему оторвало ногу. Он вынес операцию и теперь был вне опасности.

— Ваше благородие... Уж вы извините, а я к вам с просьбой! — снова повторил он.

— В чем дело?

— Напишите вы мне письмецо в деревню! Да только поскладней!

— Хорошо... Завтра напишу...

— Завтра?.. Мне бы теперь, пока все спят...

Уж вы простите...

— Отчего это ты ночью писать вздумал?

— А так, мысли в голову лезут, и сна нет...

Если вам не трудно...

Венецкий принес бумагу и перо и присел около.

— Ну, что же писать?

— А напишите вы брату Леонтию Иванову, что, слава богу, поправляюсь и что по милости господина вернусь домой с одной ногой, за что пенсии буду получать целых три рубля в год, а може и четыре. И еще пишете, ваше благородие, чтоб он не думал, будто здесь

очень радостно... Тоже и у нас свои мироеды есть, только они здесь прозываются не так, как у вас, мол. И тоже нашему брату, солдату-христианину, прижимка отовсюду большая, а надежда малая. И ротный, и фельдфебель, и капральный охулки на руку не кладут, а мы, мол, нередко сухариком закусывали да слезки глотали за святую Русь... Так-то... И как есть я теперь калека... И на том, мол, спасибо, а то многие помирали, — и того хуже...

Акимов остановился.

— И напишите, ваше благородие, еще, что и здесь господа нашего брата любят, как кошка собаку... Хороших господ мало; есть — нечего греха таить, а мало... Вы думаете, мужики, что так оно и следует быть, а в мыслях у меня, что не так оно следует быть и что ежели даже и собаку лупцовать, то она не сможет. А главное, от нашего затемнения...

Долго еще диктовал солдат, и когда Венецкий наконец кончил, то Акимов просил его отослать письмо.

— Очень вам буду благодарен, ваше благородие... И теперь, как мысли эти самые вы на-

писали, мне как будто и легче...

На следующий день Неручный, осматривая больных, объявил Венецкому, что его назначили в другой госпиталь.

— Куда?..

— В Орхание!.. — отвечал задумчиво Неручный. — По жребию досталось.

— Не хочется?..

— Все равно!.. — как-то печально проговорил Неручный, — видно, судьба!

— Жаль, что вы уезжаете. Без вас скучно будет.

— Вам еще недель пять, а то и шесть надо в госпитале пробыть. Ранища-то у вас здоровенная была, и свободно ходить вам еще не скоро можно будет... Я бы советовал вам ехать в деревню... Там скорей поправитесь...

Венецкий последовал его совету, подал прошение в отпуск по болезни и через три дня получил разрешение. Оба приятеля крепко пожали друг другу руки при расставании... Венецкий опять утешал Неручного, но Неручный был сумрачен и все говорил, что ему не вернуться в Россию.

— Кланяйтесь матушке да скорей поправ-

ляйтесь на вольном воздухе... К тому времени, быть может, и война кончится... Теперь мы снова зашагали вперед... Бог даст, на новую Плевну не наткнемся.

— Возвращайтесь и вы... Вместе посмеемся над вашими предчувствиями.

— Наверяд!

Они еще раз обнялись и расстались...

Наконец-то он узнает об Елене! — думалось Венецкому, когда он ехал в прекрасном санитарном поезде в Россию.

Глава двадцать шестая

Неожиданная радость

Слабая натура Елены не выдержала потрясения последних дней. Она занемогла. Старик отец перевез Елену на свою квартиру, поместил в своем кабинете и не отходил от дочери ни на шаг. Доктор объявил, что у Елены нервная горячка.

Прошло пять дней, тяжелых дней. Елена бредила, металась, никого не узнавая. Чепелев был безутешен. Он не отходил от постели своей любимицы и за эти пять дней совсем

осунулся, проводя бессонные ночи.

С тоскою прислушивался он к ее бессвязному бреду, глядел на маленькое, исхудавшее, бледное личико, на впавшие, большие, кроткие глаза, тоскливо перебегавшие с предмета на предмет, и горько поникал головой. Тихие слезы невольно текли из его глаз.

«Неужели Леночка?..»

Он гнал от себя эту ужасную мысль и допрашивал доктора. Доктор говорил, что пока опасности нет и что беспокоиться нечего.

Наступил шестой день. Только что пробило девять часов. Старик, дремавший на кресле, открыл глаза и взглянул на Елену. Она крепко спала, дыхание ее было ровное. Старик прислушался и опять задремал. Наконец Елена пошевелилась. Отец встрепенулся.

— Леночка... Голубчик мой! — нежно прошептал он, нагибаясь к ней и глотая слезы. — Скажи словечко... Лучше тебе?

— Лучше, папа, милый мой!.. — проговорила Елена, тихо улыбаясь.

— Ну, вот и слава богу... Я знал, что тебе сегодня будет лучше... Я видел, как ты хорошо спала!.. — говорил Чепелев, сияя улыбкой, в

то время как слезы лились из его глаз.

— Чего же ты плачешь, дорогой мой? Мне гораздо лучше. Я чувствую себя совсем хорошо... Только слабость... Ты не плачь...

Она протянула свою тонкую руку отцу. Старик улыбался сквозь слезы, слушая тихий голос своей «девочки», и, целуя ее руку, говорил:

— Я не плачу... Я так... А ты, девочка, прими-ка лекарство... Чаю хочешь?

— Хочу.

— Вот и молодец, что хочешь чаю!.. Сейчас принесу тебе чаю, а то ты ничего не ела эти дни...

Когда приехал доктор, серьезный немец лет сорока, старик весело ему объявил, что Елена пила чай, и крайне удивился, что доктор не обрадовался этому обстоятельству так же, как и он. Когда доктор начал осмотр больной, то старик снова упал духом. Ему казалось, что доктор что-то долго слушает ее и долго постукивает ее грудь и спину. Когда, наконец, он кончил осмотр и вышел в другую комнату, старик схватил его за руку и, заглядывая в его лицо с мольбой и надеждой, про-

говорил:

— Доктор! Вы от меня, старика, не скрываете ничего. Леночка поправится? Она вне опасности? Скажите!

Доктор сделался еще серьезнее, поправил очки, пожал руку генерала и торжественно проговорил:

— Мы, генерал, никогда не скрываем опасности... Ваша дочь, слава богу, будет здорова.

Он говорил медленно, старательно заботясь о правильности фразы и о чистоте выговора.

Генерал потряс его за руку и весело проговорил:

— О, благодарю вас!.. Вы сами отец, вы понимаете, каково мне было эти дни!

Доктор сказал, что понимает, и, присев к столу, прежде чем стал писать рецепт, начал подробно объяснять генералу болезнь его дочери. Хотя старик ровно ничего не понимал из того, что говорил доктор, особенно когда дело касалось специальных названий, которыми врач как будто особенно желал щегольнуть перед генералом, тем не менее генерал слушал с благоговейным вниманием, боясь

проронить слово.

— Теперь дело у нас пойдет на лад! — весело сказал доктор, оканчивая лекцию, — конечно, если не будет никаких новых осложнений...

Старик, было обрадовавшийся, снова почувствовал при этих словах тоску.

— Осложнения могут быть?

— О, разумеется, могут... Но только вы не думайте об этом... Я вас утешу и скажу, что они могут быть, но мы их не допустим...

— Уж бога ради, доктор...

— Нет, не допустим... Ваша дочь теперь, можно сказать, находится в удовлетворительном состоянии... Легкие в порядке... в совершеннейшем, как наши с вами, хотя там и есть маленький хрип, самый маленький...

— Хрип... — опять взволновался генерал.

— Ах, ваше превосходительство, ваше превосходительство, не беспокойтесь, неопасно... Хрип — это такие пустяки, что о нем нечего и говорить... Ну, дальше... пульс мне нравится... очень даже нравится; аппетит есть... Правда, печень несколько увеличена...

— А это опасно?

Доктор покачал головой и осторожно дотронулся до руки генерала.

— И опасно и неопасно... У нас это неопасно... Русский врач сказал бы вам, что это опасно, но я вам говорю, что это нисколько не опасно... — проговорил доктор, не пропускавший никогда случая кольнуть своих собратьев.

Генерал знал эту слабость своего доктора и потому при нем никогда не упоминал о русских известных врачах.

— Мы вовремя взяли болезнь в руки и медленно, но осторожно справимся с ней, ваше превосходительство!.. Мы любим правильный метод...

Он наконец стал писать рецепт и когда кончил, то рассказал, как на днях ему пришлось спасти одного больного, чуть было не отправившегося на тот свет благодаря доктору...

— Молодой, неопытный врач русской школы!.. — прибавил он, презрительно вытягивая губы. — Очень самонадеянный молодой человек... Смелый метод...

Наконец он уехал, обещав завтра утром

быть.

— А вечером?

— Не надо... а впрочем, если вы хотите...

Генерал, конечно, захотел и, когда проводил доктора, весело поплелся к Елене.

— Ты что это так долго, папа?.. Верно, Август Иванович опять бранил русских докторов?..

— Есть грех, девочка... Он без этого не может... Что делать!..

С этого дня Елена стала поправляться. Старик был в восторге и не знал, чем бы развеселить свою любимицу. Он тщательно избегал напоминать ей о муже и о Венецком, отклонял всякие разговоры о войне, читал ей вслух книги, рассказывал разные анекдоты и радовался, как ребенок, когда Елена наконец могла сидеть на кровати, облокотившись на подушки. Мать изредка навещала дочь. Елене тяжело было ее присутствие, и Александра Матвеевна, чувствуя это, редко заглядывала в кабинет. В последние дни между мужем и женой было крупное объяснение, результатом которого было решение Чепелевой уехать за границу, как только окончится дело по духов-

ному завещанию.

В первый раз в жизни старик высказал ей несколько горьких упреков.

Александра Матвеевна хотела было разыграть роль оскорбленной невинности, но Чепелев остановил ее:

— Бога ради, без сцен... Вы знаете, что я не могу им поверить... Не за себя начал я говорить с вами — что мне? — а за Леночку... Вы не пожалели бедную девочку для своего...

Он вовремя остановился... Слово чуть было не сорвалось с его дрожащих губ.

— Вы не жалели меня... вы обманывали меня, — ведь я все видел, хотя вы и думали, что я ничего не вижу, — но это дело вашей совести... Но после того как письмо покойного Борского открыло все... я не могу оставаться спокойным... Не мешайте же нам, прошу вас...

Александра Матвеевна поплакала после этого объяснения, но скоро утешилась. Жизнь за границей давно прельщала ее. За предложением дело не станет. Она скажет знакомым, что больна, что доктор послал ее за границу, и приличия будут соблюдены...

После этого объяснения у Чепелева точно гора свалилась с плеч, и он весело мечтал, как счастливо заживут они вдвоем с своей девочкой. Средств для них хватит, а на наследство Орефьева он не рассчитывал, да как-то и не любил говорить об этом и не хотел слушать истории о подложном духовном завещании, когда ему об этом радостно объявила Александра Матвеевна.

— У меня девочка больна, а вы о глупостях говорите! — сказал он с сердцем своей жене.

«Дурак!» — промолвила про себя Александра Матвеевна, насмешливо поглядывая на мужа.

Елена быстро поправлялась, но старик с грустью видел, что хоть она и старалась при отце казаться веселой, но в глубине сердца таила горе и нередко задумывалась.

Однажды старик рассказывал ей что-то, но Елена не слушала и, когда генерал окончил, сказала:

— Ты, папа, дай мне лучше почитать газету. Теперь уже мне можно...

— Подожди, когда совсем поправишься. Ничего нет в газетах интересного. Теперь де-

да наши пошли лучше, Вероятно, война скоро кончится.

— Ну, слава богу... А об Алексее Алексеевиче нет известий? — вдруг спросила Елена.

Она в первый раз произнесла при отце это имя. Старик взглянул на нее как-то угрюмо и произнес:

— Нет, Леночка...

— Ах, папа, голубчик... Неужели он в самом деле умер! — вдруг вскрикнула она, и обильные слезы потекли по ее лицу.

Чепелев утешал Елену как умел, обещал сегодня же съездить в главный штаб и навести точные справки, — за болезнью дочери он не успел этого сделать раньше, — и с болью в сердце увидел, что надежда еще не покинула Елену.

— Папа, поезжай сейчас, голубчик! Быть может, в той телеграмме была ошибка. Ошибки случаются. Помнишь, в начале войны был такой случай?

Старик покорно согласился тотчас же исполнить просьбу Елены и хотел уже подниматься с дивана, где он сидел рядом с Еленой, как лакей ему подал письмо.

Елена взглянула на конверт, тихо вскрикнула и быстро выдернула конверт из рук изумленного генерала.

Как только она прочла первые строки письма, по бледным ее щекам разлился яркий румянец, глаза блеснули радостью, и все ее лицо засияло таким счастьем, что отец с восторгом смотрел на Елену, не вполне понимая, что такое случилось.

— Папа... голубчик... Возьми, читай... Он жив... Он слегка ранен... Он...

Елена не могла больше говорить. Слезы брызнули из ее глаз, и она бросилась к отцу на шею.

— Теперь, папа, я скоро поправлюсь совсем... И мы поедем туда... не правда ли? — говорила она, справившись с неожиданным счастьем, нахлынувшим на нее широкой волной.

— Поедем куда хочешь, поедем! Только сперва поправляйся, моя радость! — смеялся старик, пробегая письмо. — А пока напишем Алексею... Ишь письмо как долго шло!.. А моих он ни одного не получил... Не лучше ли телеграмму? как думаешь? Быть может, он и

сам приедет сюда... Рана пустячная!.. Вот и на нашей улице праздник, голубушка! — весело болтал старик, покрывая поцелуями счастливое лицо Елены.

Глава двадцать седьмая

В суде

Разбор знаменитого дела о подложном духовном завещании наконец был назначен и объявлен в газетах. Дело это возбудило большую сенсацию в петербургской публике; все спешили достать билет на это судебное представление. Об этом деле писалось в газетах, о нем говорилось в обществе, все ждали пикантных разоблачений и фривольных подробностей. Дамы упрашивали мужей, братьев или любовников во что бы то ни стало провести их в суд и ждали этого дня с нетерпением. Счастливцы, доставшие билет на вход в залу заседания, готовились провести очень весело время. В качестве героини должна была появиться «знаменитая вдова», о которой ходили легендарные истории; разнообразие их за последнее время возбудило любо-

пытство до последней степени; затем рядом с ней должен был появиться «красавец Башутин» и, наконец, столько свидетелей, между которыми так много людей из порядочного общества; лучший прокурор будет обвинять и талантливейшие адвокаты будут защищать подсудимых... одним словом, предвкушалось много наслаждений. В эти дни забыты были даже военные действия, — процесс поглотил общественное внимание. Всякий хотел непременно увидеть эту очаровательницу, посмотреть, как сшито ее платье, как станет она держать себя на суде, будет ли плакать или не будет, станет ли рассказывать все или обойдет пикантные подробности молчанием... Явятся ли все свидетели, и не заболеют ли некоторые из них. За неделю до процесса даже пронесся слух, что интересная вдова убежала за границу, но на другой же день дамы были обрадованы известием, что слух этот не имеет никаких оснований. Слухи, один другого нелепее, менялись ежедневно. То говорили, что адвокат вдовы, по уши влюбившись в нее, не только отказался от гонорара, но предлагал ей вместе со своим состоянием руку и

сердце и даже надежду во что бы то ни стало оправдать ее; то рассказывали, что кто-то шепнул кому следует, чтоб интересную вдову судили полегче; затем барона Зека обвенчали с интересной вдовой в церкви дома предварительного заключения несмотря на то, что у почтенного барона была жива жена, и когда это оказалось невозможным, то объявили, что интересная вдова в чахотке и будет внесена в залу суда в кресле. Это была самая приятная новость. Предстояло увидеть Травиату в окружном суде и вместо Мазини или Капуля [20] прокурора и защитников.

С половины одиннадцатого места для публики стали наполняться. В коридорах суда стояла давка. Судебные пристава сбивались с ног. Дамы, не имевшие билетов, употребляли всевозможные лукавства, чтобы проскользнуть через барьер... Одна элегантная, очень хорошенькая женщина так жалобно просила пропустить ее, что даже сердце блюстителя порядка не выдержало, и он отворил дверцы... Оставалось тронуть судебного пристава. Барыня выбрала самого юного, без особенного труда нашла лазейку в его сердце и, торже-

ствующая, наконец пробралась в заповедное место.

Зала суда была набита битком. Все свободные места были заняты. В трибуне для журналистов сидели репортеры и некоторые известные писатели. Места, отведенные для почетных лиц, мало-помалу занимались разными высокопоставленными лицами. В темной зале окружного суда мелькали звезды на фраках и генеральские эполеты. Судебные приставы то и дело вызывались в коридор и выслушивали такие нежные просьбы пропустить, что надо было много твердости, чтобы устоять против кокетливых взглядов, против громких имен, которыми атаковывали приставов.

Два адвоката подсудимых и третий гражданский истец со стороны Чепелевой переговаривались между собой и весело смеялись, поглядывая на публику. В зале было веселое оживление. Говорили и смеялись в ожидании начала спектакля. Большинство публики принадлежало к числу той, которая посещает первые представления.

Все вдруг замолкли... В толпе пробежал

шепот, что идут подсудимые; взоры и бинокли направились на маленькую дверь, ведущую из комнаты, где подсудимые, как актеры в уборной, скрываются от взоров публики... Наконец дверь отворилась... Показались жандармы с саблями наголо; впереди шел плотный, белокурый, прекрасно одетый Башутин, а несколько позади под руку с адвокатом шла интересная вдова, подняв свою изящную, красивую голову.

Жандармы отошли в сторону, пропустив их вперед, и подсудимые заняли свои места. Башутин прошел вперед, а Варвара Николаевна села поодаль. Она окинула публику беглым взглядом, вздрогнула, словно бы от электрического тока, но не опустила глаз.

Она была бледна и казалась еще бледней в черном изящном шелковом платье, гладко облегавшем ее стройную фигуру. Глаза ее резко блестели из глубоких впадин, губы чуть-чуть вздрагивали, все лицо ее дышало энергией. Видно было, что она приготовилась с бою отдать свою свободу. На лице ее сказывались следы утомления, но все-таки оно было прелестно, окаймленное блестящими, черны-

ми волосами, гладко зачесанными назад. Она сняла черные перчатки и изящно выточенной белой рукой поправила свои волосы.

Дамы с завистью любовались ее платьем, манерами и грацией и не могли не сказать, что она держит себя с достоинством и несколько не похожа на чахоточную. Мужчины нашли, что она прелестна, а почетные посетители, сидевшие на высоких готических креслах сзади судейских кресел, с восторгом посматривали на эту пикантную очаровательницу. Башутин не возбудил никакого внимания. Во-первых, он далеко не был красавцем, а во-вторых — он держал себя как-то странно. Видно было, что он рисовался и старался привлечь на себя взоры публики... То поднимал голову, то опускал ее, то подпирал руками голову, то встряхивал ею, словно желая отогнать терзающие его мысли, то взглядывал на свои ногти.

Варвара Николаевна ни разу не взглянула в его сторону. Когда Башутин сделал движение к ней, она отодвинулась подальше. По губам Башутина пробежала ироническая улыбка. Варвара Николаевна нахмурилась.

— Суд идет! — проговорил довольным звучным голосом судебный пристав, точно радуясь, что у него такой прекрасный орган и что он так торжественно произносит этот возглас.

Спешными шагами, словно бы торопясь скорей добраться до своих мест, прошли судьи, секретарь и прокурор и заняли свои места, утонув в больших креслах. После выбора присяжных заседателей председатель в краткой речи объяснил им их обязанности, затем они были приведены к присяге. Затем началась проверка вызванных свидетелей. Оказалось, что многие по болезни не могли явиться и прислали свидетельства о болезни...

В публике пронесся сдержанный смех.

После этого председатель обратился с обычными вопросами об имени, звании и вероисповедании и наклонил голову к секретарю. Началось чтение обвинительного акта. Все наострили уши.

Глава двадцать восьмая

Обвинительный акт

Сущность обвинительного акта состояла в следующем:

Утром 15 сентября 1877 года на квартиру генерала Чепелева явилась бедно одетая молодая женщина, которая объявила, что ей необходимо как можно скорей видеть супругу генерала, Александру Матвеевну Чепелеву, по весьма важному делу.

На расспросы прислуги о том, кто она такая и зачем именно ей нужно видеть генеральшу, неизвестная женщина объявила, что она объяснит все самой генеральше и убедительно просила доложить о ней, повторяя, что дело, по которому она пришла, не терпит отлагательства. Когда, вследствие настойчивых ее просьб, сопровождаемых слезами, о ней доложили наконец генеральше и Чепелева приказала принять ее, то названная женщина объявила Чепелевой, что она — жена кронштадского мещанина Николая Ефремова, который в настоящее время лежит при

смерти в Мариинской больнице и убедительно просит генеральшу немедленно приехать к нему, пока еще есть время, так как он желает перед смертью сообщить ей нечто весьма важное для нее, касающееся духовного завещания покойного ее брата, отставного полковника Орефьева.

Больше она ничего сообщить не могла и только упрашивала Чепелеву скорее ехать к мужу, говоря, что от этого свидания зависит счастье как Чепелевой, так и ее самой с детьми, так как, вероятно, Чепелева наградит ее за то важное открытие, которое сделает ее муж.

Чепелева тотчас же отправилась в сопровождении этой женщины в больницу, где действительно нашла тяжело больного, в последнем градусе чахотки, Николая Ефремова, имела с ним продолжительный разговор, после которого немедленно отправилась к прокурору и заявила ему, со слов Ефремова, о подложности духовного завещания покойного брата своего Орефьева.

Допрошенный в тот же день судебным следователем кронштадтский мещанин Николай

Ефремов дал следующее показание.

От роду ему тридцать два года, православного вероисповедания. Последние три года он не имел определенных занятий после того как лишился места в конторе у нотариуса, где занимался перепиской. Существовал случайной работой и исполнением комиссий по приисканию денег. Нередко он исполнял такие комиссии для отставного поручика Башутина, которого прежде часто видел в конторе нотариуса, знал за человека, часто прибегающего к займам, и нередко являлся к нему на квартиру с предложением услуг. Башутин всегда хорошо платил за комиссии, занимая деньги у евреев за большие проценты, причем, по объяснению Ефремова, на векселях нередко стояли бланки г-жи Бениславской. В последний год Ефремов не имел никакой работы у Башутина, так как, вследствие неисправных платежей, лица, дававшие при посредстве Ефремова Башутину деньги, перестали ему верить. В это время Ефремов находился в крайне стесненных обстоятельствах, не имея никакой работы.

Десятого марта 1877 года Ефремов получил

записку от Башутина, в которой Башутин приглашал Ефремова немедленно зайти к нему. Когда Ефремов явился, то Башутин долго ходил взад и вперед по кабинету, ни слова не говоря, и наконец, остановившись перед Ефремовым, спросил его, желает ли он заработать сразу хорошие деньги? Получив утвердительный ответ, Башутин прибавил: «Дело спешное, за которое я денег не пожалею!» Когда Ефремов пожелал узнать, в чем именно состоит дело, то Башутин сказал, что надо подписаться под руку одного господина, и при этом объявил: «Не бойтесь за последствия... Ничего не будет, а вы получите хорошие деньги!» Сперва Ефремов отклонил это предложение и ушел. Но в тот же день явился к Башутину и согласился за пять тысяч исполнить его просьбу. Башутин тотчас же дал ему сто рублей и приказал на другой день явиться к нему пораньше. На следующий день Башутин дал ему письмо с подписью Орефьева, приказав сделать несколько подписей под руку Орефьева, и по осмотре подписей удовлетворился, взял образчики к себе и приказал прийти вечером. Когда Ефремов явился, Ба-

шутин дал ему духовное завещание, писанное, по словам Ефремова, рукою Башутина, в котором все движимое и недвижимое имущество завещалось в пользу жены Орефьева Варвары Николаевны Орефьевой, за исключением пятидесяти тысяч, завещаемых племяннице, девице Елене Чепелевой.

«Когда я прочел завещание, — показывал Ефремов, — мне сделалось страшно... Я слышал, что незадолго до этого Бениславская, хорошая знакомая Башутина, вышла замуж за старика. У меня мелькнуло подозрение, как бы не сделали чего со стариком.

Башутин как будто понял мои мысли и, заметив мое колебание, сказал: „Вы, кажется, думаете, что мы собираемся с вами в Сибирь... Вы, кажется, не дурак, а думаете глупо... Старик слабого здоровья и боится из-за какого-то глупого страха писать завещание, хотя все собирается. Конечно, старик все откажет своей жене, которую обожает, так как из-за чего же, как не из-за состояния, такая молодая и умная женщина, как Варвара Николаевна, пошла бы замуж за полоумного старика. Мы делаем это завещание так, на всякий слу-

чай, с согласия жены. Напрасно вы боитесь. В числе свидетелей подпишутся барон Зек и генерал Петровский. Верно, слышали, какие это особы? Значит, бояться нечего... И наконец, быть может, это завещание и не понадобится: старик напишет свое, и тогда это будет уничтожено“.

Он так меня уверил, что я наконец решил-ся, подписал и тут же получил все деньги сполна. Подпись вышла очень похожая... Трудно было различить. Через несколько дней я узнал о скоропостижной смерти Орфьева и поскорей уехал с семьей из Петербурга в Одессу. Из газет узнал, что завещание утверждено и никакого спора не предъявлено. В Одессе я занялся торговлей и потерял все деньги, вдобавок болезнь донимала меня. Я писал Башутину, прося о помощи, но ответа не получал... Приехавши в Петербург для прискания каких-либо занятий, я заболел так сильно, что принужден был отправиться в больницу... Семья моя теперь без куска хлеба, и вдобавок совесть мучит меня, и вот перед смертью я решил показать по всей правде и снять грех с души...»

На основании заявления Ефремова, умершего через неделю после этого, было приступлено к предварительному следствию, которое вполне подтвердило показание Ефремова. Арестованный в Бухаресте Башутин на предварительном следствии сознался во всем, причем показал, что, состоя в связи с Орефьевой, подговорен был к преступлению ею; при обыске у него найдены писанные рукою Ефремова подписи под руку Орефьева и два письма от Орефьевой, изобличающие ее участие в преступлении, несколько черновых духовных завещаний от имени Орефьева, писанных рукою Башутина, текст которых совершенно сходен с текстом духовного завещания, представленного после смерти Орефьева. Что же касается до Орефьевой, то, арестованная в Мариенбаде и привезенная затем в Петербург, она отрицала всякое участие в преступлении и, несмотря на найденные у нее письма, свидетельствующие о близких отношениях писавшей к Башутину и изобличающие ее участие в преступлении, упорно стояла на том, что о подложности духовного завещания не знала. Она не скрывала, что вышла замуж

именно в виду надежды на наследство. По ее словам, муж ее так ее любил, что она могла бы при жизни его воспользоваться всем его богатством. К чему было ей прибегать к подлогу? По ее словам, Башутин был близок с покойным Орефьевым и последнее время занимался его делами. Орефьев ему доверял. Когда за три дня до смерти мужа вечером Башутин вынес ей из кабинета мужа духовное завещание и сказал ей, что муж, чувствуя себя не совсем здоровым, просил ее дать подписать завещание в качестве свидетелей барону Зеку и генералу Петровскому, — то она ни на секунду не могла усомниться в подлинности завещания и в тот же вечер дала подписать названным лицам, так как не раз покойный при них говорил о желании своем сделать ее наследницей. На другой день утром она благодарила мужа, и он ничего ей не сказал, что могло бы возбудить ее подозрения. Через три дня после этого он умер внезапно от удара. Тогда же произведено было вскрытие трупа и определена болезнь. Далее она заявляла, что приписывает оговор ее Башутиным личной мести.

Глава двадцать девятая

Подсудимые и свидетели

Во время чтения обвинительного акта Варвара Николаевна несколько раз вздрагивала и взглядывала на Башутина взглядом, полным презрения. Когда секретарь окончил чтение, председатель обратился к подсудимым:

— Подсудимый Башутин! Признаете ли вы себя виновным в составлении подложного духовного завещания?

— Признаю.

— Подсудимая Орефьева! Признаете ли вы себя виновной в подговоре Башутина к составлению подложного духовного завещания и в том, что, зная о подложном завещании, воспользовались имуществом, вам не принадлежащим?

— Нет, не признаю!

— Подсудимый! Не желаете ли выяснить суду обстоятельства, при которых совершено было вами преступление?..

— Мне придется вернуться к прошлому, чтоб объяснить суду, как я дошел до преступ-

ления... Если я теперь обеспечен и нахожусь на скамье подсудимых, если моя жизнь разбита вконец и впереди, — я не скрываю этого от себя, — предстоит еще худшая жизнь, то этим я обязан женщине, с которой, на мое несчастье, меня свела судьба...

Башутин остановился, злобно взглянул на Варвару Николаевну и продолжал:

— Я познакомился с ней двенадцать лет тому назад, когда она была еще девушкой... Она была очень хороша собой, умна и умела нравиться. Я скоро влюбился в нее как сумасшедший и стал за ней ухаживать. Она знала, что я женат, была знакома с моей женой, подружилась с ней и поощряла мое ухаживанье. Когда я наконец признался ей, что я люблю ее, она вдруг прикинулась крайне удивленной, обещала дружбу, советовала постараться забыть ее и простить, говорила, что у меня такая прекрасная жена, которая так меня любит, что всякая другая привязанность убьет ее... Она жалеет, что все это случилось, но не любит меня. При этом она прибавила, что если она полюбит, то будет требовать от человека безусловной любви... После этого

объяснения я перестал почти бывать у них в доме, но зато она стала чаще ездить к нам в дом, подружилась с женой и приобрела полное ее доверие и дружбу. Со мной она была то холодна, то как-то особенно ласкова. В ее натуре такие переходы. Сперва она приблизит, потом оттолкнет... Так прошло полгода, и наконец она сказала, что меня любит, но просила скрыть это от жены, и мы вместе обманывали жену... Жена наконец узнала о такой связи. Мы расстались с женой. В это время Варвара Николаевна вышла замуж за Бениславского, человека небогатого и недальнего. Я был против свадьбы, но она говорила, что свадьба не помешает нашим отношениям, и мы втроем уехали за границу. Так прошло три года... За эти три года я много натерпелся... Она, по обыкновению, мучила меня, то уверяя, что любит меня, то, напротив, говоря, что терпеть меня не может и если отдается мне, то потому только, что на это смотрит как на очень обыкновенное дело, которому только сентиментальные люди придают особенное значение. Состояние мое приходило к упадку. Мы жили безумно роскошно. Когда

наконец умер ее муж и когда вслед за тем умерла моя жена, я предложил ей обвенчаться, но она только засмеялась и спросила, на что мы будем жить... Детей у нас не было. Она любила хорошую жизнь и сердилась, если ей приходилось терпеть недостатки. Я стал упрекать ее, говорил о своей любви, но она только смеялась и просила оставить ее совсем... Она уедет в Петербург и сумеет пробить себе дорогу... На мой вопрос, любила ли она когда-нибудь меня, — она только пожала плечами.

Башутин остановился, поправил волосы и продолжал:

— Когда я увидал, в каком я нахожусь положении, я ужаснулся. Состояния не было, женщина, которую я любил, предлагает мне оставить ее. Что мне было делать?.. Ни к какой работе я не был способен... Я привык с детства ни в чем себе не отказывать... Я вырос в богатстве и привык жить хорошо. Я решился немедленно же оставить ее, и оставил. Она уехала в Петербург, а я — в деревню, к родным... Я ненавидел эту женщину, и в то же время что-то тянуло меня к ней. Через несколько месяцев я получил от нее письмо,

в котором она звала меня в Петербург. Я тотчас же поехал, и здесь падение мое пошло быстро. Я поступил на содержание к этой женщине. Мы вели роскошную жизнь. Я был ее негласным любовником, и мы вместе решали вопрос о выборе официального, на средства которого жили. Кроме того, мы вели дела. Она пользовалась знакомствами и хлопотала по разным делам. Это ей удавалось. Она умела действовать... Наши отношения тогда изменились. Она слушалась меня, советовалась со мною и не делала никаких сцен. Она уважала меня как хорошего пособника и в награду отдавала мне свои ласки. Я уж ее не любил. Я, в свою очередь, видел в ней средство... Безумно роскошная жизнь требовала огромных денег. Мы делали долги, и положение наше было скверное, когда у меня явилась мысль выдать ее замуж за Орефьева. Сделать это было нетрудно: старик был от нее без ума. Сперва она не соглашалась, но я ее убедил. Через неделю же после свадьбы Орефьев вдруг изменился к своей жене, услышав однажды разговор наш с Варварой Николаевной. Она говорила о том, как противен ей старик и

что она с нетерпением ждет его смерти. С тех пор он впал в состояние какого-то идиотизма и при виде этой женщины вздрагивал и боялся, что его отравят. При нем всегда находился его камердинер. Однако супружеские отношения их все-таки продолжались. Он был крайне развращенный старик... За неделю до смерти он имел крупное объяснение с женой и прямо объявил, что он ей оставит всего сто тысяч, что она его обманула, что вышла за него из-за денег. Тогда она сообщила об этом мне и просила написать духовное завещание.

— Это ложь! — перебила вдруг Варвара Николаевна.

— Подсудимая, не прерывайте! — заметил председатель. — Вам будет дано слово.

— Да, она подала мне эту мысль, и я привел ее в исполнение; за несколько дней до смерти старика передал ей завещание, чтоб она дала подписать барону Зеку и Петровскому, которые ей безусловно верили и считали за добродетельнейшую женщину. Когда умер Орефьев, она сделалась богата; тогда я сделался ей не нужен. Она тогда рассталась со мной и называла мет своим злым духом. Она в это

время увлеклась Привольским, а я уехал в Бухарест. Я требовал от нее денег и наконец при свидании грозил ей и получил от нее пятьдесят тысяч. Эти деньги были скоро истрачены. Когда меня арестовали, я снова был без средств. Я все сказал. Я виноват, но разве она невинна? Она умеет прятать концы, но на этот раз ей не удастся! — проговорил со злобою в голосе Башутин. — Она отплатила мне неблагодарностью, я плачу ей тем же.

Эта речь произвела неблагоприятное впечатление на зрителей. Все находили, что подло было обвинять так женщину, которую Башутин когда-то любил. В его речах слышалось желание мести. Видно было, что Башутин теперь ненавидел Варвару Николаевну.

После того как она не сдержала себя и крикнула, что Башутин говорит ложь, она снова точно окаменела и не проронила ни слова. Только лицо ее сделалось еще бледнее и губы нервно вздрагивали.

Когда председатель дал ей слово, она поднялась и среди глубочайшей тишины, воцарившейся в зале, сказала:

— Я не стану лицемерно обвинять других

и рассказывать историю своей жизни. До этого никому нет дела, и наконец я не совершила никакого преступления, чтобы ценою унижительных признаний заслужить снисходительную улыбку... О любви я много распространяться не стану. Этот человек так много говорил о ней, что на эти слова я отвечу только презрением. Я ли его погубила, или, наоборот, я благодаря ему нахожусь теперь снова в неприятном с ним обществе, — говорить об этом не стоит. Замечу только, что я никогда не любила этого человека, а если бы и любила, то мне бы стыдно было сознаться в этом после всего того, что я слышала... Если я была близка к нему, то бывают такие страницы в жизни женщины, которые не раскрываются перед судом... По крайней мере я не стану их раскрывать. Но относительно завещания повторяю, что этот человек нагло лжет и лжет из мести, лжет оттого, что я перестала давать ему деньги в том количестве, в каком он требовал от меня... Я ни на минуту не сомневалась, что завещание совершенно правильно, и до самой смерти мужа отношения наши были хороши, насколько могли быть хороши

между стариком и молодой женщиной... Конечно, я не любила его и вышла замуж ради состояния, но ведь это еще не составляет преступления. Если бы за это привлекали к суду, то три четверти женщин сидели бы на скамье подсудимых! Говорят, что будто бы покойный муж боялся меня, но, с другой стороны, говорят о супружеских отношениях... Какая же может быть боязнь при этом? Указывают на камердинера, но обвинительный акт не приводит показания этого свидетеля... Я искренне была убеждена, что завещание было подлинное, так как письма моего мужа, которые находятся при деле, ясно говорят, что я тотчас же после свадьбы могла получить от мужа двести, триста, четыреста тысяч... Он был влюблен в меня, как могут быть влюблены только старики, и, конечно, не остановился бы перед затратами для женщины, которую боготворил. К чему же мне было подговаривать?.. Во всяком случае, я и по закону после его смерти получила бы довольно... Зачем же мне было рисковать?.. Это слишком глупо и неправдоподобно... Я и до свадьбы имела состояние, — заключила она.

— Откуда у вас было состояние? — спросил председатель.

— Должна я отвечать на этот вопрос, господин председатель? — спросила она с едва заметной улыбкой.

— Вы можете и не отвечать.

— В таком случае я не стану входить в подробности. Замечу только, что женщине очень трудно иногда объяснять, откуда она берет деньги... Я имела обширные знакомства и... и пользовалась связями. Вы знаете имена моих знакомых и очень хорошо понимаете, что у нас знакомства очень много значат...

— Я попрошу вас объяснить подробнее, что вы хотите сказать?

— Я хлопотала по делам. Я занималась тем же, чем занимаются многие из мужчин, с тою только разницей, что я нигде не служила и не была нигде членом правления, но ведь для этого и не нужно было служить.

— Итак, вы отрицаете всякое участие в преступлении?

— Отрицаю, господин председатель.

— Введите свидетелей! — сказал председатель.

В зале пронесся говор. Подсудимая не возбуждала сочувствия; находили, что она держит себя слишком цинично. Она вовсе не похожа на подсудимую.

Допрос свидетелей продолжался довольно долго. Большинство свидетелей отзывалось о подсудимой как о женщине очень умной и любезной, не особенно нравственной. Показания прислуги, за исключением Параши, были для нее неблагоприятны. Когда наконец были прочитаны ее письма к Башутину, в которых она говорит об «известном деле», то на вопрос председателя, что она может сказать, — она отвечала, что это дело касалось денежной спекуляции.

Во все время заседания она не теряла самообладания. Она бойко и умно парировала вопросы обвинения, переспрашивала и сбивала свидетелей, задавала остроумные вопросы, отстаивая себя шаг за шагом... Она была возбуждена своей защитой: лицо ее разгорелось, глаза сверкали. Обвинению пришлось иметь дело с опытным бойцом. Против нее была вся ее жизнь, но веских улик не было.

Когда в залу заседания вошел молодой кра-

сивый офицер Привольский, эта женщина вдруг потеряла самообладание. Она опустила голову и не смела взглянуть на него. С замиранием сердца ожидала она, что он станет говорить. «Неужели и он бросит в нее камнем? Неужели и он не остановится из уважения к памяти любви?..»

— Свидетель, вы давно познакомились с подсудимой?..

— Я познакомился с ней в апреле месяце!.. — чуть слышно прошептал свидетель.

— Что вы можете рассказать о ней?..

— Я был с ней знаком... Она казалась очень порядочной женщиной.

— В каких отношениях вы находились с ней... в близких? — спрашивал прокурор.

— Я был расположен к ней...

У Варвары Николаевны при этих словах радостно забилося сердце.

— Вы знали, что она заплатила ваши долги?

— Я не платила его долгов... Это неправда, — вдруг перебила, вскакивая с места, Варвара Николаевна.

— Подсудимая, прошу вас не перебивать!

— Вы знали, что подсудимая заплатила ваши долги?

— Нет, не знал... Я узнал об этом только впоследствии от Башутина... От него же я узнал другие неблагоприятные сведения относительно Орефьевой, вследствие чего написал ей письмо, в котором просил прекратить знакомство...

— Вы слышали раньше об ее образе жизни?..

— Дурного ничего не слыхал...

— И не знали, откуда у нее состояние?..

— Знал, что от мужа...

— А до того?..

— Не знал...

Допрос прекратился. Она подняла на него глаза. Взглянет ли он на нее? Нет! Он даже и не взглянул, а сконфуженный, торопливо вышел из залы. «Бедный!» — подумала она и пожалела его.

Наконец допросы были окончены. Начались прения. Прокурор набросал картину нравов современного общества, сгруппировал искусно улики и находил, что главная виновница преступления Орефьева. Башутин яв-

лялся второстепенным деятелем. Он набросал характеристику героини, и в речи его она выходила ужасной женщиной, способной на всякое преступление.

Защитник говорил горячо. Он не ставил на пьедестал нравственной личности героини, но доказывал, что она не виновна в преступлении, в котором ее обвиняют. Он шаг за шагом разбирал улики и находил их малодоказательными. В его превосходной речи попадались чудные места, заставившие публику снисходительно взглянуть на подсудимую. Он нарисовал портрет честолюбивой, ищущей наслаждения женщины, очутившейся среди развращенного общества, без твердых правил, без убеждений, без руководителя... Он просил присяжных не карать ее, а пожалеть... Когда он кончил, подсудимая отвернулась, чтобы вытереть набежавшие слезы.

— Что вы скажете в свое оправдание, подсудимый?

— Я ничего более не имею сказать... Я прошу только снисхождения, — тихо прошептал Башутин.

— Подсудимая, что вы скажете в свое

оправдание?

Варвара Николаевна поднялась. Все взоры устремились на нее. Она еле стояла на ногах. Целый день этой битвы доконал ее. Нервы ее были напряжены до последней степени и наконец не выдержали. Однако она в последний раз собралась с силами, взглянула на публику и видела только массу голов, освещенную ярким светом газа, но эти лица уже не возбуждали в ней того озлобления, какое возбуждали утром. Она была утомлена... Ей теперь было все равно. Мгновенно пронеслась перед ней вся ее жизнь; что-то тяжелое, скверное легло тяжелым бременем на ее сердце. Сзади — позор, впереди — непроглядная тьма. Бодрость оставила ее. Она хотела что-то сказать, начала было говорить, но что-то мешало ей, сжимая ее горло.

— Я... я... я ничего не могу сказать! — еле произнесла она и зарыдала сдержанными, глухими рыданиями.

Когда через полчаса вернулись присяжные, она готова была на все. Она предчувствовала, что оправдания ей не будет.

— Виновна! — раздалось в ее ушах, и она

выслушала приговор относительно спокойно.

Когда она уходила из залы суда, она как-то грустно улыбнулась, но, встретив ирониче-ский взгляд Башутина, ответила ему таким взглядом презрения, что Башутин вздрогнул и более не оборачивался.

Глада тридцатая Солнце после туч

Прошло два месяца. Перемирие было за-ключено. Ожидали заключения мира. Всем уже надоела война с ее бесчисленными жертвами, с бесчисленными разоблачениями злоупотреблений, которые во время войны проявились едва ли не с большею силою, чем во время мира. Все устали. Возбуждение на-чинало проходить и заменилось какой-то апатией. Те, которые чего-то ждали после войны, увидали, что надежды приходилось похоронить.

Известия, одно другого печальнее, прихо-дили со всех концов: растраты шли за растра-тами, грабежи за грабежами. Все опустили го-ловы.

Стоял славный январский день. Старик Чепелев весело торопил Елену идти гулять. Уж очень хороший был день. Она отвечала из своей комнаты, что сейчас будет готова, и скоро вышла к отцу. Она совсем поправилась, расцвела и была прелестнее, чем прежде.

— Идем, папа, я готова, — проговорила она.

В это время в прихожей раздался звонок, и вслед за тем в комнату торопливо вошел Венецкий.

— Елена... Леля!.. — проговорил он и бросился к ней на шею.

— Наконец-то, — прошептала она. — Здоров ты? Совсем здоров, милый мой?

Она закидывала вопросами, смеялась и плакала. Он радостно целовал ее руки, и оба они в счастье забыли, что сзади их стоял старик, который тихо плакал слезами радости, глядя на своих счастливых детей.

Вепецкий остановился у Чепелевых. Через два месяца была их свадьба, а через три он вышел в отставку и поехал с молодой женой и стариком в деревню к матери.

Чепелева уехала за границу, получив всего сто тысяч из состояния покойного брата.

Остальное неизвестно куда делось. Елена отказалась от наследства.

Месяца через два Венецкий прочитал в газетах, что Неручный умер от тифа в Орхание.

— Он был прав, Леля, — грустно промолвил Венецкий, сообщая жене печальную новость.

И он стал рассказывать ей о своем приятеле.

— Вы чего это такие грустные? — промолвил старик, поднимаясь на террасу, где уже готов был ужин.

Ночь стояла чудная, теплая. Луна освещала своим волшебным светом густой сад перед террасой. Счастливые личным счастьем Венецкие скоро забыли о приятеле и весело смотрели в глаза будущему...

Надолго ли?

Примечания

О русско-турецкой войне. Правящие круги России решили воспользоваться национально-освободительным движением в балканских странах против турецкого ига и укрепить свои позиции на Балканах. Таковы были субъективные намерения царского правительства. Но с другой стороны — война эта избавляла славянские народы от турецкого владычества, и потому была поддержана ими. В романе «В мутной воде» Станюкович прежде всего уделяет внимание разоблачению русской буржуазии и чиновничества, которые, прикрываясь фразами об «освободительной войне», наживали капиталы в то время, как солдаты и простые офицеры гибли на фронте из-за бездарного военного руководства и бесовестного грабежа интендантов. Эти разоблачения вполне соответствовали духу революционного подъема, приведшего к созданию революционной ситуации в России конца 70-х — начала 80-х гг. XIX в.

Я без гроша! (франц.)

[^^^]

3

Хорошо, все в порядке! (англ.)

[^^^]

Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд, будучи в 1874–1880 гг. премьер-министром Англии, противодействовал усилению позиции России на Балканах.

[^^^]

Туда (нем.).

[^^^]

В 1877 г. в Москве происходил судебный процесс над сорока пятью молодыми людьми (в основном прокутившимися дворянами), которых обвиняли в подделке векселей и т. п. По названию романа французского писателя Понсон дю Террайля «Клуб червонных валетов», их окрестили «червонными валетами». С этих пор так стали называть преступников, происходящих из привилегированных сословий.

[^^^]

По библейской легенде, прекрасный юноша Иосиф был продан своими братьями в Египет в рабство. Там, при дворе фараона, его тщетно пыталась соблазнить жена царедворца Пен-тефрия.

[^^^]

«Санкт-Петербургская политическая, литературная, коммерческая и промышленная газета», издававшаяся на французском языке с 1859 по 1917 г.

[^^^]

Ежедневная официальная газета, издававшаяся в Петербурге с 1869 по 1916 г.

[^^^]

10

По желанию, на выбор (лат.).

[^^^]

День недели, назначенный для приема гостей
(от франц. le jour fixe).

[^^^]

Развалины города и крепость в Гайдерабаде в Индии; всемирную известность Голконда приобрела своими алмазами. Слово это употребляется теперь как синоним неисчерпаемой сокровищницы.

[^^^]

Во второй части «Мертвых душ» Гоголь рассказывает о капитане Копейкине, который потерял на войне руку и ногу и, не имея никаких средств для существования, тщетно добивался пенсии.

[^^^]

Вот и все (франц.).

[^^^]

Письменное свидетельство (лат. — certum — верно, facere — делать).

[^^^]

Окружение, среда (от франц. *entourage*).

[^^^]

Город в Болгарии.

[^^^]

За город (нем.).

[^^^]

Вторым «я», близким другом (лат.).

[^^^]

Известные итальянские певцы Мазини и Капуль в 70-е годы прошлого столетия пели в Петербурге в опере Верди «Травиата», героиня которой умирает от туберкулеза.

[^^^]